

orientalis

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL.3, №3
TOM 3, №3

2021

Востоковедение

Asian-Pacific Region

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka. The journal is published in compliance with all the requirements of the Higher Attestation Commission

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientalists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in the following specialties:

- 10.02.00. Philological sciences:
- 10.02.20. Comparative-historical, typological and comparative linguistics
- 10.02.22. Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, aborigines of America and Australia
- 07.00.00. Historical sciences:
- 07.00.03. General History
- 07.00.09. Historiography, source studies and methods of historical research
- 07.00.15. History of international relations and foreign policy
- 09.00.00. Philosophical Sciences:
- 09.00.03. History of Philosophy

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka. Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи по следующим специальностям:

- 10.02.00. Филологические науки:
- 10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- 10.02.22. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
- 07.00.00. Исторические науки:
- 07.00.03. Всеобщая история
- 07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15. История международных отношений и внешней политики
- 09.00.00. Философские науки:
- 09.00.03. История философии

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date: 08.13.2021. Offset paper. Digital printing. Format 60x84 1/8. The total circulation is 500 copies. Order No. ____ Printed from the finished layout at the «ФЭН» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionisis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: **Dmitry Martynov**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: **Ramil Valeev**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: **Alfiya Alikberova**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: **Rustem Mukhametzyanov**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: **Dmitry Balakin**, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: **Elmira Khabibullina**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute

of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasryi, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 13.08.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8. Общий тираж 500 экз. Заказ №___ Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и доредакционная обработка: Dionisis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока,

ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврutiна Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енз, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланьи Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

Hu Liang, Xiong Ziyu

A phonetic experimental study of different semantic functions in “zenme” questions. 346

Peng Zerun, Su Biqin

A variety of Non-verb USES of the Multifunctional Word "DE (得)" in Dingcheng Dialect of Changde City of Hunan Province 360

Yuan Yuhua

Development and research of the Baudouin de Courtenay theory in China. 382

Rui Xiaocheng

A brief discussion on the Russian translation of Chinese idioms and translation compensation strategies from the perspective of cultural default 391

Nazarova S.A.

On the issues of overcoming interlingual and intralingual interference in teaching Chinese to students: lexical and grammatical aspect 401

Khismatullina El. I.

Peculiarities of translation of phraseology on materials of different-structured languages (on the example of Turkish and Russian) 410

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Tukhtaeva E.R.

Some socio-political concepts in the interpretation of Confucians and Mohists 418

Sorokina E.S.

“Musubi” and “hi” as categories of Japanese animatism 430

HISTORICAL SCIENCES

Martynov D.E., Martynova Yu.A., Rakhmatullina R.R.

Adam Laxman's expedition and the beginning of Japanese-Russian relations in the XVIII century 440

Silakova S.A., Gajnullina L.A.

Korean bronze mirrors as a pattern of China's cultural influence 449

YOUNG SCIENTISTS

Martynov D.E., Martynova Yu.A., Philippenko D.A.

Formation of Japanese national self-consciousness in the Meiji era 456

Fedotova D.A.

Features of the creation of a unified anti-Japanese front in China in 1937 470

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ху Лян, Сюн Цзыюй

Фонетическое экспериментальное исследование различных семантических функций в вопросах с «zenme».

346

Peng Zerun, Su Biqin

Разнообразие неглагольных употреблений многофункционального слова "DE(得)" в диалекте Динчэн города Чандэ провинции Хунань

360

Юань Юхуа

Развитие и исследование теории Бодуэна де Куртенэ в Китае

382

Жуи Сяочэн

Краткий обзор перевода китайских идиом на русский язык, стратегий компенсации перевода с точки зрения культурной недостаточности

391

Назарова С.А.

К вопросу о преодолении межъязыковой и внутриязыковой интерференции при обучении китайскому языку студентов: лексико-грамматический аспект

401

Хисматуллина Э. И.

Особенности перевода фразеологии на материалах разноструктурных языков (на примере турецкого и русского языков)

410

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Тухтаева Е.Р.

Некоторые социально-политические концепции в трактовке конфуцианцев и моистов

418

Сорокина Е.С.

«Мусуби» и «хи» как категории японского аниматизма

430

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Рахматуллина Р.Р.

Экспедиция Адама Лаксмана и начало японо-российских отношений в XVIII в.

440

Силакова С.А., Гайнуллина Л.А.

Корейские бронзовые зеркала как образец культурного влияния Китая

449

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Филиппенко Д.А.

Формирование японского национального самосознания в эпоху Мэйдзи.

456

Федотова Д. А.

Особенности создания единого антияпонского фронта в Китае в 1937 г.

470

A phonetic experimental study of different semantic functions in “zenme” questions

Фонетическое экспериментальное исследование различных семантических функций в вопросах с «zenme»

“怎么”问句中不同语义功能的语音实验研究

胡靓 (Ху Лян)¹, 熊子瑜 (Сюн Цзыюй)²

Хунаньский педагогический университет¹, Китайская академия социальных наук²

47501698@qq.com

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-346-359

АННОТАЦИЯ

В прошлом различия в использовании вопросительного местоимения «zenme» в основном были связаны с анализом того, несет ли вопросительное местоимение фокусную информацию и ударение, но результаты анализа не были подтверждены экспериментами. С точки зрения экспериментальной фонетики в данной статье изучается акустическая характеристика вопросительного местоимения «zenme» при выражении вопросительных и невопросительных предложений. В ходе экспериментов было обнаружено, что вопросительное местоимение «zenme» не может понять фокус предложения, когда задается причина, задается способ действия и риторический вопрос, и не подходит для выражения ударения в предложении. В предложении, выражающем значение вопроса о способе действия, предикатный глагол после «zenme» нагружает ударение предложения, предложение сосредотачивается на поведении действия, а граничный тон является высокопрофильным. В предложениях, выража-

ABSTRACT

In the past, the differences in the usage of the interrogative pronoun “zenme” mainly focused on the analysis of whether the interrogative pronoun carries focus information and stress, but the analysis results have not been proved by experiments. From the perspective of experimental phonetics, this paper studies the acoustic performance of interrogative pronoun “zenme” in the expression of interrogative and non-interrogative sentences. Through experiments it is found that the interrogative pronoun “zenme” cannot realize the sentence focus when asking the reason, asking the way of action and a rhetorical question, and is not suitable to carry the sentence stress. In the sentence expressing the meaning of asking the way of action, the predicate verb after “zenme” loads the sentence stress, the sentence focuses on the action behavior, and the boundary tone is highprofile. In the sentences expressing the meaning of asking reason and rhetorical questions, the content words at the end of the sentence are loaded with sentence stress, the sentence focuses on the pointed fact,

ющих смысл постановки разумных и риторических вопросов, содержательные слова в конце предложения насыщены ударением предложения, предложение сосредоточено на указанном факте, а граничный тон сдержанный.

Ключевые слова: фокус, граница, ударение в предложении, вопросительная конструкция, невопросительная конструкция.

Для цитирования: Ху Лян, Сюн Цзыюй. Фонетическое экспериментальное исследование различных семантических функций в вопросах с «zenme». Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3). 346-359.

摘要

以往对疑问代词“怎么”用法上的区别主要集中在语句中疑问代词是否承载焦点信息和重读分析上，但是分析结果目前大多没有得到实验证明。本文从实验语音学的角度考察“怎么”疑问句语调音高特征。通过实验发现疑问代词“怎么”在询问原因、询问方式和反诘义时较为充分地实现了“低”的声调音高特征，没有发生语音弱化现象，但并不是句子重音，无法实现句子焦点。在表达询问方式的语句中，“怎么”之后的谓语动词负载语

1. 引言

目前学界普遍认为疑问代词“怎么”疑问用法具有多义性。吕叔湘在《中国语法要略》把疑问代词“怎么”意义分为三种：问情状、询问动作的容状及方法和询问原因。郭继懋（2001）指出现代汉语疑问代词，除了“怎么”、“怎么样”、“怎样”之外，都分别对应于比较单一的一种意义，如谁-人，什么-（事物）种类，多-程度，几、多少-数目，哪-在某范围中进行选择，等等。只有“怎

and the boundary tone is low-key. In addition, in order to distinguish from sentences that purely ask for reasons, the range of the whole rhetorical question is be significantly expanded, i.e. The top points will become higher, the base points will become lower, and mainly the top points will become higher.

Keywords: focus, boundary, sentence stress, question, non-question.

For citation: Hu Liang, Xiong Ziyu. A phonetic experimental study of different semantic functions in “zenme” questions. Modern Oriental Studies. 2021; 3(3). 346-359.

句重音,句子聚焦在动作行为上,边界调为高调特征;在表达询问原因和反问的语句中,句末实词负载语句重音,句子聚焦在所指事实上,边界调为低调特征;此外,为区别于纯粹询问原因的句子,整个反问句的音域范围会被显著拉伸扩展,即高音点变得更高、低音点变得更低,并主要表现为高音点变得更高。

关键词: 聚焦 边界调 句重音 疑问 非疑问

么”等疑问代词可以表示情状、方式、原因等多种意义。邵敬敏（2009）认为“怎么”疑问句的功能类型可以按反诘程度分为五种类型：不解型、不满型、催促型、申辩型与驳斥责怪型，反诘程度依次递增。王小穹（2013）从范畴化的角度，原型语义、次边缘语义、边缘语义等三个语义等级一起构成“怎么”的语义范畴，并分别对应着疑问指代、指代、主观态度等三种语义性质。李湘（2019）从命题真值、言者态度、话语篇章三个意义层面设立“怎么”四个义项：询问“情状”、询

问“方式”、表达“惊讶”和介于“猜测”。而关于疑问代词“怎么”多种意义如何解读，学者们从句法、语义和语用层面多种维度进行了详实而细致地探讨，但是相比之下，疑问代词“怎么”多义性在韵律上的表现研究略显微薄。本文拟在已有理论研究基础上，以语音实验的研究方法揭示疑问代词“怎么”不同意义和语调音高特征之间的联系。

2. 疑问代词“怎么”的多义性和语调关系已有研究

关于疑问代词“怎么”句在表达疑问时的语音表现。李湘（2019）指出“怎么”询问情状和询问方式是命题真值层面的真正的特指疑问用法，在没有特殊语境因素影响的情况下，它们都会成为整个疑问句的焦点，同时也获得相应的句子重音；而问原因的“怎么”本质上语气副词，核心功能是表达言者的“惊讶”情绪，主要功能不是询问，都无法负载句子的重音和焦点。刘月华（1985）认为“怎么”问原因主要表示说话人的困惑、诧异，一般不能重读，句重音一般在后面作为焦点的成分上或者也可以在主语上，使其成为疑问焦点；“怎么”询问方式可以重读成为疑问焦点。这样看来，疑问代词“怎么”在询问原因时信息焦点是散焦型，即不负载常规重音和常规焦点；而询问方式是是聚焦型；负载常规重音和常规焦点。在同一句法结构下即“怎么”在句中，“怎么”询问方式和询问原因的区别就在于音高重音位置的不同：如果是询问方式，句重音落在“怎么”上；如果是询问原因，句重音就落在“怎么”后的动词上或者其他成分上（邵敬敏 2009）。如下

例①所示：

①你怎么打牌？

A. 甲 你‘怎么打牌？ 乙 靠运气。

B. 甲 ‘你怎么打牌？ 乙 解闷儿。

（邵敬敏《现代汉语疑问句研究》）

关于疑问代词“怎么”指代义的语音表现。

《现代汉语词典》（第七版）把“怎么”指代用法主要分为任指和虚指，都可以用来指代性质、状况和方式。“怎么”的任指义在结构上后面常用‘也、都’呼应。“怎么”从原型语义过渡到次边缘，不仅语义发生了变化，而且句子功能发生了改变：疑问转化为直陈。王小穹（2013）认为“怎么”为次边缘语义时，用来帮助加强句子的主观性语义，本身不是信息焦点不负载重音，整个句子相当于陈述句。如下例②、例③：

② 这种花怎么繁殖、怎么种、怎么管理我都知道。（吕叔湘《现代汉语八百词》）

③ 怎么修都修不好。（吕叔湘《现代汉语八百词》）

但是郭继懋（2001）认为“怎么”表示方式时都是重读的。并举例进行了说明，如例④、例⑤：

④新品种怎么怎么好，老品种怎么怎么不行，他当着大家详细地作了比较。（郭继懋《“怎么”的语法意义及“方式”“原因”和“情状”的关系》）

⑤他把怎么来怎么去都告诉了大家。（郭继懋《“怎么”的语法意义及“方式”“原因”和“情

状”的关系》)

关于疑问代词“怎么”句在表达非疑问时的语音表现。疑问代词“怎么”句的非疑问用法主要是为了表达说话者的主观情绪。主观情绪大致分为正面情绪和负面情绪。当事件和行为或者语境是正面的且超出说话人的认知范围，“怎么”就传达出“惊讶”、“感叹”之意，这时“怎么”的疑问语调转换为感叹语调：可以和句尾的感叹语调一起表达感叹语义，其所 在句子的语调是下降的（王小穹 2013）。如例⑥

⑥孩子怎么受得了！/你怎么走这条路哇！/我怎么那么倒霉啊！（自拟）

当事件和行为或者语境是消极的，对说话人带来了不满、反感甚至厌恶的情绪，那么“怎么”体现出了“反预期信息”的语用功能，疑问句也就变成了反问句。如下例⑦三个句子：

⑦ a: 他怎么这么高兴？ b: 小李怎么没报名？ c: 怎么他还不出来？

（刘彬，谢梦雅《疑问代词“怎么”的惊异义及其句法后果》）

在上例⑦中“怎么”既可以作为疑问句可以作为感叹句和反问句。说话人在句式结构相同的情况下通过改变语调实现疑问-反问-感叹互通。而“怎么”在表达“反预期”意义时，因失去了询问的主要功能，无法负载句子的重音和焦点（李湘，2019）。

“怎么”在表达“反诘”之意时含有否定成分（吕叔湘，1982；刘月华，1985；张伯江，

1996；邵敬敏，2009）。邵敬敏（2009）反问句的“反”要依赖聚焦特征（韵律焦点和句法 焦点）实现。“怎么”构成反问句“意在否定”，其聚焦特征存在两种情况：调核与疑问词一致，调核携带超重音；调核与疑问词不一致，疑问词虚化-轻读。如下例⑧一组对话：

⑧A: 我不知道 B: 你怎么不知道？他们早就跟你说的很清楚了。

受话人 B 预设“说话人 A 理所应当知道”，然而说话人 A 的“我不知道”否定了受话人 B 的预设，引发了受话人的不满和质疑。“怎么”携带了音高重音与否定词“不”对说话人 A “我不知道”内容的否定。“怎么”+否定词+VP 构成了“反诘”即肯定。这样看来，学者们一致认为含疑问代词“怎么”的句子因为“怎么”意义的不同，句子有聚焦到散焦的变化，但是在理论层面上对于同一语义语句中或者在不同语义语句中“怎么”是否负载句子重音却存在着分歧。综上所述，“怎么”句的语义表达是一个复杂现象，在实际运用过程中有多种意义解读。那么，人们语言交流过程中说话者在“声音”中如何表征“怎么”句的用法不同；其次，“怎么”问句的语调音高特征以及重音分布实际状况又是如何；最后，根据焦点理论的基本观念，一个特指疑问句中的疑问词就是该句的焦点所在，同时也应该负载句子重音。那么，“怎么”作为疑问代词，在疑问句中是否负载句子重音。这些都是本研究需要解决的问题。因此本研究通过语音产出实验考察“怎么”问句的语调音高特征与不同语义功能之间的关系，旨在揭示“怎么”问句在不同语义间的语音特征。

3.研究方法

3.1 实验语料设计

为帮助参与者自然产出不同语义功能的“怎么”问句，本实验将提供相关的话语背景信息，参与者被要求在不同的语境即疑问语境和非疑问语境中使用简单的句式结构-Subject+怎么+Verb+Object，同时又能够准确传达焦点-背景结构的句子语气和力度。汉语是声调语言，语调和声调是“大小波浪”并存叠加的代数和关系（赵元任，1933）。本实验为了获得“怎么”在不同语义功能中真实语音参数和语调特征，所有目标句都包含一个双音节名词性主语“张薇”和一个单音节动词“去”以及一个双音节名词性宾语“天津”，句首和句末都采用双音节实词，且声调均为阴平调（H 调）。由于“怎么”放在句首具有很强的语法制约性和语用功能区别性特征，如：只能询问原因、在口语表达上短暂的停顿。同时，“怎么”放在句末不多见，基于以上因素，本实验只把“怎么”放在句中考察。

传疑：询问原因和询问方式

询问原因。目标句放在一定语境中。A 和 B 对话中共享语境信息：张薇是一个在校大学生，并且去了天津。发话人 A 不知道张薇去天津的原因。发话人 A 对这部分信息是未知的，受话人 B 却是已知的。

A: 张薇怎么去天津? B: 突然想去了呗。

询问方式。目标句放在一定语境中。张薇是一个在校大学生，并且去了天津。发话人 A 不知道张薇去天津所使用的交通工具是什么。发话人 A 对这部分信息是未知的，受话人 B 却是已知的。

A:张薇怎么去天津? B:坐高铁去的。

非疑:反诘

反问句。目标句放在一定的语境下。A 和 B 对话中共享语境信息：张薇是一个在校大学生，但是学校还没有放假。B 说话人对张薇去天津这一事件未知，并且对这个行为持反对态度。

A: 张薇去了天津。 B: 张薇怎么去天津?

在三个不同的语境信息中“怎么”形成了三个目标句，如下表 1 所示：

怎 么	传疑	询问原因	1.张薇怎么去天津?
		询问方式	2.张薇怎么去天津?
	非疑	反诘	3.张薇怎么去天津?

Табл.1. Экспериментальный корпус предложений с разными семантическими выражениями вопросительного местоимения «Как»

Table 1. Experimental corpus of sentences with different semantic expressions of the interrogative pronoun "How"

表 1 疑问代词“怎么”不同语义表达句的实验语料

3.2 受试对象

本文选取了十名大学生：五名男生，五名女生，年龄均在二十岁左右，语言生长环境均为北京城区。现为北京第二外国语学院学生，均无发音和听力障碍。实验前已经签署了同意参与该实验的协议书，并支付一定的报酬。

3.3 受试过程

录音是在北京第二外国语学院高翻学院一间安静的房间里进行的。受试者坐在电脑屏幕前。麦克风置受试者面前 15 厘米左右。所设计的每组

对话不仅打印在 A4 纸上，提前发给受试者，让他们熟悉录音内容。正式录音前，受试者进行预录，语音材料与正式语音材料类似。采用 xRecorder 录音，采样率为 22050 赫兹，单声道，并保存为 wav 格式的声音文件。录音时，要朗读的文字内容由程序按照随机顺序自动在电脑屏幕上，每组对话录制三遍。受试者可以自己控制录音过程，并且可以在发音错误时或者语句不自然的情况下重复录音。每位发音人都使用普通话，以自然状态说出，句子之间有间隔。所采集的话语样本共计 90 句：3（目标句）×10（人）×3（遍）。

3.4 数据的提取和计算

录制完的声音文件用 Praat 语音分析软件的脚本程序进行语音标注和音高、音长等数据的提取，所有标注数据和音高数据均经过了手工检校。为了消除不同发音人的个体差异，在分析音高数据前对其进行了归一化处理（朱晓龙，2004），分为两个步骤：一是进行半音转化，将赫兹值换算为对数标度，参考频率为各位发音人的音高均值；二是计算标准值 z-score。每位发音人的数据处理完之后合并在一起，然后使用 SPSS 程序对语音数据进行计算和统计分析。在提取音高参数时，每个音节按照其韵母基频段的时长等间隔提取 10 个基频值，并自动检测有无跳点、断点之类的错误，如有错误，则该音节的数据将被自动剔除。若某个语句中的音节被自动剔除了一个，则不再分析该句的“语句音高最大值、语句音高最小值、语句音高均值、语句音高范围”等数据。上述过程所用到的 Praat 脚本程序均由熊子瑜编写和提供。

4 实验结果

本研究从边界调、焦点重音和口气强弱三个韵律因素考察了疑问代词“怎么”在表达询问原因、询问方式以及表达反诘义这三种不同语义句子中的情况。

4.1 边界调

根据归整后的音高数据，我们对不同语义范畴下的每个目标句的音节进行音高均值分析，得到各类语句的音高均值数据，并在此基础上制作语句音高曲线图，如下图 1 所示。

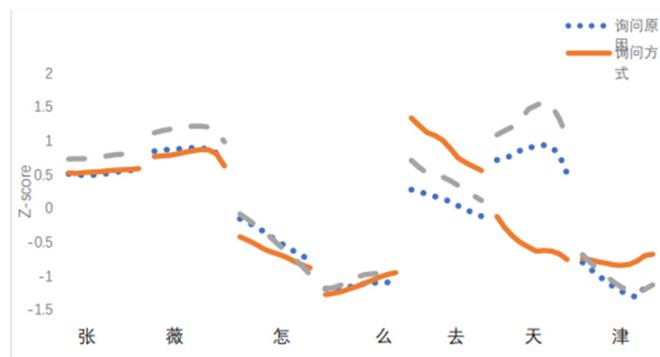

Рис.1. Кривые средней основной частоты всего предложения вопросительного местоимения «как» в трех различных семантических категориях

Fig.1. Curves of the average fundamental frequency of the whole sentence of the interrogative pronoun "how" in three different semantic categories

图 1 疑问代词“怎么”问句在三种不同语义范畴的全句平均基频曲线图

基于图 1 我们可以看出在这三类语句中，句末音节“津”都被明显弱化，该音节作为高平字，底层原本具有“高+平”的声调音高特征，但其实音阶（按高音点看）基本处于发音人的音域下限位

置，差不多跟句中的轻声音节“么”比较接近，而且“津”还从平调变成了降调，这些语音表现均表明“津”的发音已被明显弱化了。另外，在询问方式的语句中，被弱化的“津”并没有出现明显的下降，这与其他两类语句显著不同，这表明该音节因弱化而应该出现的降势因其他原因而被阻断。

针对这种差别，本文认为这三类语句出现了两种显著不同的边界调，一种具有“高调”特征，即询问方式时所采用的边界调；另一种具有“低调”特征，即询问原因或反诘义时所采用的边界调。正是由于边界调的音高特征不同，导致“津”的音高表现出现了不同。

4.2 焦点重音

一般说来，疑问词是特殊问句的句子焦点；焦点成分是句子的语调重音所在。Xu(1999)、Garding(1987)、Shih(1988,2004)等学者发现汉语单焦点在焦点中具有 F0 升高，焦点后音域显著压缩，并出现焦点后骤降现象的语音现象。

E.Kabagema-Bilan(2011)考察了汉语多焦点条件下焦点的语音表现：只有第二个焦点重音现象明显，而第一个焦点没有语音上的变化。我们把三组句子所有音节的音高最高值做了均值，并绘制成曲线图，分别如图 2.1 和图 2.2 所示。为便于比较，下表 2 进一步给出了“怎、么、去、天、津”这几个音节在三组句子中的主要音高数据，其中“津”给出的是末点音高数据。

Рис.2.1. График данных высоты тона, основанный на средних данных максимальной высоты звука каждого слога

Fig.2.1. Pitch data graph based on the average data of the maximum pitch of each syllable

图 2.1 疑问代词“怎么”问句在三种不同语义范畴的全句平均基频曲线图

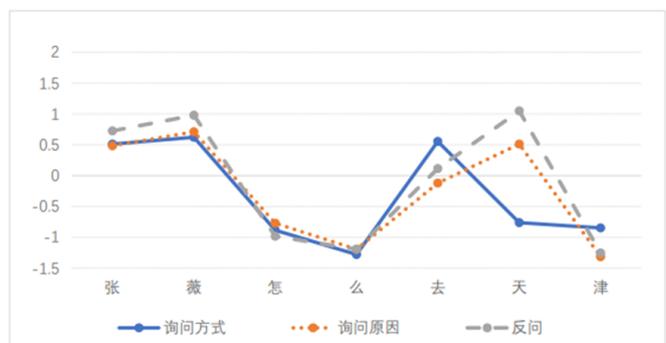

Рис.2.2. График данных высоты тона, основанный на среднем значении минимальной высоты звука каждого слога

Fig.2.2. Pitch data graph based on the average data of the minimum pitch of each syllable

图 2.2 基于各音节音高最小值的均值数据做成的音高数据图

通过观察图 2.1、图 2.2 和表 2，我们发现有以下规律和趋势：

- (1) 音节“怎”在不同语句义中反问句音高高音点

	疑问代词中“怎”音节		疑问代词中“么”音节		动词“去”		句末倒数第二个音节“天”		句末倒数第一个音节“津”
	最高值	最低值	最高值	最低值	最高值	最低值	最高值	最低值	末点值
问原因	-0.17	-0.82	-1.11	-1.21	0.34	-0.05	0.93	0.50	-1.15
问方式	-0.44	-0.88	-0.91	-1.23	1.49	0.60	-0.17	-0.84	-0.68
反问句	-0.07	-0.99	-0.95	-1.17	0.69	0.02	1.58	1.03	-1.14

Таблица 2 Слог «Как», слог «Я», следующий глагол «Иди», предпоследний слог «天» в конце предложения после нормализации основной частоты, верхняя и нижняя точки высоты тона, а в конце предложения слог «цзинь». Неопределенное значение. Полужирным шрифтом выделены максимальное значение максимальной высоты звука одного и того же слога и самая низкая точка минимальной высоты звука одного и того же слога в разных смысловых предложениях.

Table.2 The syllable "How", the syllable "Me", the following verb "Go", the second-to-last syllable "天" at the end of the sentence after the fundamental frequency is normalized, the pitch high and low points, and the end of the sentence syllable "jin" Unpointed value. The maximum value of the highest pitch of the same syllable and the lowest point of the minimum pitch of the same syllable in different semantic sentences are marked in bold.

表. 2 音节“怎”、音节“么”、其后动词“去”、句末倒数第二个音节“天”基频规整后音高高音点和低音点以及和句末音节“津”的末点值。在不同语义句中同一音节音高最高值的最大值和音高最小值的最低点以加粗方式标记。

更高,音高低音点变得更低;表询问原因义的语句中“怎”高音点与表反语义语句差异不大,差值仅为0.07。但是音节“怎”在表询问方式义的句中比反问句的音高低音点要低(0.11)。这说明疑问代词“怎么”在说话人情感表达中承担了说话人情绪。同样,在传疑过程中说话人询问方式时音节“怎”更为凸显。(2)疑问代词“怎么”内部音节“么”在三种不同语义表达句中高音点波动不大,尤其是询问方式义和反问句较为接近,差值为0.04。在询问方式义中“么”的低音点更低。在询问原因义语句、反问句中音节“么”的音域明显缩小。音节“么”虽然是轻声,但是在表达询问方式语句中音节“么”语势上有加强的迹象。(3)“去”的音高最大值在询问方式时最高,为1.49,其次是反问句中的0.69,而在询问原因时最小,只有

0.34。另外,在询问方式时,“天”的音高最大值远低于“去”的音高最大值,发生了明显的音高骤降现象。可见,在询问方式时,动词“去”的语势最强,语句的焦点重音落在了动词“去”之上。而在询问原因和反问句中,动词“去”的音高最大值比“天”的却要低一些,这表明在这两类句子中,“去”没有负载语句焦点重音。(4)“天”在反问句和询问原因的语句中的音高最大值达到了全句最高,分别为1.58和0.93。而在询问方式时,音节“天”的音高最大值却降至-0.12,这与其它两个句子相比,差异比较大。(5)句末音节“津”被弱化,音高较低,且呈一定降势,但在询问方式时降势被边界调所阻断,因而导致其末点的音高值相对较大,为-0.68,而另外两类句子的句末音高值基本相当,分别为-1.14和-1.15。通过以上的

对比分析，可以大致得出如下结论：“怎”、“么”这两个音节的音高差异反而比较小，尤其是“么”，究其原因，本文认为“怎么”在各组句子中均已达到或接近于发音人的正常音域下限，都较为充分地实现了“低”的声调音高特征，没有发生语音弱化现象，由于受生理限制无法进一步降低音高，所以难以体现更大的差别来。在询问方式的句子中，“去”的高音点很高，而其后接音节“天”出现了明显的音高骤降现象，这表明该语句出现了语句焦点重音，而且落在“去”这个音节之上；与此不同的是，在反问句或询问原因的句子中，“天”具有较高的音高，甚至比其前接音节“去”还要高出很

多，这表明在这两类句子中“去”没有负载语句焦点重音，另外根据其后接音节“津”出现了明显的音高骤降这一现象来看，这两个语句的焦点重音应该是落在“天”之上。简言之，在询问方式时，语句重音落在“怎么”后面的谓语动词“去”之上，信息聚焦在动词“去”上；而在询问原因或反问时，语句重音落在句末实词“天津”的首音节“天”之上。至此，本文认为根据边界调的音高特征、语句的焦点重音位置以及音高骤降等语音线索，可以很好地区分询问方式的句子和其他两类句子，它们的语音区别可大致罗列如下表3所示：

	边界调	语句的焦点重音	音高骤降
询问方式	高调（导致句末音节“津”的音高无明显降势）	由“怎么”之后的谓语动词“去”负载	“天津”整体出现音高骤降
询问原因 反问句	低调（句末音节“津”的音高有明显降势）	由句末实词“天津”的首音节“天”负载	“津”出现音高骤降

Таблица 3. Фонетическая разница между предложением вопросительного типа и двумя другими типами предложений

Table 3. Phonetic difference between an interrogative sentence and two other types of sentences

表 3. 询问方式句与其他两类句子的语音区别

4.3 语气强弱

那么如何进一步区分询问原因的句子和反问句呢？本文认为，这两类语句的区别主要表现在语气强弱上，反问句蕴含着“张薇本不应该去天津，怎么还去天津”的意思，它跟询问原因的句子在本质上并无太大差别，也有询问原因的意味，只不过是追问或责问的性质，不需要对方回答。这两类句子在语音上的区别主要表现在：反问句的音高具有高点更高、低点更低的特点，作用在于增加语气，传递出不满或责问的语气。这种音高差异跟上文谈到的边界调、焦点重音、音高骤降等性质不同，属于全局特征，表现在整个语句的音高曲线上，如反问句中的“张薇”音高整体提升、“怎么”的低音点更低（实际差别不明显，因为均已接近于发音人的正常音域下限）、“去”的音高整体提升，“天”的音高整体提升，只有句末音节“津”无差别，而这主要是因为该音节已被弱化。简言之，反问句和询问原因的语句在语音上是有

显著差别的，而且这种差别是全局性的，对全句的音高范围产生了影响，用以区分说话者的语气强弱。

4. 统计分析

为了进一步验证上文观察到的结果，我们将上文所论及的音高特征数据进行进一步的统计分析，以考察它们的差别是否具有统计意义。统计分析的数据包括：

- 1.“怎”的音高最低点；
- 2.“么”的音高最低点；
- 3.“去”音高最高点；
- 4.“天”的音高最高点；
- 5.“津”的最后一个音高点；
- 6.全句的音高范围。以句子类型为因子对这6个方面的数据做单因素统计分析和多重比较，其结果如表4所示：

	边界调		重音			语气强弱
	句末音节“津”音高终点	音节“怎”音高低点	音节“么”音高低点	动词“去”音高高点	句末倒数第二个音节“天”高点	整句调域
df, F	df=89; F=6.061	df=89; F=2.656	df=89; F=0.201	df=89; F=10.265	df=89; F=119.204	df=89; F=8.842
Sig.	P<0.05	p>0.05	p>0.05	p<0.01	p<0.01	p<0.01
Multicomparison						
询问原因&询问方式	p<0.01	p>0.05	p>0.05	p<0.01	p<0.01	p>0.05
询问方式&反问句	p<0.05	p<0.05	p>0.05	p<0.01	p<0.01	p<0.01
询问原因&反问句	p>0.05	p<0.05	p>0.05	p>0.05	p<0.01	p<0.01

Таблица 4. Результаты однофакторного анализа характеристик шага

Table 4. Single factor analysis results of pitch characteristics

表.4 音高特征单因素分析结果

表 4 的结果总结如下:

首先,对于边界调在三种不同语义区分都是有显著性。经过多重事后比较,进一步发现:询问方式义语句分别与询问原因义语句和反问句都是显著的;而询问原因义语句与反问句不显著。这符合我们的观察结果:询问方式义语句与询问原因义语句和反问句不同:前者是“高调”特征;后两者则是“低调”特征。其次,对于焦点重音,音节“怎”和音节“么”差异不显著;动词“去”以及其后音节“天”都有显著性。在多重事后比较中,这几个音节在不同的两两比较中表现出不同的结果:音节“怎”虽然在询问方式义语句和反问句语句以及询问原因义和反问句这两组两两比较中, p 值虽然小于 0.05,但是它们的数值却是 0.049,可以说没有什么差异。音节“么”在三组两两比较的结果 p 值都大于 0.05,这符合我们观察到的结果即音节“怎”和音节“么”因为受生理限制无法进一步降低音高,所以难以体现更大的差别来。动词“去”在询问原因义语句和询问方式义语句两两比较中具有显著性差异,而在原因义语句和反问句表现不显著。动词“去”在表方式义语句中焦点重音表现在统计学上异常显著,而在表达原因义语句和表反问句两者比较没有统计学意义。句末倒数第二个音节“天”区别三个不同语义都有显著性。这样,我们从定性的角度可以确定焦点重音在询问方式时是落在动词“去”上;在询问原因和反问句中是落在句末实词“天”音节上。最后,语气强弱上,调域在三种不同语义句都有显著性差异。在事后多重比较中,反问句在调域上与表询问原因句和表询问方式句都有显著性差异,但是表

询问原因句和表询问方式句两两比较中没有显著性差异。这符合我们图表观察的结果:反语义句调域更宽,语气更强。总之,在我们的数据中,边界调、焦点重音和语气强弱都是区分疑问代词“怎么”所产生的三种不同语义句子的稳定性因素。

5. 结论

通过本次实验研究增加了我们对疑问代词“怎么”疑问句的不同语义上韵律表现的理解。我们的研究结果证实并完善了关于疑问代词“怎么”重音现象的评论。本文研究结果归纳如下:

(1)疑问代词“怎么”在询问原因、询问方式和反语义时无法实现句子焦点,不宜承载句子重音。李湘(2019)从听感实验上论证了这个结论。从发音行为来说,“怎么”在各组句子中均已达到或接近于发音人的正常音域下限,都较为充分地实现了“低”的声调音高特征,没有发生语音弱化现象,由于受生理限制无法进一步降低音高,所以难以体现更大的差别来。理论上,李湘(2019)认为汉语普通话中并不存在一个问原因的特指疑问词“怎么”,它是在问方式的基础上经语用推导而实现的。

(2)在询问原因语句中,表目的地“天津”中的音节“天”音高特征表现为:音高较高,语势较强,焦点重音的特点。说话人通过音节“天”韵律上的凸显,构建了“去天津”的事实,表达说话人想知道“去天津”这一事实为什么会存在。

(3)在询问方式的语句中,动词“去”表现出焦点重音的特征:焦点位置出现 f_0 最高峰,焦点后骤降,是整个语句中聚焦点。在交流中,说话人加重动词“去”的语音,激活了“去”的动作发生过程中所借助的手段或者状态,表达了说话人询问的信息

是“去”的方式。(4)在表达说话人情绪语气时,疑问代词“怎么”相比其它语句语调较高,同时因为语句意义的表达,在反问句中与动词“去”语调上协同表达说话人反对情绪。这说明疑问代词“怎么”不仅负载说话人的情绪,而且其情绪义的表达是与句子中其它成分一起完成,是一种散焦点状态。(5)询问方式时边界调呈现“高调”特征,另一种具有“低调”特征;询问原因或反问时边界调显示为“低调特征”。正是由于边界调的音高特征不同,导致“津”的音高表现出现了不同。虽然我们通过实验的方法厘清了疑问代词“怎么”疑问句的不同语义的音高表现,但是本研究还有一些声学特征没有探讨,如:疑问代词“怎么”问句中其它声学特征-时长、音强、韵律结构。同时本研究并不能完全反映“怎么”全部用法的韵律特征,如:疑问代词“怎么”在不同的功能语气之间的比较以及在“能”、“会”等能愿动词前等一些句法结构中。最后,本研究所取得的结果主要是建立在实验语料的基础上,今后可以在实际语料中来检验这些声学参数,不断调整“怎么”在不同语句里的声学参数,从而建立一个较好的语调模型。

Литература

- 曹剑芬.汉语声调与语调的关系[J].中国语文,2002,(3).
- 冯胜利.从韵律看汉语‘词’‘语’分流之大界[J].中国语文,2001,(1).
- 胡方.普通话疑问词韵律的语音学分析[J].中国语文,2005,(3).
- 郭继懋.“怎么”的语法意义及“方式”“原因”和“情状”的关系[J].汉语学习,2001(6).
- 李湘.状语“左缘提升”还是小句“右向并入”?[J].中国语文,2019(5).
- 刘彬,袁毓林.“怎么”类特指反问句否定意义的形成与识解机制[J].语言教学与研究,2019(1).
- 刘彬,谢梦雅.疑问代词“怎么”的惊异义及其句法后果[J].汉语学习,2019(2).
- 林茂灿.疑问和陈述语气与边界调[J].中国语文,2006(4).
- 吕叔湘.中国语法要略[M].北京:商务印书馆,1982.
- 吕叔湘.现代汉语八百词[M].北京:商务印书馆,1980.
- 邵敬敏.现代汉语疑问句研究[M].上海:华东师范大学出版社,2009.
- 沈炯.汉语语调模型刍议[J].语文研究,1992(4).
- 沈炯.汉语语调构造和语调类型[J].方言,1994(3).
- 吴宗济.吴宗济语言学论文集[M].北京:商务印书馆,2004.
- 肖治野.“怎么 1”与“怎么 2”的句法语义差异[J].汉语学习,2009(2).
- 熊子瑜.自然语句边界的韵律特征及其交际功能[D].中国社会科学院研究生院博士学位论文,2003.
- 中国社会科学院语言研究所词典编纂室.《现代汉语词典》(第七版)[Z].北京:商务印

书馆, 2016.

18. 张伯江. 否定的强化[J]. 汉语学习, 1996(1).
19. 赵元任. 汉语的字调跟语调[A]. 赵元任语言学论文集(吴宗济、赵新那)[C]. 北京: 商务印书馆, 2002.
20. 朱晓龙. 基频归一化[J]. 语言科学, 2004(2).
21. 王小穹, 何洪峰. 疑问代词“怎么”的语义扩展过程[J]. 汉语学习, 2013(6).
22. Elena Kabagema-Blian et al. Multiple focus in Mandarin Chinese[J]. *Lingua*, 2011(121).
23. Garding, E. Speech Act and Tonal Pattern in Standard Chinese: Constancy and Variation [J]. *Phonetica* 1987(44).
24. Selkirk, E. Comments on intonational phrasing in English[R]. In: Frota, S., Viga' rio, M., Freitas, M.J. (Eds.), *Prosodies. With Special Reference to Iberian Languages*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2005.
25. Shih, C. Tone and Intonation in Mandarin. In: *Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory No. 3. Stress, Tone and Intonation*. Department of Linguistics, Cornell University, Ithaca, NY, 1988.
26. Shih, C. Tonal effects on intonation. In: *International Symposium on Tonal Aspects of Languages: With Emphasis on Tone Languages*, ISCA archives, 2004.
27. Pierrehumbert, J. The phonology and phonetics of English intonation [D]. MIT, 1980.
28. Xu, Y. Effects of tone and focus on the formation and alignment of f0 contours [J]. *Journal of Phonetics*, 1999(27).

References

1. 曹剑芬. 汉语声调与语调的关系[J]. 中国语文, 2002,(3).
2. 冯胜利. 从韵律看汉语‘词’‘语’分流之大界[J]. 中国语文, 2001,(1).
3. 胡方. 普通话疑问词韵律的语音学分析[J]. 中国语文, 2005,(3).
4. 郭继懋. “怎么”的语法意义及“方式”“原因”和“情状”的关系[J]. 汉语学习, 2001(6).
5. 李湘. 状语“左缘提升”还是小句“右向并入”? [J]. 中国语文, 2019(5).
6. 刘彬, 袁毓林. “怎么”类特指反问句否定意义的形成与识解机制[J]. 语言教学与研究, 2019(1).
7. 刘彬, 谢梦雅. 疑问代词“怎么”的惊异义及其句法后果[J]. 汉语学习, 2019(2).
8. 林茂灿. 疑问和陈述语气与边界调[J]. 中国语文, 2006(4).
9. 吕叔湘. 中国语法要略[M]. 北京: 商务印书馆, 1982.
10. 吕叔湘. 现代汉语八百词[M]. 北京: 商务印书馆, 1980.
11. 邵敬敏. 现代汉语疑问句研究[M]. 上海: 华东师范大学出版社, 2009.
12. 沈炯. 汉语语调模型刍议[J]. 语文研究, 1992(4).

13. 沈炯. 汉语语调构造和语调类型[J]. 方言, 1994(3).
14. 吴宗济. 吴宗济语言学论文集[M]. 北京: 商务印书馆, 2004.
15. 肖治野. “怎么 1”与“怎么 2”的句法语义差异[J]. 汉语学习, 2009(2).
16. 熊子瑜. 自然语句边界的韵律特征及其交际功能[D]. 中国社会科学院研究生院博士学位论文, 2003.
17. 中国社会科学院语言研究所词典编纂室. 《现代汉语词典》(第七版) [Z]. 北京: 商务印书馆, 2016.
18. 张伯江. 否定的强化[J]. 汉语学习, 1996(1).
19. 赵元任. 汉语的字调跟语调[A]. 赵元任语言学论文集(吴宗济、赵新那)[C]. 北京: 商务印书馆, 2002.
20. 朱晓龙. 基频归一化[J]. 语言科学, 2004(2).
21. 王小穹, 何洪峰. 疑问代词“怎么”的语义扩展过程[J]. 汉语学习, 2013(6).
22. Elena Kabagema-Blian et al. Multiple focus in Mandarin Chinese[J]. *Lingua*, 2011(121).
23. Garding, E. Speech Act and Tonal Pattern in Standard Chinese: Constancy and Variation [J]. *Phonetica* 1987(44).
24. Selkirk, E. Comments on intonational phrasing in English[R]. In: Frota, S., Viga' rio, M., Freitas, M.J. (Eds.), *Prosodies. With Special Reference to Iberian Languages*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2005.
25. Shih, C. Tone and Intonation in Mandarin. In: *Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory No. 3. Stress, Tone and Intonation*. Department of Linguistics, Cornell University, Ithaca, NY, 1988.
26. Shih, C. Tonal effects on intonation. In: *International Symposium on Tonal Aspects of Languages: With Emphasis on Tone Languages*, ISCA archives, 2004.
27. Pierrehumbert, J. The phonology and phonetics of English intonation [D]. MIT, 1980.
28. Xu, Y. Effects of tone and focus on the formation and alignment of f0 contours [J]. *Journal of Phonetics*, 1999(27).

Информация об авторах

Ху Лян, Сюн Цзыюй

Хунаньский педагогический университет,
Китайская академия социальных наук
2204, дом 32, Цуйфэн, Юньдин, район Юэлу,
город Чанша, провинция Хунань
47501698@qq.com

Information about Authors

Hu Liang, Xiong Ziuy

Hunan Normal University, Chinese Academy
of Social Sciences
2204, Building 32, Cuifeng, Yunding, Yuelu District,
Changsha City, Hunan Province
47501698@qq.com

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Разнообразие неглагольных употреблений многофункционального слова

"DE(得)" в диалекте Динчэн города Чандэ провинции Хунань

A variety of non-verb uses of the multifunctional word "DE (得)"

in Dingcheng dialect of Changde city of Hunan province

湖南常德鼎城方言多功能词“得”的多种非动词用法

栗碧琴, 彭泽润 (*Peng Zerun, Su Biqin*)*Hunan Normal University*

2843246370@qq.com

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-360-381

АННОТАЦИЯ

Использование «de(得)» в диалекте Динчэн совпадает со структурным вспомогательным словом в средней фразе дополнения «de (得)» в путунхуа. Существует также 5 специальных употреблений: междометие, способное вспомогательное, динамическое вспомогательное, предлог и тональное слово. Междометия используются в неудовлетворительных языковых ситуациях для выражения беспомощной вины и коммуникативных напоминаний, которые похожи на «ай (哎)» и «нуо (喏)» в путунхуа. Глагольное вспомогательное слово используется для того, чтобы указать на возможность и значение, близкое к глаголу «neng (能), can

ABSTRACT

The usage of “de (得)” in Dingcheng dialect other than verbs is the same as the structural auxiliary word in the middle supplement phrase of “de (得)” in Putonghua. There are also 5 special usages: interjection, capable auxiliary, dynamic auxiliary, preposition, and tone word. Interjections are used in unsatisfactory situations to express helpless blame and communicative reminders, which are similar to “ai (哎)” and “nuo (喏)” in Putonghua. The verbal auxiliary word is used to indicate the possibility, and the meaning is close to the verb “neng (能), can (可以)” in Putonghua. Used as a dynamic auxiliary word to indicate the completion of an action or state, which corresponds to “le (了)”

¹ [作者简介]栗碧琴(1996-),女,湖南常德人,湖南师范大学文学院语言学及应用语言学专业硕士研究生,研究汉语方言。彭泽润(1963-),男,湖南衡山人,湖南师范大学语言学教授、博导。研究汉语方言和语言理论。

[基金项目] 2020年湖南省教育创新工程和专业能力提升工程项目:湖南常德鼎城方言的湘语和官话混合特点研究(CX20200500)。

(可以)» в путунхуа. Также используется в качестве динамического вспомогательного слова для обозначения завершения действия или состояния, которое соответствует «le (了)» в путунхуа. В качестве предлога оно приводит к месту действия, объекту и агенту, которые близки к китайским путунхуа «zai (在)», «dao (到)» и «bei (被)». Модальные частицы выражают изменения в состоянии дел и тоне напоминаний с помощью различных тонов, соответствующих «le (了)» и «ne (呢)» в путунхуа. Многофункциональное использование «de (得)» в диалекте Динчэн также отражает смешанные цвета мандаринского и сянского диалектов.

Ключевые слова: Хунаньский городской диалект Чандедина, «ДЕ», междометие, предлог, вспомогательное слово, модальная частица.

Для цитирования: Peng Zerun, Su Biqin *Разнообразие неглагольных употреблений многофункционального слова "DE(得)" в диалекте Динчэн города Чандэ провинции Хунань. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 360-381.*

摘要

“得”在鼎城方言里动词以外的用法，除了跟普通话“得”做中补短语里的结构助词相同以外，还有5种特色用法：叹词、能性助词、动态助词、介词、语气词。做叹词，用于不如意的情况表示无可奈何地责怪和交际提醒，分别接近普通话“哎”和“喏”。在动词后做能性助词，表示可能，意思接近普通话的能愿动词“能、可以”。做动态助词，表示动作行为或者状态的完成，对应普通话的“了”。做介词，引出动作行为地点、关涉的对象和施事，分别接近普通话

in Putonghua. As a preposition, it leads to the location of the action, the object involved and the agent, which are close to the Putonghua Chinese “zai (在)”, “dao (到)” and “bei (被)”. Modal particles express changes in the state of affairs and the tone of reminders through different tones, corresponding to the “le (了)” and “ne (呢)” in Putonghua. The multifunctional usage of “de (得)” in Dingcheng dialect also reflects the mixed colors of Mandarin and Xiang dialect.

Keywords: Hunan Changdeding City Dialect; DE; Interjection. Preposition; Auxiliary Word; Modal Particle.

For citation: Peng Zerun, Su Biqin *A variety of non-verb uses of the multifunctional word "DE (得)" in Dingcheng dialect of Changde city of Hunan province. Modern Oriental Studies. 2021; 3 (3): 360-381.*

的“在”、“到”和“被”。做语气词通过声调的不同，分别表示事态变化和提醒强调的语气，分别对应普通话的“了”和“呢”。鼎城方言里“得”的多功能用法，也体现了官话和湘语的混合色彩。

关键词: 湖南常德鼎城方言；得；叹词；介词；助词；语气词

1 鼎城“得”多样化的词性和义项

湖南省常德市鼎城区，地处湖南中部偏西北的位置。这里的汉语方言，属于西南官话常澧片。“得”在鼎城方言里的意义和用法非常丰富：按照语法功能的不同可以分成一般动词、能愿动词、叹词、介词、动态助词、结构助词、能性助词和语气词8类。

鼎城方言“得”的实词用法有：

(1) 一般动词，念[te³⁵]。意义是“获得、得到”、“患上(病)”。单独做谓语，后面通常带名词或名词性短语做宾语，构成“得+N”结构。

(2) 能愿动词，念[te³⁵]。用在一般动词前，充当状语。表示肯定动作发生或状态出现的可能性，相当于普通话里的能愿动词“会、能”。

(3) 叹词①，念[te¹³]。表示无奈，接近普通话“哎”；叹词②，念[te²¹]。表示交际中的提醒，接近普通话“喏”。

“得”做虚词的用法有：

(1) 介词，念[te³³]。引出动作行为地点、关涉的对象和施事，分别接近普通话

的“在”、“到”和“被”。

(2) 结构助词，念[te³³]。衔接中心语和补语，接近普通话的补语标志“得”。

(3) 动态助词，念[te³³]，“得”做动态助词相当于普通话的“了”，表示“动作或者状态已经完成”。

(4) 能性助词，念[te³³]。表示可能，接近普通话的“可以、能、会”。可以在一般动词后直接充当补语，也可以再后接宾语或多层补语。

(5) 语气词①，念[te²¹]。表示事态变化，接近普通话“了”；语气词②，念[te³³]。表示强调，接近普通话“呢”。

虚词中除了表示动作变化的语气词念[te²¹]，其他都念[te³³]。33调值性质跟普通话的轻声一样，是一种模式化的声调。但是鼎城方言没有采用北方方言普遍采用的轻声手段，而是保留湘语里面选择声调系统里的一个音高偏中的声调，就是用去声的中等调值33。

鼎城方言“得”的这些用法可以概括成下面表格：

词性和义项	te ³⁵ (去声)	te ¹³ (阳平)	te ²¹ (上声)	te ³³ (入声)	衡山话
①一般动词	+				tie ²⁴ , tæ ²⁴ (新派)
②能愿动词	+				pu ²⁴ tie ²⁴ (只有否定)

词性和义项	te ³⁵ (去声)	te ¹³ (阳平)	te ²¹ (上声)	te ³³ (入声)	衡山话
③责怪叹词		+			tie ²⁴
④提醒叹词			+		tie ⁴⁴
⑤变化语气词			+		ta ³³
⑥强调语气词			(+)	+	lie ⁴⁴
⑦介词				+	tie ⁴⁴
⑧动态助词				+	ta ³³
⑨结构助词				+	li ⁴⁴
⑩能性助词				+	li ⁴⁴

Табл.1. Употребления слова «de» в диалекте Динчэн.

Table.1. The use of the word "de" in the Dingcheng dialect.

从上面表格可以更加清楚地看到，鼎城方言的“得”不仅词义丰富，而且在保持音质音节不变的前提下，利用方言系统5个声调的4个来区分不同的词性和义项。这样大大减少了相同语音形式的语义信息负担。当然，普通话的“得”也通过3种语音来区分语义：①dè，一般动词，得到。②děi，能愿动词，应该。③de，结构助词，补语标志。

我们在表格的最后一栏增加了作者彭泽润的母语衡山方言的对应的词。这样对比很容易看到鼎城方言用相同助词有歧义和衡山方言用不同助

词没有歧义的原因：在“动词+助词+名词”的结构中，有中补词组和述宾词组两种语法关系。还可以看到鼎城方言连续用的“te³³te³³”在衡山方言中怎样用不同的词“li⁴⁴ ta³³”区分：饭吃te³³te³³（得得）——饭吃li⁴⁴ ta³³（得得）。当然，鼎城方言多种用法并存，也有衡山方言这样可以区分的用法，见8.4节。

常德方言的单字调有5个，调类调值分别是：

阴平 55 妈衣忧斯西汪拖

阳平 13 麻移油时戏亡砣

上声 21 马椅有史喜往妥

去声 33 骂易又是席望大

入声 35 抹意幼湿习旺脱

可见，“得”在常德鼎城方言中不同词性对应的声音有不同，而且同一词性的不同义项，声音也有不同： te^{35} （一般动词、能愿动词）、 te^{33} （能性助词，结构助词，动态助词，介词，强调语气词）到 te^{13} （责怪叹词）、 te^{21} （提醒叹词，变化语气词）。

下面先通过《现代汉语词典》第7版记录的“得”词条和鼎城方言“得”进行共时对比，在这个基础上指出《现代汉语词典》在解释“得”的义项上值得商榷的地方。然后详细描写常德鼎城方言的非动词用法的“得”，因为这些非动词用法复杂而且有的非常有特点。在语气词描写中，根据不同语法搭配对鼎城方言语气词“得”划分小类，并且试图通过对比已有文献记录的语气词“得”和鼎城方言语气词“得”，论证真正的语气词“得”。

2 跟普通话“得”对比的鼎城方言“得”

为了描写湖南常德鼎城方言的“得”，我们先看看普通话的“得”有哪些意义。

对于实词“得 $dé$ ”，《现代汉语词典》第7版说明了有一般动词和能愿动词两种动词用法：

【1】动词。①得到（跟“失”相对）：取~|~益|不入虎穴，焉~虎子|这件事办成了你也会~一些好处。②演算产生的结果。③<口>，完成：饭~了|衣服还没有做~。④<口>，表示同意：~，就

这么办吧!⑤<口>动，用于情况不如人意的时候，表示无可奈何：~，这一张又画坏了！

【2】助动词。①用在别的动词前，表示许可：得依法申请；不得。②<方>用在单音节动词前，表示便于。③用在别的动词前，表示可能这样（多用于否定式）：不得。

上面的助动词用法在普通话中其实不存在，只是文言或者保留文言用法的方言这样用。在普通话中一般用“可以”表示肯定，用“不得”表示否定。《现代汉语词典》有“不得”这个词条，并且标明是助动词。如果“不得”是一个词，意味着它里面的结构要素“得”就不可能是词，在这个词里只是不自由语素。因此同时承认“不得”和“得”是助动词，是自相矛盾的。

当然普通话的“得”是可以单独做助动词，但是这时是另外一个词了，语音不同，读 $děi$ 。助动词“得 $děi$ ”，表示“需要”“必须”“必然会”等意思。

对于虚词“得 de ”，《现代汉语词典》第7版说明了有助词的用法：

助词。①用在动词后面，表示可能、可以。②用在动词和补语中间，表示可能。③用在动词或者形容词后面，连接表示结果或者程度的补语。④用在动词后面，表示动作的完成或者动作、状态的持续（多见于早期白话）。

下面我们来对比普通话的用法，看看常德鼎城方言“得”有什么相同和不同。

普通话实词“得 $dé$ ”的用法，鼎城方言都有。

其中表示“获得”这个一般动词意义，是词的本义。常德鼎城方言跟它一致。它带的宾语无论表示如意还是不如意的都可以。例如：他今朝又得奖哒。|他查出来得哒肺癌哒。

普通话“得”做动词还可以表示完成意义（例如<口>：饭~了|衣服还没有做~）和同意意义（例如）<口>：~，就这么办吧！），常德鼎城方言中没有这个用法。

⑤<口>动，用于情况不如人意的时候，表示无可奈何：~，这一张又画坏了！

这种用法在郑庆君（1999：310）《常德方言研究》记录的武陵方言（市区）中有2个例子。在常德鼎城（老城区）方言中，还能找到更多对应的例子。

其实，这时的“得”无论是普通话还是常德话都不再是动词，而是叹词。因为它已经没有动作意义了，只是起感叹作用或者是引起交际互动，类似插入语“你看”、“你瞧”等表达的意思。因此，《现代汉语词典》第7版这里的词性不准确，需要修改。

把这个意思的“得”看成叹词，郑庆君（1999：310）已经这样做：“得”独立做句子，具有叹词性质，用于“招呼”等。还有2个实例：①得，这是你搞的啵？②得，你的东西拿上去。其中“得”都可以重叠说成，例如：得得得，你的东西拿上去。

我们赞成郑庆君把这里的“得”定性成叹词的观点，并且在他的基础之上对鼎城方言叹词“得”进行更加细致的分类描写，突出鼎城区（非市区）比武陵

区（市区）在用法上的特色。鼎城方言叹词“得”除了有《现代汉语词典》第7版记录的可以用于情况不如人意的时候，表示无可奈何。此外，“得”用在句首，引发话题，还可以用于交际者双方的言语行为互动。而且这两种用法对应的“得”的声音也有不同，我们将在叹词一节详细例证。

“得dé”做助动词（能愿动词）在普通话中具有文言或者方言色彩，只是停留在文言色彩的文本中，口语已经不用。口语用的助动词是“得děi”。但是对应普通话做助动词的“得dé”，常德鼎城方言常用，保留了古代汉语的特点。这个特点，在属于湘语的衡山话中反而没有保留。衡山话反而接近普通话，表示愿意意义有否定用法的词“不tie⁴⁴（得）”，没有“tie⁴⁴（得）”。“tie⁴⁴（得）”在衡山话中表示普通话介词“在”的意思，表示愿意意义的能愿动词就选择了“fu⁴⁴（会）”。这不仅体现了鼎城方言里“得”的多功能，也体现了官话和湘语的混合色彩。

从虚词“得de”来看，《现代汉语词典》第7版记录的4种用法，鼎城方言都有：①用在动词后面，表示可能、可以。②用在动词和补语中间，表示可能。③用在动词或者形容词后面，连接表示结果或者程度的补语。④用在动词后面，表示动作的完成或者动作、状态的持续（多见于早期白话）。

其中①②是做补语的能性助词，表示可能，和③结构助词和④动态助词区别开来。③是典型的中补词组的结构助词。④这种“得”做动态助词的用法在普通话基本没有了，只是在早期白

话中才存在这种用法。但是“得”做动态助词这种用法在鼎城方言中还很常见。

另外，常德鼎城方言“得”做介词、语气词的用法，是普通话“得”完全没有的用法。鼎城方言介词“得”相当于普通话的“在”、“到”和“被”。常德鼎城方言语气词“得”在句末通过声调的不同表示事态变化和提醒强调两种语气。我们将在后面小节详细展开。

下面详细描写“得”除动词以外的其他词性的用法，依次是：叹词，介词、助词和语气词。

3 鼎城方言的责怪叹词“得te¹³”和提醒叹词“得te²¹”

“得”做实词可以在句首做叹词充当独立成分。这一用法并不是鼎城方言的特色。郑庆君（1999：310）记录了叹词“得”在常德市区的2个具体的例子。普通话中同样存在叹词“得”，但是被《现代汉语词典》第7版错误地归入到动词用法一列，“得”：<口>，动词，用于情况不如人意的时候，表示无可奈何：~，这一张又画坏了！这里“得”的动词用法其实是叹词用法。用在句首，引发下文。相当于普通话的“哎”。

在常德鼎城方言中，“得”也用于情况不如意表示无可奈何的意思，声音是“得te¹³”。除了用于不如意的情况，“得”还可以用于正常情况，只是表示交际者之间的言语互动，相当于普通话“喏”，声音是“得te²¹”。下面我们根据这两类用法对应的声音的不同，分类讨论“得”做叹词的具体情况。

第一，叹词“得te¹³”。用在句首，表示说话人无可奈何的责怪心情。句子是对情况的具体描述，即某一不好的情况再次或者反复多次出现。

在这样的语境中，交际对象一般只有一个，也就是说话人自己，是说话人遭遇到不好情况的自说自话。例如：

- (1) 得，这张又画烂哒。（哎，这张又画坏了。）
- (2) 得，他又不同意哒。（哎，他又不同意了。）
- (3) 得，裤子补啊的又破哒。（哎，裤子补过又破了。）
- (4) 得，电脑又各死啊机哒。（哎，电脑又死机了。）
- (5) 得，他又或哒做事。（哎，他又在做事。）
- (6) 得，眼睛才只换得几天又坏哒。（哎，眼镜才换几天就坏了）
- (7) 得，他来哒。（哎，他来了。）

例子（1）~（7）和普通话一样，用于情况不如人意的时候，表示无可奈何，都可以没有交际对象参与。例子（1），“画”这一动作进行多次，结果一直是“画烂”，说话人对这一情况感觉到无可奈何。例子（2）~（7）同上。例子（7），暗含了说话人对“他的到来”是出乎意料的无可奈何，即没有要他来但是他来了。

第二，叹词“得te²¹”。用在句首，表示交际者之间的互动，交际双方就某一件事进行交谈，通过“得”引发话题。例如：

- (8) 得，你要找的东西。（喏/你看/你瞧，这是你要找的东西。）

(9) 得，有人来喊你出替玩哒。（喏/你看/你瞧，有人来喊你出去玩了。）

(10) 得，超市里的东西想吃么得只管拿。
（喏/你看/你瞧，超市里的东西想吃什么拿什么。）

(11) 得，这里全部都是你的快递。（喏/你看/你瞧，这里全部都是你的快递。）

(12) 得，这是这次的工资，都给肯你。
（喏/你看/你瞧，这是这个月的工资，都给你。）

(13) 得，顽屋里的东西比您屋里的多些。
（喏/你看/你瞧，我家的东西比你家的东西多一些。）

(14) 得，他来哒。（喏/你看/你瞧，他来了。）

例子（8）~（14）和例子（1）~（7）意思完全不同，也不涉及任何主观情绪的表达。在（8）~（14）语境中，一定发生了交际互动，交际双方就某一话题进行讨论，通过“得”引发将要进行的话题。例子（8），说话人告诉听话人这是他要找的东西。例子（9），说话人告诉听话人发生了新情况，提醒他有人来喊他出去玩。例子（10）~（14）同上。例子（14）和上一类的例子（7）同形，但是意思完全不同，造成不同的关键就在于“得”的声调，例子（14）“得te21”，是说话人告诉听话人出现的新情况，即“他来了”，并没有对“他来了”这一事实有任何主观情绪的表达，只是说话人在向听话人转述这一客观事实。和例子（7）“得te13”表达的意思完全不同。

另外，例子（1）~（7）中的叹词也可以读“得te21”，那么这时的语义就发生了很大的变化，没有了原先暗含的说话人无可奈何的意思，而是变成一种交际互动，语境中包含了交际双方，这时候暗含的语义是说话人把这一不如意的情况告诉听话人。

在鼎城方言中，叹词“得”也可以重叠，声音“得te13”。这样的句子通常包含了说话人极其不耐烦的情绪，表示对某一事情的容忍到了一定的限度。例如：

(15) 得得得，你的东西拿起走。（快把你的东西拿走。）

(16) 得得得，每次都不冲厕所。（你看看，每次都不冲厕所。）

(17) 得得得，他又跑哒。（你看看，他又跑了。）

4 鼎城方言的介词“得te33”

“得”在常德鼎城方言中还能做介词，这是普通话“得”没有的用法。用在动词的前后，表示动作行为的处所、关涉的对象和引出施事。

第一，“得”用在动词后面，引出动作行为的处所，相当于普通话的“在”，后接地点做补语解释说明。例如：

(18) 垃圾丢得这里。（垃圾丢在这里。）

(19) 画画儿巴得墙上。（海报贴在墙上。）

(20) 袜子甩得桌儿上哒。(袜子甩在桌子上了。)

(21) 你就睡得这里。(你就睡在这里。)

(22) 我就站得这里，看你那么搞。(我就站在这里，看你怎么办。)

例子(18)(19)表示说话人命令的语以及处置义，因此可以转换成“把”字句。例子(20)后有语气词“哒”表示动作行为的完成，因此句子失去命令和处置义。例子(21)(22)可能是未然，表示说话人要听话者这样做，也可能是已然，表示说话人要听话人维持某一状态。需要根据语境确定。

第二，“得”用在动词后面，引出关涉的对象，相当于普通话的“到”，后接处所词组表示动作终止的地点。例如：

(23) 把伢儿送得顽屋里来。(把小孩送到我家里来。)

(24) 今天就讲得这里。(今天就讲到这里。)

在常德鼎城方言中，“得”做介词的这一用法，和常德鼎城方言中“倒”和“斗”一样，“倒”和“斗”的介词用法还更丰富，因此在大多数时候，“得”被“倒”和“斗”取代，使用得越来越少。相当于普通话“在”的介词“得”、“倒”和“斗”三者的使用也有频率的不同，一般是“斗”用得最多，“倒”其次，“得”最少。

第三，“得”用在动词前面，相当于普通话的“被”，引出施事。普通话可以单用“被”表示被

动，在常德鼎城方言中，表示被动的“得”后面一定要带宾语，不能单用。

(25) 他得别个喊起走哒。(他被人叫走了。)

(26) 剩饭剩菜得奶奶泼哒。(剩饭剩菜被奶奶泼了。)

(27) 买的零食得他一个人吃哒。(买的零食被他一个人吃了。)

(28) 他屋里的伢儿得人贩子拐起跑哒。(他家的小孩被人贩子拐走了。)

(29) 这件衣服硬是得他穿稀烂哒。(这件衣服真的被他穿稀烂了。)

(30) *他得打死了。(他被打死了。)

(31) *他得感动了(他被感动了。)

5 鼎城方言的动态助词“得te³³”

在常德鼎城方言中，“得”做动态助词相当于普通话的“了”，表示“动作或者状态已经完成”。这个用法在普通话几乎没有，只是早期白话中才有，例如《现代汉语词典》第7版：出得门来。在衡山方言中，只有对比表达才能用，例如“做利果来有做利那(做了这个就做不了那个)”。

A. 在常德鼎城方言中，“得”做动态助词，可以用于动词和形容词后。用在动词或者形容词后表示动态意义要受到格式的限制。主要有以下几种结构。

在“只+动词+得”的结构中。这时表示变化已经完成的述宾结构，跟表示可能意义的结构同形，出现歧义。例如：

- (32) 我只吃得两个粑粑。(①我只能够吃两个粑粑。②我只吃了两个粑粑。)
- (33) 我只看得他几到。(①我只能够看他几次。②我只看了他几次。)
- (34) 我只骂得几到。(①我只能够骂他几次。②我只骂了几次。)
- (35) 我只学得英语。(①我只能够学英语。②我只学了英语。)
- (36) 我只穿得一两件衣。(①我只能够穿一两件衣服。②我只穿得一两件衣服。)
- (37) 手机只用得几年。(①手机只能够用几年。②手机只用了几年。)
- (38) 我只写得一两页页儿数学算术题。
(①我只能够写一两页页儿数学算术题。②我只写了一两页数学算数题。)
- (39) 他的英语只学得一两个星期。(①他的英语只能够学一两个星期。②他的英语只学了一两个星期。)
- (40) 他到图书馆只搞得一哈哈儿学习。
(①他在图书馆只能够搞一会学习。②他在图书馆里只学习了一会儿。)
- (41) 一个月只看得一两页页儿书。(①一个月只能够看一两页书。②一个月只看了一两页书。)

例子(32)~(41)都有副词“只”修饰,“只+V+得”结构表示不可能再多的意思。这里的意思

具体包含两层:一是未然,表示只能够做什么,由于主客观条件的制约导致不能多做什么。和“V+能性助词“得”相似,只是多了“只”限定。二是已然,表示只做了什么,表示动作行为的完成。例如(32)①我只能够吃两个粑粑,隐含的是因为主观条件的制约,不能再吃了;②我只吃了两个粑粑。例子(35)①我只能够学英语,隐含的是因为主观条件的制约,其他的学不了了;②我只学了英语。例子(40)①他在图书馆只能够搞一会学习,但是这里是因为主观条件还是客观条件的制约需要依赖语境具体分析。②他在图书馆里只学习了一会儿。其他的例子同上。上述10个例子都有两种理解,具体是哪一种需要依赖语境。

以上的例子,去掉“得”之后,表示一般陈述,也就是只怎么样,句子都是未然。如果去掉“只”后,句子只能表示“能够做什么”,不再具有动态的意义。如果“只+动词+得”结构前出现“还”,那么句子表示的意思是已经做了多少,还要继续的意思。“还+只+动词+得”只表示动态的意义,这时候不会和表示可能意义的“得”发生混淆。

B. 紧缩句: V+得+数量短语+就+V

- (42) 面我吃得几回就不爱哒。(吃了几次就不喜欢了。)
- (43) 这道数学题,我做得几到就会哒。(这道数学题,我做了几次就会了。)
- (44) 小伢儿尽他哭,哭得几回就不会哭哒。
(小孩子让他哭,哭了几次就不会哭了。)

只能用于条件关系的紧缩复句中。如果只是单独的“V+得+数量短语”,语法重音在“V”,“得”就

表示可能意义，例如：面我吃得几回面我能吃几次|数学题我做得几到数学题我能做几次，或者用否定语气表示“V不了怎么样”，例如：小孩子哭得几回？表示“小孩子哭不了几次”。

C. V+得+N+来

《现代汉语词典》第7版，标注“得”做动态助词：④用在动词后面，表示动作的完成或者动作、状态的持续（多见于早期白话）：出~门来。在常德鼎城方言中，这一结构还普通存在，例如：

- (45) 吃得饭来再出去，天都黑哒。（≈如果吃了饭，那么天就黑了。）
- (46) 洗得衣服来再做事，事都等我做完哒。（≈如果洗了衣服再去做事，那么事情我都做完了。）
- (47) 喊得你来，又格儿忘记喊他，看看我这个记性，真的是差得很。（≈喊了你，竟然忘记喊他，看看我这个记性，真的是太差了。）
- (48) 看得电视来，作业又格儿忘记写哒。（≈看了电视，作业竟然忘记写了。）

胡晚云（2005）认为“来”，表示情况已经出现，表承接性的结果分句也必须出现。这里的出现指主观预测的出现和已然事件的完成出现。那么，这里（45）（46）是对未然情况的主观预测，表示如果做了什么，那么另一件事会怎么样。（47）（48）是对已然事件的客观陈述，表示做了什么，而另一件事情没有做。

D. 形容词+“得”。例如：

- (49) 今朝热和得点点儿。（今天热和了一点儿。）
- (50) 裙子长得点点儿。（裙子长了一点儿。）
- (51) 长得高得点点儿。（长高了一点儿。）
- (52) 饭煮得烂得点点儿。（饭煮得烂了一点儿。）
- (53) 打得狠得点点儿。（打得狠了一点儿。）

形容词+“得”，这里的形容词在深层次上都应当做动词理解。实际上这是形容词兼类动词，只是《现代汉语词典》还没有单独标注动词词性义项。这一类句子一定是动作行为或者状态前后的隐含对比。例子（49），一定是今天和前些天相比，天气变暖和了一些。例子（50），一定是这条裙子和其他裙子，或者穿在身上，和之前比较，变长了一些。例子（51）~（53）同上。

6 鼎城方言的结构助词“得te³³”

根据《现代汉语词典》第7版，助词“得de”：

- ①用在动词后面，表示可能、可以。她去~，我也去~。|对于无理要求，我们一步也不退让不~。
- ②用在动词和补语中间，表示可能。拿~动|办~到|回~来|过~去
- ③用在动词或者形容词后面，连接表示结果或者程度的补语。跑~喘不过气来|写~非常好|天气热~很。
- ④用在动词后面，表示动作的完成或者动作、状态的持续，出~门来（多见于早期白话）。

上面义项①②中的“得”是做补语的能性助词，④是动态助词。只有③中的“得”才是起连接中心语和补语的结构作用，是真正的结构助词。

但是当补语是形容词的时候，跟表示可能的

能性助词还是会发生歧义。吴福祥说(1996)“现代汉语中“V+得+C”也是一种尚未充分语法化的句法结构,主要的表现是:当补语成分是形容词的时候,“V+得+A”既可以是能性述补结构(表示可能),又可以是状态补语结构(表实现)。”在这种情况下,要根据语境判断到底是客观可能性助词还是结构动词。下面,我们通过具体的例子说明:

(54) 解决得好。

(55) 写得好。

(56) 洗得干净。

例子(54)~(56)“得”既可以是动作没有开始实施之前,表示可能怎么样,“得”是能性助词;也可以是动作实施之后,动作呈现的结果或者状态,“得”是结构助词。具体是哪个意思,需要带上语境信息语义才会明朗,例如:

(57) 老板,这个方案我解决得好,交给我做吧。

(58) 小刘不错,这次在项目合作过程中遇到的问题解决得好。

(59) 给我笔,我写得好,只有你才写不好。

(60) 看看这些钢笔作品,写得好!

(61) 妈妈,衣服我可以自己洗,我洗得干净。

(62) 这件衣服洗得干净,那件衣服洗得不干净,这是怎么回事呢?

给例子(54)~(56)加入语境辅助后,我们可以更明确地知道(57)(59)(61)中

的“得”是能性助词,(58)(60)(62)中的“得”是结构助词。

鼎城方言结构助词“得”用法跟普通话基本一致,《现代汉语词典》第7版结构助词“得”③用在动词或者形容词后面,连接表示结果或者程度的补语。跑~喘不过气来|写~非常好|天气热~很。这里不再举例分析。

7 鼎城方言的能性助词“得te³³”

7.1 关于动词后表示可能的“得”的词性讨论

在动词后表示可能的“得”的词性很特别,学者意见不统一。

朱德熙(1982)认为“V+得”实际上应该分析成:V得得(《语法讲义》中的例子是“说得得”。)前一个“得”是助词,后一个“得”是充任补语的动词。因此“V+得”省略了第一个助词“得”,留下的是充任补语的动词“得”。

张大旗(1985)认为表示可能的“得”不管出现在动词前还是动词后,都是助动词。

岳俊发(1984)根据“得”在历时线条上的演变,认为“得”用在动词后,“得”表示可能,“得”还是动词。只有当“V+得”后面出现了指出这一动词获得某种结果的可能性,即“V+得+C”时,这时候才完全虚化成结构助词。但是当补语是形容词的时候,跟表示可能的能愿动词还是会发生歧义。

吴福祥(1996)说“现代汉语中“V+得+C”也是一种尚未充分语法化的句法结构,主要的表现是:当补语成分是形容词时,“V+得+C”既可以是能性述补结构(表示可能),又可以是状态补语结

构（表实现）。”

吕叔湘（1999）认为“动词+得”，表示可能、可以、允许，“得”是助词，动词限于单音节，否定式在“得”前加“不”，动词不限于单音节。

黄伯荣、廖序东（2011）认为可能补语、可能结果补语以及可能趋向补语中的“得”不是助词。但是对它的词性并没有明确说明。

我们认为，把用在动词后表示可能的“得”单纯地定性成动词或者助词都不能体现“得”的地位。

以下我们根据“得”在常德鼎城方言中的实际用法来探讨“得”的词性和意义。同样可以看出表示可能的“得”在使用中的自由度：

- a. 他得不得吃？——他得吃。→得吃。→得。
- b. 他吃不吃得？——他吃得。→吃得。→*得。
- c. 他吃不吃得完？——他吃得完。→吃得完。→吃得。→*得。

根据abc的答语，我们可以发现bc属于一类。相同点都是动作行为还没有开始，属于未然事件。区别在于b表示某一动作行为能否进行的可能，c表示某一动作行为获得某种结果或者趋向的可能性。另外和c答语在结构形式完全相同的“V+得+C”例如“洗得干净”一类最容易发生混淆，但是通过对应的问句我们发现是两种完全不同的意思，也就是通过语境的辅助，我们在理解时并不会存在问题。把“洗得干净”转换成问句后进行回答，得到：

- A. 洗不洗得干净？——洗得干净。→洗得。→*得。

- B. 洗得干净不干净？——洗得干净。→干净。

这样我们把在动词后表示可能的“得”和真正的结构助词“得”区分开了。

因为bc同类，接下来，我们对比ab两句。a句“得”可以单独作为答语使用，而b句不可以，也就是“得”的自由度问题。a答语中的“得”，胡云晚（2005）认为“得”与普通话一般助动词的语法功能相同，但它通常只在上下文对话语境中才可以单说，作为答语，“得”和“得+谓词性词语”处于自由替换状态，可见它的使用已经不太自由。b答语中的“得”，位置固定，不能单说，一定要和谓词性词语连在一起才能单说。但是“得”又可以被否定词“不”等拓展，还经常插在某些动宾式复合词中间形成“动词+得+宾语”结构式，例如“结得婚、跳得舞、打得架”等等。相比较于a中的“得”，b中的“得”自由度明显降低。

通过自由度，我们把表示可能的用在动词前的“得”和用在动词后的“得”进行了区分。也就是用在动词后表示可能的“得”并不是能愿动词，那么“得”的词性究竟是什么？

吕叔湘（1999）说：“得”表示可能性，古代用在动词前，否定形式也是“不得”。现在这个意思的“得”附着在动词后，跟英语的实词“able”虚化成词缀“-able”相似。

虽然从声调来看受到补语位置的轻声词调模式影响发生变化，但是我们暂时还是不把这个词“得”定性成为词缀。因为在常德鼎城方言中，它不仅依附在词后，而且可以依附在动词性的

词组后面，例如“吃完得（可以吃完）”、“吃进去得（可以吃下去）”等等。这里的“得”是能愿动词“得”向结构助词“得”虚化的中间状态，声音轻化，紧跟在动词后面，不能单用。我们这里仍然用当前学术界的叫法，能性助词。

下面，我们分成“V+得”（后面可以没有其他任何成分）和“（V+得）+C（后面再加结果补语，构成多层补语）”两类来讨论。

7.2 得te33直接做补语构成“V+得te33”

吕叔湘（1984）认为“得”字之表可能，又可判别“可”与“能”之二义。能与不能，以行事者自身之能力而言；可与不可，则取决于外在之势力，如理所之当然，如他人之好恶，而非行事者本人所可左右者也。如：‘这个孩子吃得’谓之健饭，‘能’也，施事之式；‘这个菜吃得’，受事之式也，同时一则表能，一则表可。施事之式亦可表可者，‘大人吃得，孩子吃不得’。

我们根据鼎城方言虚动词“得”的实际意义并结合吕叔湘的分类，一个是‘可’，一个是‘能’，分类讨论“得”的意义和进行语法分析。下面，我们分类展开。

第一，“V得”表示能和不能，指施事自身的能力使得动作行为具有可能性，施事式。否定式“V不得”。

(63) 你又吃得又喝得，不得得病。（你又能吃又能喝，不会生病。）

(64) 我吃也吃得，不吃也要得。（我吃也还能吃，不吃也可以。）

(65) 有些伢儿批评得，有的批评不得。（有些小孩子能批评，有些小孩子不能批评。）

(66) 你和她比得，顽俺比不得。（你和她能比，我们和她不能比。）

例子（63）~（66）表示因为施事自身在某些方面有条件或者达到条件，可以做或者能够做某事。句中施事出现与不出现句子意义都相同，语义都指向施事。鼎城方言“V+得”，后面可以没有其他任何成分，也可以做述语后带宾语。例如“吃得”和“吃得饭。”这类句子一般没有宾语，根据语境也能补充出相应的宾语。

第二，“V得”表示可以和不可以，指客观情况使得动作行为具有可能性，受事式。和前一类不同，真正的施事不出现，因此这里的受事直接做受事主语，也可以当受事宾语。（注意：受事做宾语在“V+得”后面，不是“V”后面。）例如：

(67) 饭吃得，只是菜还或斗炒。（饭可以吃，只是菜还在炒）——吃得饭（表示某人具备某种能力。和左边不同。下同。）*吃饭得。

(68) 菜都弄清白哒，火关得。（菜都做完了，火可以关了）——关得火。*关火得。

(69) 洗衣机用得几年。（洗衣机可以用几年。）——用得几年洗衣机。*用洗衣机得。

(70) 路上掉的钱捡得。（地上掉的钱可以捡。）——捡得路上掉的钱。*捡路上

掉的钱得。

(71) 老款手机用得。(老款手机可以用。)—用得老款手机。*用老款手机得。

(72) 新码码儿坐得。(新凳子可以坐。)—坐得新码码儿。*坐新码码儿得。

例子(68)~(72)表示可能意义指向受事,都有被动的意思。例子(67),“饭被吃”,例子(68)“洗衣机被用”,例子(70)“钱被捡”,例子(71)“手机被用”,例子(72)“码码儿被坐”。

如果这一类句子后面接“哒”,和上一类不同,它表示按照正常情况应该可以、应该要的意思。例如:

(73) 饭吃得哒。饭应该可以吃了。

(74) 火关得哒。火应该可以关了。

(75) 借起别个的钱几十年了,还得哒。借了别人的钱几十年了,应该要还了。

(76) 才买的洗衣机,用得几年哒。才买的洗衣机,应该可以用几年。

否定式“X+不得”+“哒”,表示某一动作或状态不能再进行或持续下去了或某一程度不能再加深了,“不能怎么样”。

77) 水果放不得哒。水果不能再放了。

78) 病拖不得哒。病不能在拖了。

79) 汤再咸不得哒。汤不能再咸了。

80) 水龙头开不得哒。水龙头不能再开了。

7.3 得te33做补语带结果补语构成“(V+得)+C”

“(V+得)+C”只是“(V+得)”的基础上加了一层表示结果的补语,表示可能性的意思不改变。接下来,我们根据补语“C”的不同类别,具体来看“V+得+C”在常德鼎城方言中的用法情况。

(81) 第一,“(V+得)+动词/形容词”

(82) 再多的菜我都吃得完。再多的菜我都能吃完。

(83) 吃啊饭哒,零食我也吃得进替。吃了饭了,零食我也能吃进去。

(84) 不兴扶他,他各人爬得起来。不用扶他,他自己爬得起来。

(85) 这个袋袋儿装得落。这个袋子能装下。

(86) 你又没得好重重儿,我背得起你。你又不是没有多种,我能背起你。

(87) 只有高压锅才煮得烂,电饭煲是煮不烂的。只有高压锅才能煮烂,电饭煲是煮不烂的。

第二,“V+得+数量短语”

(88) 鸡蛋放得几个月。鸡蛋能/可以放几个月。

(89) 五一放假又休息得几天。五一放假又能/可以休息几天。

(90) 一张沙发坐得三四个人。一张沙发能/可以坐三四人。

(91) 这张车只怕装得几百斤。这辆车恐怕能/可以装几百斤。

同样，这里的“得”既可以表示“可以”，即客观条件允许某动作行为获得某种结果的可能性，也可以表示“能”，即施事者自身使得动作或者行为实现的可能性。

如果受事出现在动词后面，也只能在“V+得”后面，不能插入到中间。有了补语“C”之后，宾语的位置灵活一些，可以有“(V+得)+O+C(吃得饭完)”和“(V+得)+C+O(吃得完饭)”两种。而在普通话中，只有后一种。

8 鼎城方言的语气词“得te²¹”和“得te³³”

8.1 在“X+得”后表示“强调”的“得te³³”（呢）和表示“变化”的语气词“得te²¹”（了）

能性助词“得”依附在动词后面使得动词变成表示可能性的“X+得”。在这个基础上，还可以在后面加“得”（语气词）。具体情况如下：

第一，“X+得”表示施事者自身条件使动作具有可能性，句末加语气词“得”。

(92) 他吃得（饭）得。|我摸得（电）得。
|我看得（电视）得。|我读得（大学）得。|我做得（事）得。|我喝得（酒）得。|你俺都来得得。（省略宾语，语境下可以补充出来。）

(93) 他硬尽讲得（白话）得，天天不重样。（他能一直说话呢，天天都讲不一样的东西。）

(94) 他就真得走得路（路）得，一天可以走几十里路。（他真得能够走[路]呢，一天能走几十里路。）

例子（92）的句末语气词“得”有两层含义，对应的声音也不同。一是表示强调“得te³³”，主语具备某一能力并对这一能力进行强调，相当于普通话“呢”。二是表示变化“得te²¹”，说话人告诉听话人新情况，意思是我现在能做什么了，相当于普通话“了”。（93）和（94）只能表示强调，对主语具有某一能力进行强调。

(94) 第二，“X+得”表示受事具有被动处理的可能性，句末加语气词“得”。

(95) 饭吃得得。（饭可以吃呢/了。）

(96) 武汉替得得。（武汉可以去呢/了。）

(97) 食堂的门开得得。（食堂的门可以开呢/了。）

(98) 电脑用不得得。只怕要买个新的哒。（电脑不能用呢/了，恐怕需要买一台新的了。）

(99) 帽子戴不得得。（帽子不能戴呢/了。）

(100) 本子撕不得得，只有一两页哒。（本子不能撕呢/了，只有一两页了。）

例子（95）~（100）和上一类相同，“得”通过声调的不同同样表示“变化”和“强调”。例子（95），“饭可以吃呢”和“饭可以吃了。”其余例子同上。

在常德鼎城方言中语气词“得”通过声调的不同表示不同的语法意义，在衡山方言中则是通过不同的语气词实现。鼎城“我喝得酒得”对应衡山表示强调的“我吃利酒哒”和表示变化的“我吃利酒哒咧”。“得”和普通话的动态助词“了”和语气词“了”同形一样，但是它通过声调的不同实现了区别。

8.2 在特殊否定结构后表示“强调”的语气词“得te³³”（呢）

下面的例子只用于鼎城方言中表示后悔的特殊的否定结构：“没（有）+V+得”。形成能性助词“得”和语气词“得”连续使用或者先后使用的格局。句末“得”语气词，表示“强调”，跟普通话的语气词“呢”相当。这种用法，普通话没有。如果受事直接做主语就出现在句首，如果做宾语，也只能出现在“V+得”后面，然后语气词“得”煞尾表示对后悔的强调。例如：

- 101) ①被窝没洗得得，皮籬死哒硬。②没洗得被窝得，皮籬死哒硬。（没能够洗被子呢，实在是太脏了。）

鼎城方言的2种形式，衡山方言只有第②种：助词和语气词被宾语间断先后使用。鼎城方言“没洗得被窝得”，衡山方言说成“冇洗利被利”，相当于普通话“后悔没有洗被子呢”。①中两个“得”没有被其他词语间断，连续使用，这在衡山方言不允许使用，必须省略后面的语气词。

下面再看鼎城方言的更多例子（下面例子有2种形式。语境用括号标注，只出现在第一种形式中）：

- (102) ①（将将儿有个修东西的来啊地，）电视机没让他修得得。②没让他修得电视机得。（刚刚有一个修电视的来过，电视机没能够让他修呢。）
- (103) ①书小时候没读得得（。长大哒都过学不进替哒）。②小的时候没读得书得。（小的时候没能够读书呢。长大了已经学不进去了。）

- (104) ①跳舞五六岁没学得得（。而今么的都不会）。②五六岁没学得跳舞得。（五六岁的时候没能够学跳舞呢。现在什么都不会。）

- (105) ①病前头没诊得得（。也就不得拖成晚期哒）。②前头没诊得病得。（之前没能够去治病呢。也就不会拖成晚期了。）

- (106) ①口罩先先儿没买得得（。而今都没得哒）。②先先儿没买得口罩得。（之前没能够买口罩呢。现在都没有了。）

结构“没（有）+V+得”中的“得”和煞尾的语气词在形式不间隔使用或者先后间隔使用，只有后一个才是语气词。结构“没（有）+V+得”已经包含有惋惜、遗憾和懊悔的语气成分。因为句末语气词“得”的使用，强调语气更加强烈。语境信息补充主客观条件应该要做或者是表示遗憾。

例子（102），表示真应该让他修电视机的。例子（103），表示真应该要读书的。例子（104），表示真应该在五六岁跳舞的。例子（105），表示真应该之前就诊病的。例子（106），表示真应该之前就买口罩的。例子（102）~（106）在已有的惋惜遗憾和懊悔的语气上更深一层，通过句末语气词“得”对既有的惋惜、遗憾和懊悔的判断上表示肯定和突出强调，从而使语气更加强烈。

8.3 在一般句子中表示“强调”的语气词“得te³³”（呢）

除了在上述结构中表示“变化”和“强调”的语

气之外，语气词“得”在常德鼎城方言中还可以用在一般句子中表示“强调”的语气，语音是“得te³³”。

“得”用于一般陈述句末尾，表示“强调”，例如：

(107) 这个贪官硬不是个东西得。（这个贪官真不是东西呢。）

(108) 你望么得望，我又没有坐斗你的位置上得。（你看什么看，我又没有坐在你的位置呢。）

(109) 这点点儿事事儿不算么的得。（这一点事不算什么呢。）

(110) 这么一个小官官儿，我真的是不爱当得。（这么一个小官，我真是不想当呢。）

(111) 好喝得。|好写得。|好看得。|好用得。|好穿得。|好吃得。——不好喝得。|不好写得。|不好看得。|不好用得。|不好穿得。|不好吃得。

例子（111）是口语中经常用的一类，“好+V”可以直接用来回复问话人的问题。句末语气词“得”起强调的语气。意思是：方便喝呢。|方便写呢。|方便看呢。|方便用呢。其余的例子同上。“得”可以用“呀”替换，例如：好喝呀。|好写呀。“好看呀”这里的“好”既可以是“方便”的意思，也可以表示程度深的意义。有的时候，“得”和“呀”还可以连用，例如：好喝得呀。|好写得呀。|好看得呀。意思是方便怎么样呢，表示双重强调。

8.4 在动态助词“了儿la³³”后语气词“得te²¹”从表示变化变成表示强调

鼎城方言对应普通话的动态助词“了”，有3个说法并存：（1）“得ta²¹”，常用。这个在湘语中也普遍使用。（2）“得te³³”，不常用。（3）“了儿la³³”，估计是吸收普通话“了”后再儿化的结果。这个也很有特色，因为虚词儿化的现象很少见。

现在我们要讨论的是说法（3）。为什么这时表示强调的语气词不采用虚词的模式化声调33，而是21呢？我们推测，虽然“得”表示强调，但是还残留表示变化的语气词功能。在动词后面引进了“了儿la³³”表示变化后，迫使“得te²¹”分工承担表示强调，相当于普通话的“呢”。在“动词+了儿la³³+得te²¹”的结构中，“了儿la³³”可以省略，“得te²¹”必须有。如果把“了儿la³³”省略，“得te²¹”就取代了“了儿la³³”的位置，回归表示变化的语气词功能。

在“动词+了儿la³³+得te²¹”的结构中，“得te²¹”做语气词的强调指对出现的新情况的提醒强调。例子如下（注意下面例句中的“各儿ka⁵⁵”是人和事物名词的反身代词，和前面的名词构成同位词组）：

(112) 饭各儿跟我吃完了儿得，您俺（你们）还吃不吃？（饭被我吃完了呢，你们还吃不吃？）

(113) 他各儿跑了儿得。（他跑了呢。）

(114) 他各儿死了儿得。（他死了呢。）

(115) 他两个各儿结了儿婚得，你还不晓得啊？（他们两个结了婚呢，你不知道吗？）

(116) 他各儿搬了儿屋得。(他搬了家呢。)

(117) 屋里各儿停了儿电得。(家里停了电呢。)

(118) 衣服各儿穿稀烂了儿得。(衣服穿烂了呢。)

(119) 衣服各儿等她洗娑了儿得。(衣服被她洗干净了呢。)

当“V+了 儿+得te²¹”这一结构去掉“了儿”，“得”在句末表示动作的变化也兼职表示对新出现的变化的强调。声音是“得te²¹”。

饭各儿跟我吃完得|他各儿死得|他两个各儿结婚得|他各儿搬屋得|屋里各儿停电得|衣服各儿穿稀烂得|衣服各儿等她洗娑得。

8.5 关于语气词“得”的讨论

关于“得”做语气词，郑庆君（1999：308）认为“‘得’在普通话和方言中都是一个多功能的词。在普通话中，‘得’可以做动词、结构助词以及某些动词后缀；在方言中，‘得’除了有同样的功能外，还能做语气词”。并且他还说明“得”做语气词主要用于“没（有）+动+下+得”格式，表示一种懊悔和遗憾的语气。“没（有）+动+下+得”也就是我们在特殊否定结构一节中说到的结构“没+V+得”，对应普通话“没+能愿动词+动词（例如：没能去）”，遗憾和懊悔的语气是结构本身就有的。

这里直接把结构“没+V+得”中的“得”当成了语气词，没有认识到结构里的“得”只是表示可能的能性助词，对应普通话“没+能愿动词+动词”中的能愿动词意义。结构中的“得”并不是真正的语气词。真

正的语气词是我们在本小节中谈到的在结构“没+V+得”后的“得”，表达的是强调的语气。

符安娜（2010）认为“衡山方言中的‘得’用作语气词的时候，可以用在句首，也可以用在句尾。‘得’用在句首的时候，在人们日常谈话中使用较多，有发语词作用，一般用在陈述句当中。‘得’用在句尾，一般是羡余的，起舒缓语气的作用，常见于否定句、陈述句和感叹句。”首先，“得”用在句首并不是语气词，而是叹词，我们在叹词一节详细论证了这种用法。其次，根据他的例子，我们仔细来看：

(120) 箇只热法子，冇挡去得。(这么热，没地方去。)

(121) 当啞他咯面又不好港得。(当着他的面不好讲。)

例子（120）“冇挡去得”对应的翻译应该是“没有地方能去”，“得”并不是羡余的，这里的“得”是能性助词表示可能。（121）“不好+V+得”，“不好”是不方便，应当认为“得”是附在短语“不好+V”后面的，“得”所表示的“能”的意味不强了，省去以后也不影响原句的基本意思，再加上“得”这一格式使用广泛，所以，这时候的“得”的确已经接近语气词了。

易亚新（2007）认为“得”是“啞嘞”的合音形式，用于感叹句句末，表示惊讶和出乎意料语气。文中例举的例子如下：

①米各儿没得没有得。（“没得”的“得”是构词语素）

②饭各儿吃完得。

③他考起得。

“得”除表示出乎意料、惊讶的语气外，还表示提醒，隐含“该采取进一步措施”的意思。例如①，要达到的语用效果是提醒听话人，并且希望听话人采取相应措施。

但是这里说到的语气词“得”的用法仅仅是一小点，也就是我们本小节在“V+了儿+得te²¹”谈到的表示“提醒强调”的语气。没有涉及到更多的语气词用法。

张大旗（1985）提出“得”在长沙话里做语气助词（就是语气词），通过“动词+得+宾语/补语+得”和“冒+动词+得”两个结构进行说明。我们还是通过他文中的例子具体说明：

①“动词+得+宾语/补语+得”：废报纸卖得钱得|新鲜鸡蛋放得个把月得|国庆节又休息得三天得|只有用高压锅才煮得烂得|再多的菜他也吃得完得|一拳打得桌子穿得。

他认为在以上例子中，句中的“得”是助动词，句末的“得”是语气词。我们发现结构①和我们本节在“X+得”后表示“变化”和“强调”的语气词“得”完全吻合。我们可以看到，这里句末的“得”是真正的语气词，也是本节讨论的语气词的一类。

②“冒+动词+得”：咯样好一本书，你冒买得。|冒问（一下）他得。

“冒+动词+得”同样就是我们说的结构“没+V+得”。这里的“得”同样是能性助词，表示可能的词汇意义还很明显，不能当成语气词理解。如果结构“没+V+得”出现宾语，宾语位置在“得”后，不能

在“得”前，后接语气词形成“没+V+得+宾语+语气词‘得’”。

而“冒问（一下）他得”完整说应该是“冒问（一下）得他得”。因此造成句末的“得”词性不明。“冒问（一下）他得”中“得”远离动词，在语流中强调的不再是动作而是动作的对象，句子重音在“他”，表示“能”的意味减弱，这里确实应该看成语气词。

对于这两个相同的句式，我们应该认识到：“没+V+得”结构表示遗憾和懊悔的语气是结构本身就有的，后面如果再跟语气词“得”，这个“得”是对结构中表达的遗憾和懊悔的语气进行强调。而如果是“没+V+宾语+语气词‘得’”，同样表示遗憾和懊悔的语气，但是不同的是：遗憾和懊悔的语气由语气词“得”表示，不再有对遗憾和懊悔进行强调的意义。

9 结论

常德鼎城方言“得”有3种词形（语音形式）：词形顺序是从te³⁵（一般动词、能愿动词）、te³³（能性助词，动态助词，结构助词，介词，强调语气词）到te¹³（叹词）、te²¹（叹词，变化语气词）。

常德鼎城方言有5种词性：从按照实词到虚词，根据词形相同聚合，从动词、叹词到介词、助词和语气词。

常德鼎城方言“得”的非动词用法，很有特色。

叹词“得”用在句首有两种用法，并且通过声音的不同进行了区分。一是用在句首用于不如意的情况，表示说话人无可奈何的心情。二是用在

句首，只是表示交际者之间的互动，交际双方就某一件事进行交谈，通过“得”引发话题。“得”在常德鼎城方言中还能做介词，这是普通话“得”没有的用法。跟在动词的后面，表示动作行为的处所、关涉的对象和引出施事。“得”做结构助词，和普通话用法相同，但是要区分“V+得+C”和“V+结构助词‘得’+C”两种结构中不同的“得”。“得”做动态助词，在动词后面标记动作行为的完成，相当于普通话的“了”；在形容词后面则是对状态前后的隐含比较，同样暗含完成的动态意义。“得”做能性助词，普通话的这种用法已经逐渐被其他的形式替代，而在其他的方言点中，能性助词“得”还很常见。“得”做语气词，主要表达“变化”和“强调”两种语法意义，分别通过不同的声调表现，在“X+得”结构后根据语境可以表示“变化”和“强调”；在特殊否定结构“没+V+得”后煞尾的“得”表示对没能做的事情的后悔的强调；在结构“V+了儿+得”中因为“了儿”表达了“变化”的语气，所以“得”只能表示“强调”的语气，去掉“了儿”兼表“变化”和“强调”的语气；在一般句子中表示对事实的“强调”的语气。

Литература

1. 鲍厚星，颜森.湖南方言的分区[J].方言,1986(4):273-276.
2. 符安娜.湖南衡山方言“得”字研究[J].青年文学家,2010(7X):188-189.
3. 胡晚云.洞口方言能性“得”字研究[J].南昌大学学报,2005(3):144-149.
4. 黄伯荣，廖序东主编.现代汉语（增订五版）[M].北京:高等教育出版社，2011.
5. 林凌.成都方言语气词研究[D].吉林大学，2005.
6. 吕叔湘.现代汉语八百词（增订版）[M].北京:商务印书馆,1999.
7. 彭慧.多个助动词表能可义的共性与对立[J].湖南科技大学学报,2019(3):139-144.
8. 彭泽润，李葆嘉主编.语言理论（第7版）[M].长沙:中南大学出版社,2018.
9. 彭泽润，彭建国.湖南方言[M].长沙：湖南教育出版社,2013.
10. 彭泽润.衡山方言研究[M]长沙：湖南教育出版社,1999.
11. 彭泽润.论“词调模式化”[J].当代语言学,2006(2):97-120.
12. 吴福祥.汉语能性述补结构“V得/不C”的语法化[J].中国语文，2002(1):29-40.
13. 习晨.赣语樟树方言中的“得”[J].铜仁学报,2019(3):112-119.
14. 易亚新.常德方言语法研究[M].北京：学苑出版社,2007.
15. 张大旗.长沙话“得”字研究[J].方言,1985(1):46-63
16. 郑庆君.常德方言研究[M].长沙：湖南教育出版社,1999.
17. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.现代汉语词典第7版[M].北京：商务印书馆，2016.

References

1. 鲍厚星, 颜森.湖南方言的分区[J].方言,1986(4):273-276.
2. 符安娜.湖南衡山方言“得”字研究[J].青年文学家,2010(7X):188-189.
3. 胡晚云.洞口方言能性“得”字研究[J].南昌大学学报,2005(3):144-149.
4. 黄伯荣, 廖序东主编.现代汉语(增订五版)[M].北京:高等教育出版社, 2011.
5. 林凌.成都方言语气词研究[D].吉林大学, 2005.
6. 吕叔湘.现代汉语八百词(增订版)[M].北京:商务印书馆,1999.
7. 彭慧.多个助动词表能可义的共性与对立[J].湖南科技大学学报,2019(3):139-144.
8. 彭泽润, 李葆嘉主编.语言理论(第7版)[M].长沙:中南大学出版社,2018.
9. 彭泽润, 彭建国.湖南方言[M].长沙:湖南教育出版社,2013.
10. 彭泽润.衡山方言研究[M].长沙:湖南教育出版社,1999.
11. 彭泽润.论“词调模式化”[J].当代语言学,2006(2):97-120.
12. 吴福祥.汉语能性述补结构“V得/不C”的语法化[J].中国语文, 2002(1):29-40.
13. 习晨.赣语樟树方言中的“得”[J].铜仁学报,2019(3):112-119.
14. 易亚新.常德方言语法研究[M].北京:学苑出版社,2007.
15. 张大旗.长沙话“得”字研究[J].方言,1985(1):46-63
16. 郑庆君.常德方言研究[M].长沙:湖南教育出版社,1999.
17. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.现代汉语词典第7版[M].北京:商务印书馆, 2016.

Информация об авторах

Peng Zerun, Su Biqin

Хунаньский педагогический университет
2843246370@qq.com

Information about the Authors

Peng Zerun, Su Biqin

Hunan Normal University
2843246370@qq.com

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Развитие и исследование теории Бодуэна де Куртенэ в Китае

Development and research of the Baudouin de Courtenay theory in China

博杜恩·德·库尔德内语言学说在中国的研究和发展

袁玉华

Юань Юйхуа

Гуаньдунский университет иностранных исследований

kluotuoci@163.com

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-382-390

АННОТАЦИЯ

Бодуэн де Куртенэ – один из самых великих лингвистов, внесших неоценимый вклад в развитие языкознания. Однако в течение долгого времени его теория языка и вклад не получали должного внимания и справедливой оценки. В последнее время в Китае наблюдается рост интереса к изучению его теоретических идей. Данная статья посвящена рассмотрению развития и исследования его теории в Китае. Изучая распространение и влияние теории Бодуэна де Куртенэ в Китае, мы можем делать вывод о том, что несмотря на то, что изучение его теории в Китае началось относительно недавно и позже по сравнению с Россией и другими странами, на сегодняшний день можно отметить значительные результаты.

Ключевые слова: Бодуэн де Куртенэ, современная лингвистика, Ф. де Соссюр, сопоставление, создание теории.

Для цитирования: Ян Кэ, Юань Юйхуа. Развитие и исследование теории Бодуэна де Куртенэ в Китае. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 382-390.

ABSTRACT

Baudouin de Courtenay is one of the greatest linguists who made an invaluable contribution to the development of linguistics. However, for a long time, his theory of language and contribution did not receive due attention and fair evaluation. Recently, there has been a growing interest in studying his theoretical ideas in China. This article is devoted to the development and research of its theory in China. Studying the spread and influence of Baudouin de Courtenay's theory in China, we can conclude that despite the fact that the study of his theory in China began relatively recently and later in comparison with Russia and other countries, significant results can be noted today.

Keywords: Baudouin de Courtenay, modern linguistics, F. de Saussure, comparison, creation of a theory.

For citation: Yang Ke, Yuan Yuhua. *Development and research of the Baudouin de Courtenay theory in China*. Modern Oriental Studies. 2021; 3 (3): 382-390.

摘要

博杜恩·德·库尔德内是一位伟大的语言学家，对语言学的发展做出了巨大的贡献，然而在很长一段时期里，其语言学说和贡献未得到足够的重视和公允的评价。近年来，我国学界对其语言学说的关注度有较为明显的上升，本文梳理其语言学说在中国的研究和发展，经研究发现，我国对库尔德内语言学说的关注和研究虽滞后于俄罗斯及其他西方国家，如今也已取得不俗的成绩。

引言

较之于索绪尔 (F. de Saussure) 的享誉世界，波兰—俄罗斯语言学家博杜恩·德·库尔德内 (Бодуэн де Куртэнэ, 1845-1929) 却不那么广为人知。库尔德内的研究主要涉猎的是普通语言学、印欧语，尤其是斯拉夫语比较语言学、波兰语和俄语等，一生著述颇丰：用多种语言发表了600多篇(本)文章和专著。是“最杰出的普通语言学和斯拉夫历史比较语言学家之一”，是“彼得堡语言学派奠基者”(Прохоров А.М., 1970, С.455)，是“世界上最伟大的语言学家之一，是喀山语言学派奠基人”(Науменко С.В., 2005, С. 66)。“库尔德内的主要成就触及到构成结构主义基本原理的几乎所有基本概念……甚至，比较语言学和对比语言学以及语言同盟的差异等问题也被纳入其视野。特别重要的是，库尔德内把功能这一概念导入语言学之中。……”(云桂彬, 2000: 137-138)。此外，应用语言学的概念也是库尔德内首先提出来的。然

关键词：库尔德内，现代语言学，索绪尔，比对，理论创建

而，其语言学说未能引起同代人的重视，在后来很长一段时间内也未得到应有的关注和公允的评价，直到20世纪下半叶，这一局面才有改观：在苏联和波兰越来越多的学者开始关注库尔德内语言学思想，相继举办了诸多纪念性学术活动，相关论文不断涌现；1963年，苏联科学院出版了库尔德内的《普通语言学论文选集》两卷本，随后，在苏联，越来越多的学者投入到库尔德内语言学思想的研究中，且俄罗斯学界和波兰学界的研究热情至今未减；1972年，在西方，节选的库尔德内论文集英译本面世；我国的相关研究则滞后了几十年。

1. 我国库尔德内语言学说研究概览

我国对库尔德内的关注较晚，最早的一项成果直到上世纪60年代才出现。尽管有所滞后，但也已取得不俗的成绩。据不完全统计(采用中国知网和读秀中文学术搜索)，1960年至今相关成果数据如下¹：

¹截止至2020.12.02

分类	80年代以前	1980-2000年	2000年至今	备注
图书	1	10	16	专门研究库尔德内语言学说的为3部，其余为以章节或专篇形式的成果，下同。
学位论文	0	0	12	1篇博士学位论文，3篇硕士学位论文
期刊论文	1	13	24	专门研究库尔德内语言学说的为20篇

Табл. 1. Изучение курдской лингвистики

Table 1. Research of Kurd linguistics.

表1. 库尔德语言学研究

上述数据表明，我国相关研究成果数量还不多，主要在进入21世纪以后库尔德内的语言学说才受到更多的关注。我们欣喜地发现，近几年，我国学界对库尔德内的关注呈较为明显的上升趋势。

2. 综合引介研究成果

综合引介研究主要是介绍库尔德内生平及语言学思想的文章。

此类研究成果最早可追溯至《词的语法学导论》，该书第十七节（维诺格拉多夫著，黑龙江

大学编译室译，1960：115-116）简要介绍了库尔德内对语法范畴的认识，指出库尔德内“把词理解为从语音学上、形态学上、结构学上和语义学上来确定的完整结构”，“一切语法范畴，都是集体的语言意识的直接的客观现实”（同上，115）。可见在最开始，学界对库尔德内语言学思想的了解是从语言的心理主义观开始的。

之后是魏任（1965：35-37），其文章简要介绍了库尔德内的生平及语言学思想，如：认为语言不仅是心理现象还是社会现象、世界上所有语言

都是混合产生的、主张研究活的语言、区分静态和动态、言语和语言、音素 (звук) 和音位 (фонема)、以及区分人类语音学 (антропофоника) 和心理语音学 (психофонетика) 等。

此后由于众所周知的原因, 相关研究停滞, 整个七十年代无一相关成果问世, 直至陈重业 (1981: 76-78) 译述的发表才重启我国有关库尔德内的研究, 该文指出库尔德内早于其他学者, 于十九世纪末就提出了一系列很有创见的问题, 而这些问题直到二十世纪才被语言学届关注到。该文较前人的研究内容更为丰富, 比如: 介绍了库尔德内提出的语言系统性, 共时、历时, 语言单位, 语法划分及描写分析的方法等问题, 对青年语法学派提出的语音规律无例外持相反意见, 并很注意语言的聚合问题; 指出研究语言亲属关系时, 语音对应不是一直都有的, 批评了施莱赫尔的谱系树理论和施密特的波浪说; 在语言学史上, 库尔德内率先提出了要对语言进行新的分类, 他还提出了语言联盟的概念; 文章还首次探讨了库尔德内和索绪尔语言学思想的相互关系问题。

1985年, 喀山大学举办了主题为“博杜恩·德·库尔德内与现代语言学”的纪念库尔德内诞辰140周年的学术会议。同年, 郭谷兮 (1985: 42-50) 发表了纪念文章, 作者特别指出了库尔德内在充实语言学术语方面做出了巨大贡献: “具有现代意义的音位、语素、形态化、语义化、词位、音义段、字位、发音器官动作等术语都是他最先使用的” (郭谷兮, 1985-1: 44-45), 文章还较为详

细地介绍了库尔德内在音位学上的贡献。关于库尔德内音位学说的介绍, 除了该文和下文信德麟的文章以外, 还散见于以下成果中: Danniell Jones (游汝杰译, 1980: 23-31+38)、赵作英 (1986: 45-51)、岑麒祥 (1989: 98-107)、信德麟 (1990: 1-16)、龚卡佳 (1997: 50-53,42) 以及屠友祥 (2007: 76-102) 等。

随后戚雨村 (1988: 11-16) 在前人基础上还扩充介绍了库尔德内的语音交替理论, 指出库尔德内的语音交替理论在当时过于“先进”, 因此没有受到语言学届应有的重视, 该理论的贡献是联结了音位学和形态学, 为建立形态音位学奠定了基础。另外, 文中还介绍了喀山学派, 以及库尔德内在喀山时期提出的语言研究的一些重要原则。

信德麟 (1990: 1-11) 撰写了一篇评介库尔德内较全面且重要的文章, 文章分为五个部分, 不管是其生平、语言观、音位理论还是语音交替理论都比之前的文章介绍得更详细, 语言观部分还提到了库尔德内“是最早提出类型研究、寻求语言分类的非形态原则的学者之一” (信德麟, 1990-1: 5), 以及语法转译 (грамматический перевод) 问题。但只是提到未见展开。信德麟还对库尔德内的特点和语言观进行了评述, 并指出了库尔德内语言学说未引起同代人足够重视和产生应有影响的原因。

李葆嘉 (1998) 论证了库尔德内语言学理论的先驱地位, 他提出, 库尔德内和克鲁舍夫斯基才是“现代语言学” (包括静态语言学、应用语言学以

及比较语言学)真正的开创者。 邳有昌主编的《俄罗斯语言学通史》(2009: 138-147)则增补了库尔德内对语言研究中的心理主义的再认识、唯心主义一元论的认识观等。此外,《国外语言学概述—流派和代表人物》(赵世开主编,1990: 226-229)、《语言学 历史·理论·方法》(王福祥,吴汉樱主编,2008: 174-180)、《语言与语言学研究》(白雅,岳夕茜主编,2010: 287)等都有涉足相似论述。

此后,学界产生了更多角度的相关成果:首先是两篇硕士学位论文:《博杜恩·德·库尔特内是现代语言学的奠基人》(刘华荣,2003)、《博杜恩·德·库尔特内的语言思想》(朱蓓蓓,2007),两者共同点是都对库尔德内的生平和语言观进行了详细的阐述,也将库尔德内和索绪尔的语言学思想进行了对比分析,揭示了前者语言观的重要意义。前者与后者不同之处主要在于对十八至二十世纪语言学的主要学术思潮进行了梳理。刘士滢在《语言学研究:第9辑》(2011: 13-19)中的“博杜恩·德·库尔特内语言哲学观的心理主义倾向”一文,通过梳理库尔德内的语言观概括并评价了其心理主义倾向。张兴权在《接触语言学》第二章第四节中指出:“库尔德内关于语言与社会关系的思想可以说是现代社会语言学的先行理论”(张兴权,2012: 16)。其“要观察活生生的社会语言的必要性”这一观点与当前社会语言学所提倡并研究的观点有密切关系。邦达尔科的《功能语法体系中的意义理论》(2012: 37-42)则关注的是库尔德内的“语言思维”和“语言外语义概念”。张如奎的

《俄罗斯学界视野中的新洪堡特语言哲学思想研究》(2013: 27-28)一书之“布基洛维奇与鲍杜恩·德·库尔德内对洪堡特语言学理论的研究”阐述的是库尔德内关于人与母语的关系问题。可见,近年来,我国学者已经开始从更多的角度认识、解读库尔德内语言学说。

3. 专题研究

3.1 论文

我们把此类成果按照主题分为两种:库尔德内学术思想源流研究,库尔德内对其他学者(主要是索绪尔)及各语言学流派的影响研究。

首先,关于学术思想源流研究首推杨衍春(2013: 110-115),其文章“从库尔德内与德国语言哲学、德国民族心理学、德国历史比较语言学三个方面论述了库尔德内语言学理论产生的源流问题。”(杨衍春,2013:110)指出库尔德内深受德国学术思想的影响,提出并发展了一系列超前的语言学思想。他能够批判地吸收前人的研究成果,同时又高瞻远瞩,在很多问题上作出了新的发展、增补和超越。这篇文章为我们阐述了库尔德内语言学说所汲取的营养源流,让我们对他有了更丰富的认识。

其次,针对学术界一直关注的关于库尔德内和索绪尔语言学思想的联系问题,我国语言学界也发表了不少文章,认为应当正确看待前者对后者学术思想的影响,并给予前者在语言学史上应有的公允评价。主要有以下学人:刘耀武(1998),于

兴亨、李东（1999），巫阿苗（2005），屠友祥（2007），李侠（2008），金城、朱蓓蓓（2009），戴瑞亮（2012），李葆嘉、邱雪玫（2013），宁琦（2014），王建刚（2015），杨衍春（2016），牟彦霏（2016），叶蓓蕾（2017），李葆嘉、叶蓓蕾（2018），邱雪玫、李葆嘉（2019）、谢刚（2019）及李葆嘉（2020）等。

以上学人中，尤其值得关注的是李葆嘉教授，他一直关注该问题并不断推进研究。自从1998年首次提出库尔德内才是现代语言学的先驱后，又数次发表文章论证该观点。李葆嘉、邱雪玫（2013：323-338）在其文章中继续坚持认为库尔德内才是“现代语言学”当之无愧的“枢纽人物”。几年后，李葆嘉、叶蓓蕾（2018）以索绪尔的《普通语言学教程》（高名凯，1980）和库尔德内的《普通语言学论文选集》（杨衍春译，2012）等为材料，进行了详细比对，进一步验证了上述观点。隔年，邱雪玫、李葆嘉（2019）又考论了库尔德内关于应用语言学的论述，就学界关于应用语言学的最初创建模糊认知的现状做了厘清，明确阐述了库尔德内不仅仅只是提出“应用语言学”这一术语，实际上还创建了应用语言学理论，其1870年的《对语言科学和语言的若干原则性看法》一文，是“现代语言学的宣言书”（邱雪玫、李葆嘉，2019：146）。李葆嘉（2020：3-8）又再次撰文，指出库尔德内是社会语言学的先导，是创立现代语言学理论的枢纽人物。

同样对索绪尔和库尔德内的语言观进行逐一

比对分析的还有李侠（2008：32-36）和杨衍春（2016：133-139），三位学人展开比对的方面有重合，也有不同，与李葆嘉明确的观点不同的是，李侠认为索绪尔和库尔德内两位大师共同开创了现代语言学的先河，杨衍春也认为“.....尽管库尔德内和索绪尔的理论框架存在着一系列惊人的相似之处，清晰阐述语言新观点和研究语言新方法的荣誉还是属于后者.....”（杨衍春，2016-1：139）。

其余文章或只谈到了库尔德内和索绪尔在音位学说上的联系和特点（如屠友祥一文），或者只言及两者在部分语言观点上的一致性。其中刘耀武（1998：49-51,63）还提到了捷克语言学家奥尔德吉夫·列修卡（Oldřich Leška）整理的库尔德内对现代语言学的23项贡献，其文章宗旨是论述库尔德内学术思想的先驱性，对其在语言学上的贡献进行应有的公允评价。

此外，王福祥（2013：1-7）主要阐述了库尔德内对喀山学派、彼得堡学派、莫斯科音位学派的影响，以及各派代表人物的语言学思想和成就。杨燕（2015：1-4）与众不同之处在于通过“对审美心理效果的重视”和“坚持历时与共时相统一”两方面从社会—心理语言学角度论述了库尔德内对什克洛夫斯基诗学的影响。时隔三年，杨燕（2018：83-84）再次指出库尔德内理论直接影响了什克洛夫斯基诗学发展走向，更深入地论述了其关于语言结构中历时因素的绝对作用的理论主张对诗学的意义，并经过较详细的比对分析指出索绪尔结构语言学中相关理论的提出要晚于库尔德内。

3.2 专著、译著

此类成果都是杨衍春的杰作，为两部专著：《博杜恩·德·库尔德内语言学理论研究》（2010）、《现代语言学视角下的博杜恩·德·库尔德内语言学思想》（2014），及一部译著：库尔德内《普通语言学论文选集》（2012）。这些成果的面世标志着我国研究库尔德内语言学说甚至语言学研究的一个新起点。

2009年，在库尔德内逝世80周年之际，杨衍春通过了博士学位论文《博杜恩·德·库尔德内的语言学理论研究》答辩，并于次年成书出版。该书详细且全面介绍了库尔德内和喀山语言学派，其对历史比较语言学若干问题的反思与贡献，语言本质问题，普通语言学理论及贡献，以及库尔德内与现代语言学。如果说在此之前的文章是片段式的介绍，那么该书无疑是当时研究库尔德内的最详尽的首部专著。作者也由此开始了对库尔德内语言学说更为深入和全面的引介研究。

2012年，杨衍春的译著《普通语言学论文选集》（上、下册）出版。虽比俄文版面世和英译本的发行晚了四五十年，但仍非常值得庆贺，它为我国语言学界了解、研究和运用库尔德内语言学说打开一扇大门。

2014年，杨衍春将其进一步的深入研究成果奉献给读者。其《现代语言学视角下的博杜恩·德·库尔德内语言学思想》面世，该书开篇阐述了库尔德内语言学思想和德国学术思想的渊源关系，探究了语言的起源、发展与变化，论述了语言的心理性

和社会性，还研究了世界语和语言类型；下篇探究的是库尔德内和其他学者：克鲁舍夫斯基、索绪尔以及与布拉格学派的联系以及其语言学思想和研究成果。

综上，从简短的章节到越来越多的论文出现直至专著性成果的出版，可见我国对库尔德内语言学说的关注和研究总体上呈上升趋势。我们认为我国对于库尔德内语言学说的研究在21世纪以前，仅仅是引介早期，学者们只是停留在对其部分观点及生平进行简介的层面上。进入21世纪之后，以杨衍春和李葆嘉为代表的我国语言学者开始了对库尔德内较为系统的引介、考论研究，杨燕的研究则基本开启了运用研究的阶段，这说明我国对于库尔德内语言学说的研究视角在扩大；研究库尔德内语言学说的学位论文的出现也意味着关注库尔德内的队伍在壮大。

结论

引介是“拿来”，“为我所用”以实现本土化改造和运用才是对库尔德内语言学说更好的发展和运用。对此，我国学界目前存在问题尚多，如：研究不够系统、不够深入、力度不够大，所造成的影响也较小，运用方面的探索更是凤毛麟角。对于库尔德内在语言学上作出的巨大贡献，我们的探索之路还任重道远。希望国内学界不仅仅是俄语界，其他学界也能够对库尔德内语言学说引起重视，进一步发展和运用，使库尔德内语言学说在我国语言学研究的土壤里结出更多丰硕的果实。

Литература/参考文献

- (1) :133-139.
1. 陈重业. 1981. 博杜恩·德·库尔德内[J]. 国外语言学 (2) :76-78.
 2. 郭谷兮. 1985. 钻研·创新·贡献——纪念博杜恩·德·库尔特内诞生140周年[J]. 外国语文教学 (Z1) :42-50.
 3. 李葆嘉. 2001. 理论语言学: 人文与科学的双重精神[M]. 南京: 江苏古籍出版社.
 4. 李葆嘉, 邱雪玫. 2013. 现代语言学理论形成的群体模式考察[J]. 外语教学与研究 (3) :323-338+ 479.
 5. 戚雨村. 1988. 博杜恩·德·库尔特内和喀山语言学派[J]. 中国俄语教学 (2) :13-18.
 6. 邱雪玫, 李葆嘉. 博杜恩·德·库尔特内 (1870) 创立应用语言学考论[J]. 南京师范大学文学院学报, 2019 (02) :138-146.
 7. 苏) 维诺格拉多夫. 1960. 词的语法学说导论[M]. 黑龙江大学编译室, 译. 北京: 科学出版社
 8. 信德麟. 1990. 博杜恩·德·库尔特内的生平与学说[J]. 外语学刊 (黑龙江大学学报), (1) :1-11.
 9. 杨衍春. 2013. 博杜恩·德·库尔德内学术思想源流论[J]. 俄罗斯文艺 (03) :110-115.
 10. 杨衍春. 2016. 试论博杜恩·德·库尔德内与索绪尔学术思想的一致性[J]. 俄罗斯文艺 (1) :133-139.
 11. 云桂彬编著. 2000. 语言的结构——20世纪语言学的焦点[M]. 北京: 北京广播学院出版社.
 12. 张兴权. 2012. 接触语言学[M]. 北京: 商务印书馆.
 13. Науменко С.В. Из истории культуры и письменности И. А. Бодуэн де Куртенэ и словарь В. И. Даля. Русская речь. 2005. № 6. С.66
 14. Прохоров А. М. (глав.ред) . Большая советская энциклопедия том 3. М, Изд-во. Советская энциклопедия. 1970. С.455.

References

1. 陈重业. 1981. 博杜恩·德·库尔德内[J]. 国外语言学 (2) :76-78.
2. 郭谷兮. 1985. 钻研·创新·贡献——纪念博杜恩·德·库尔特内诞生140周年[J]. 外国语文教学 (Z1) :42-50.
3. 李葆嘉. 2001. 理论语言学: 人文与科学的双重精神[M]. 南京: 江苏古籍出版社.
4. 李葆嘉, 邱雪玫. 2013. 现代语言学理论形成的群体模式考察[J]. 外语教学与研究 (3) :323-338+ 479.
5. 戚雨村. 1988. 博杜恩·德·库尔特内和喀山语言学派[J]. 中国俄语教学 (2) :13-18.
6. 邱雪玫, 李葆嘉. 博杜恩·德·库尔特内 (1870)

创立应用语言学考论[J].南京师范大学文学院学报,2019(02):138-146.

7. 苏)维诺格拉多夫. 1960. 词的语法学说导论[M]. 黑龙江大学编译室,译. 北京: 科学出版社

8. 信德麟. 1990. 博杜恩·德·库尔特内的生平与学说[J]. 外语学刊(黑龙江大学学报), (1):1-11.

9. 杨衍春. 2013. 博杜恩·德·库尔德内学术思想源流论[J]. 俄罗斯文艺(03):110-115.

10. 杨衍春. 2016. 试论博杜恩·德·库尔德内与索绪尔学术思想的一致性[J]. 俄罗斯文艺(1):133-139.

11. 云桂彬编著. 2000. 语言的结构——20世纪语言学的焦点[M]. 北京: 北京广播学院出版社.

12. 张兴权. 2012. 接触语言学[M]. 北京: 商务印书馆.

13. Naumenko S.V. Iz istorii kulturi i pismennosti I. A. Boduen de Kurtene i slovar V. I. Dalya Russkaya rech 2005, № 6. С.66

14. Prohorov A. M. (glav.red). Bol'shaya so-vetskaya enciklopediya tom 3, M, Izd-vo. So-vetskaya enciklopediya, 1970. С.455.

Информация об авторе

Ph. D (философия) Юань Юйхуа

Гуандунский университет иностранных исследований

г. Гуанчжоу

Китайская Народная Республика

kluotuoci@163.com

Information about the Author

Ph. D. (Philosophy) Yuan Yuhua

Guangdong University of Foreign Studies,

Guanzhou

People's Republic of China

kluotuoci@163.com

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

**Краткий обзор перевода китайских идиом на русский язык, стратегий
компенсации перевода с точки зрения культурной недостаточности**

**A brief discussion on the Russian translation of Chinese idioms and
translation compensation strategies from the perspective of cultural default**

以文化缺省视角浅谈历史典故衍生汉语成语俄译与翻译补偿策略

芮晓铖

Жуи Сяочэн

上海政法学院

Шанхайский университет политических наук и права

shellynasoul@foxmail.com

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-391-400

АННОТАЦИЯ

В настоящее время, когда активно продвигается инициатива сотрудничества «Пояса и пути», китайские идиомы, заимствованные из исторических аллюзий как характерные особенности традиционной китайской культуры, стали важным инструментом, используемым в межкультурной коммуникации со странами, расположенными вдоль маршрута «Пояса и пути». Китайские идиомы обладают уникальной утонченностью, глубиной, историей и национальным характером. Они представляют собой уникальную языковую единицу в китайском языке и имеют явное отличие от русских идиом. Поэтому, когда выполняется русский перевод китайской речи, возникает «культурная недостаточность», так что появляются трудности в межкультурной коммуникации, и компенсация культурного перевода необходима для максимального эффекта межъязыковой культурной коммуникации.

ABSTRACT

At the moment when the Belt and Road cooperation initiative is vigorously promoted, Chinese idioms, derived from historical allusions as representatives of traditional Chinese culture, have become an important tool used in cross-cultural communication with countries along the route. Chinese idioms have a unique refinement, depth, history and national character. They represent a unique language unit in Chinese and have a distinct difference from Russian idioms. Therefore, cultural default occurs when Russian translation is carried out in order to understand each other, so that difficulties arise in cross-cultural communication, and cultural translation compensation is needed to maximize the effect of cross-language cultural communication.

Keywords: Cultural default; Chinese idiom; Russian translation; translation compensation.

Ключевые слова: культурная недостаточность, китайские идиомы, перевод на русский язык, компенсация перевода.

Для цитирования: Руй Сяочэн. *Краткий обзор перевода китайских идиом на русский язык, стратегий компенсации перевода с точки зрения культурной недостаточности.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 391-400.

摘要:

在“一带一路”合作倡议大力推进的当下，历史典故衍生的汉语成语作为中华传统文化的代表成为与沿线国家进行传统文化跨文化交际时使用的重要工具。汉语成语有着独特的精炼性、深刻性、历史性和民族性，是汉语中独特的语言单位代表，与俄语成语有着鲜明的区别，因此在进行俄语翻译以求互相理解时会产生文化缺省现象，

前言

作为国家“软实力”的体现之一——“文化软实力”在跨文化交际方面一直是一个重大的突破口，而作为一国传统文化的代表，文化俗语能蕴含一国民族精神道德核心，体现该民族的悠长历史发展轨迹，拥有充分的文化内涵。现在传统文化作为跨文化交流间一项突破口，类似的文化成语、俗语会在两种语言的翻译上出现困难。如今“一带一路”合作倡议中，我国也对俄语国家增强传统文化交际交流，这样的双语交流过程中，不可避免地需要历经汉俄的翻译，也会经历翻译过程中的文化缺省。本论文基于这样的困难以特定汉语成语为例，提出一些翻译补偿策略，望能够对未来的汉俄成语翻译提供一些思路 and 方向。

For citation: Rui Xiaocheng. *A brief discussion on the Russian translation of Chinese idioms and translation compensation strategies from the perspective of cultural default.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 391-400.

从而在跨文化交流时出现困难，需要进行文化方面的翻译补偿，力求跨语言文化交际的效果能最大化。

关键词: 文化缺省；汉语成语；俄译；翻译补偿

历史典故衍生汉语成语俄译难点

作为汉语语言文学中非常重要的一部分，成语在中国人日常生活中的口语和书面语中都有广泛的应用。目前对于汉语成语的定义都大同小异，网络百科对其定义可以概括为“在汉语中经过长期使用、锤炼而形成的固定短语”；现代汉语词典第5版对成语的定义是“人们长期以来习用的、简洁精辟的定性词组或短句”；新华词典对于成语的定义是“熟语的一种”，指出其为意义完整、结构定型、表达凝练、含义丰富的固定短语。

汉语成语在其语言构成上具有精炼、深刻性，在其文化性质构成上又充满了历史性和民族特性。历史典故衍生的成语占据了现有成语的较

大部分，这些成语描述中国悠久的历史中发生过的特征性事件，描述史实；描绘了历史中标志性人物与其典型案例，并同时从中总结出深刻的道理，用于流传给后人用作警醒、启发思考、铭记教诲等用途。例如“三顾茅庐”这一成语脱胎于发生于东汉末年时刘备为得诸葛亮为谋士辅佐自己，带着大将关羽、张飞，三次到南阳郡邓县隆中拜访并聘请诸葛亮一事，被《三国志·蜀志·诸葛亮传·出师表》记录，又后人总结定型为四字成语。现在，该成语并不完全指该事件，具有引申义用以比喻真心诚意、一再邀请有才能之人，多用来夸赞求贤者独具慧眼又不拘身份只为求士、礼贤下士。又例如“完璧归赵”这一成语，脱胎于历史典故“蔺相如将完美无瑕的和氏璧完好地从秦国带回赵国”，出自《史记·廉颇蔺相如列传》，亦被后人所总结定型为四字成语，如今该成语通常用来比喻把某样物品完好地归还给主人，同时暗含该物品对原主人的重要程度，也是使用该成语者自谦的一种体现。

于是在跨文化交际时对诸如“三顾茅庐”、“亡秦必楚”、“四面楚歌”等需要脱离表面含义，需要使用其引申义和比喻义进行翻译理解的以历史典故衍生的汉语成语时就会产生很多的困难。

二、历史典故衍生的汉语成语俄译时的文化缺省现象

2.1 历史典故衍生汉语成语俄译实践意义

在中国“一带一路”战略设想和俄罗斯“欧亚经济联盟”战略目标整合的当下，与古丝绸之路相契合的中亚地区国家和俄罗斯等使用俄语为通用语

言的国家之间的交流重要性被大幅提升了。因此目前在“一带一路”沿线国家的进行跨文化交际时，过俄语和汉语的相互翻译进行的频率日益增多。

习主席就曾在多个国际性论坛上，频繁用中国传统的汉语成语来表达中方的观点论断，例如在“一带一路”国际合作高峰论坛开闭幕式上发表的主旨演讲中，就曾使用“群贤毕至，少长咸集”，以谦辞表达对在座参会的国家元首、政府首脑和国际组织负责人的敬意；同一段演讲词还使用了“筚路蓝缕”表达我国先祖开创古代丝绸之路的艰辛困苦；作结语是引用了中国古成语“不积跬步，无以成千里”和阿拉伯谚语中“金字塔是一块块石头垒成的”、欧洲谚语“伟业非一日之功”相照应，多角度强调了推进“一带一路”建设需要脚踏实地地去时间推进这一观点。中国与俄方的交流日益频繁，汉语成语的作用与重要性也大幅提升，需要在对外交流时运用更有效的翻译，加强双方的跨文化交流。

2.2 历史典故衍生成语俄译时产生文化缺省原因

如果以翻译的视角着眼，历史典故衍生成语可谓是最难进行俄语翻译的语言单位，在对其的汉译俄过程中，会发生诸多文化缺省现象，诸如：其一，历史典故衍生成语用词简洁，但寓意繁琐，很难用俄语简单进行概括；其二，历史典故衍生成语字面意义多为汉语独有用词，很难在俄语中找到对应单词或词语进行对应的翻译；其三，该类成语背后文化现象具有浓厚中华民族历史传承，很难就单纯字面解读，翻译成俄语就会造成理解错位等。下文笔者将从各个角度对历史典故衍生成语进行俄译是发生的文化缺省现象的

多种原因展开具体讨论。

2.2.1 汉俄文字结构差异

翻译的原则与方法经过多年的实践后在专业领域已有多种有效可行的总结，例如“信、达、雅”原则、等效原则等，但这些原则多在运用于成语的翻译上是会遇到困难。汉语成语是字词精炼、含义深厚的语言单位，而历史典故衍生成语更加注重基于历史事件的含义概括，通常一个字即可解释成一个词组，不能简单以“等效”对其进行俄译。

俄语和汉语属于不同的语系，首先体现在“字”本身上。文字系统中，汉语属于发展成熟的意音文字，表形表意也完整记录了语言的读音，因此单个的汉字有属于它自己的多个解释和意义，有些情况下也有多个读音。在漫长的历史发展中，汉语词汇逐渐形成了构造规律、声调规律的特点，有利于在成语的结构上形成固定性，例如汉语成语“负荆请罪”不能改变词序，变成“负罪请荆”。占比基数较大的四字成语多数音律和谐，即使基于一个具体的历史事件，从中衍生的成语也能朗朗上口。而俄语属于印欧语系中斯拉夫语族的东斯拉夫语支，使用西里尔字母变体而形成的俄语字母，需要使用字母进行单词的组合才能使其具有意义。俄语中的成语多数没有一定的单词数目要求和音节要求，将汉语成语使用“等效原则”进行翻译时，以“意义”进行翻译势必会缺少汉语成语“形态”上的优势，缺少整体性；而如果讲究以汉语成语“形态”为主，会导致翻译不够准确并对理解造成差异。

汉语成语的语法结构基本分为联合式和非联

合式成语两大类（韩全会，2014，69页）。联合式结构所构成的成语前后两部分彼此并列，结构相同、词性一致，有动宾、私自对偶、四字重叠等结构；非联合式成语两部分结构不同，主次分明、词性不一，有主谓结构、偏正结构、动补结构等。总体而言，汉语成语可以在句子中器具发作用，能够充当和汉语词语一样的句法作用，能够精准表达一个完整的句子意思。可以而俄语语法的结构特点即为通过俄语单词的词形变化来表示，偏重将类似的成语通过词类划分。当汉语成语经过俄语翻译时，要进行俄语词汇的增补扩充，使其句法完整。多数情况下俄译后的汉语成语——尤其是历史典故衍生成语——多数并不会翻译成词组，而是翻译成主谓补或谓补短语结构，针对该成语在句中充当主语、宾语、定语、状语、补语的各种情况，调整该俄语翻译的措辞以让句子结构通顺、易理解。

2.2.2 历史背景与文化发展不一致

历史典故衍生成语立足于中国历史，精炼了典型古代历史事件，丰富了典型中国古代民族人民的形象，是民族的语言世界图景之展现，因此可以说该类成语所依靠的“历史典故”是该语言单位的“先例现象”。

每一个国家的历史都是属于自己民族发展的一部分，其对周边国家的发展有一定影响力，在历史进程中从语言、体制、宗教、价值观等方面体现出来，从而形成了一定区域内“文化圈”。从东亚文化圈举例，该文化圈立根于魏晋，在隋唐基本形成，并在近代逐渐衰弱，同时革新发展成

东亚各国合作组织与机构。由于同处于东亚，汉字作为主要要素对朝鲜半岛和日本列岛进行输出，成为了朝鲜半岛和日本文化建构的基础，使东亚成为一个特殊的整体。以汉字为纽带，先进杰出的汉文化、中国儒学思想等传入周边国家，朝鲜半岛人民和日本人都学习汉字，使用汉字还记录自己国家的历史与作品，并且仿照汉字创自己民族的语言文字体系。东亚国家文化上的交流融合，让东亚文化圈的人对彼此国家的历史发展进程和文化价值观、时空观、思维方式、风俗传统、行为习惯都有所熟知，形成了一个较为稳定的文化空间，适用相对统一的文化先例现象，并且对彼此之间的知识与观念更容易接受。例如近期新冠疫情正在全球蔓延，邻国日本的北海道知事铃木直道在防疫公关发言中就引用了历史典故衍生的汉语成语“请自隗始”，表达自己创下因疫情停课的先例，所有后果将一力承担。该成语出自《战国策·燕策一》，讲述战国时燕昭王不惜重金让天下所知自己重用郭隗，以求更多贤士能不求自来，意喻希望好事能从自己所起，现在特定语境下演变为勇于担当、以身垂范的意思。如若针对中国历史和汉文化没有相当的认知和了解，作为日本人的铃木知事是很难将该成语使用在自己的公关发言中，并且日本人也会很难对该成语进行理解。

而俄罗斯处于东欧文化圈，又称斯拉夫文化圈。现代俄语的前身是东斯拉夫语，属于印欧语系的一支，其最初的文字是“线条和刻画”型文字，而后期斯拉夫地区出现了第一批早期封建王国，随着基辅于988年受洗将罗斯纳入拜占庭世界，同

拜占庭发展交易往来，引进了希腊文字并融合宗教元素，斯拉夫文字由此基本定型。因此可以说俄罗斯文化的本源受到了拜占庭文化的强烈影响。而由于从地理上看，俄罗斯是横跨欧亚两大洲，处于东西方文化的交汇地带，折让俄罗斯民族有属于东方文化的痕迹，有在其历史发展上深受西方文化的影响，所以俄罗斯是兼具东方和西方文化心理的国家，又是两方文化矛盾的统一体，很难两方都融合，又很难脱离两方而存在。兼具东西方文化价值观的俄罗斯民族很难对两者的文化差异达成合理融合，其汇集了东西方各自民族文化的优点，又不完全能在意识形态上和彼此达成共识，因此充满了摇摆不定的“两极性”。从地缘、历史来看，俄罗斯和西方紧密联系在一起，自从彼得大帝提出“进入欧洲，成为欧洲强国”这一俄罗斯民族未来发展方向起，俄罗斯就不断的和西欧靠近，自我归属于完全的欧洲民族中。因此俄罗斯民族很难和东方的民族文明产生共鸣，与中国魏晋南北朝时期北魏汉化发生民族融合不同，13世纪成吉思汗的金帐汗国向西讨伐征战罗斯各公国并没有发生民族融合现象，原因其一是蒙古汗都没有对罗斯人的信仰要求，其二便是罗斯人自身没有与蒙古人通婚的意图，仍对“东方来的侵略者”抱有强烈抵抗心理。

俄罗斯民族的历史发展与自我文化身份的认同与汉民族文化圈的差异，造成了汉俄跨文化交际时，俄罗斯对我国汉语成语背后的先例文本的认知缺失，导致在翻译中很难运用直译的方法，也很难运用“异国情调”原则。例如“卧薪尝胆”这一成语进行俄语翻译，就会翻译成“спать на хворо-

сте и пить жёлчь”，在字面意义上能保证成语的意思不出错，但由于成语可以灵活使用于各个语境，脱离“勾践卧薪尝胆，发誓要雪国仇”的上下句，在“中国足球想要冲出亚洲，必须卧薪尝胆，刻苦训练”的句子中使用“睡在柴上喝胆汁”的翻译，这样与前后文不相符的行为会让俄罗斯人感到疑惑不解，并很难从比喻义对其背后的含义“忍辱负重、发奋图强”产生联想，自然也缺少了使用成语背后的历史韵味。

2.2.3 审美意识不同

基于汉俄语言文字结构不同，东亚文化和东欧文化的互不融合，缺少先例文本，其拥有的先例名或标志性特征也会不同，汉语使用者和俄语受众的文化认知库就会局限于母语文化，从而产生汉俄的文化审美意识错位，在历史典故衍生汉语成语的俄译上产生文化缺省现象，即很难通过“以形象译形象”、“以成语译成语”来进行俄译。

此处的审美意识，指民族艺术层面对“象”的能动反映，是以先例文本为基础，先例情形、语句为主要体现的一个核心民族认知库。每个民族都有属于自己民族文化的先例情景标志，例如在俄语中提及“背叛”时，就有“犹大”、“三十个银币”、“犹大之吻”等先例特征比喻对象，放置于俄语对话情景下俄语使用者可以较为容易地体会到对话内容含义有所针对“背叛”；在中文中提及“背叛”，有时会用“三姓家奴”来描述一个人反复无常、不忠不义，但没有一个具体的如同犹大的形象作为“背叛”的比喻对象，多数情况下使用“不臣”、“逆臣”、“贼子”来概括性描述背叛的人，

用“背信弃义”来描述这一行为，用“众亲叛离”来表达背叛的下场。

在形象描述的认知库中，对“美貌女子”的先例认知，俄罗斯人常使用普希金诗歌《致凯恩》中的先例语句“Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты”，中国人通常用“西施”、“貂蝉”来描述，然而汉俄彼此之间对该文学形象代表并不熟悉，在“美貌女子”基础上翻译成语“西子捧心”时，只是用“美人病弱捂住胸口”的翻译，也会产生文化形象认知错位。因为在“美貌女子”上的相同只能说明该形象在该民族历史中以美貌著称，但是无法精准体现出是什么类型的美貌，就很难套用形象进行俄译。

在汉语的民族认知库中，历史典故衍生成语中的许多“专有名词”在历史演变中成为了带有喻体意味的词语，例如“下里巴人”、“阳春白雪”原本分别指《下里》、《巴人》、《阳春》、《白雪》四首古代音乐，由于各音乐的特性，现在分别指“下里巴人”是通俗音乐作品，现在指通俗的文学艺术和高深的文学艺术，对其进行俄译时就需要完全抛开字意，只取其意义，会导致整个成语的历史文化意义和民族审美缺失。“得陇望蜀”该成语原意指已经取得“陇右”，还想攻取“西蜀”，现在意喻贪得无厌、不知满足，翻译成俄语时也只能去除“陇”、“蜀”的古代国家称呼及其汉语形象，意译成“ненасытный (贪得无厌之人)”或者“не знающий предела своим притязаниям (贪欲难填之人)”，导致该成语的历史文化意味在翻译中缺失。

2.2.4 翻译场合限制

除了语言本身和作为语言单位的先例文本缺失、审美意识形态因民族而异，就翻译的场合限制也是对历史典故衍生汉语成语的俄译产生文化缺省的原因之一。

在进行书面化文字翻译的过程中，翻译者有更多的时间和空间对精译成语进行思考。本着为读者服务的目的，译者通常需要对成语的翻译进行一些改变，会合理运用“异国情调”原则、“等效”原则。在直译能够满足上下文语境时，译者会首先进行直接的字面翻译，通过注解的方式把该成语的中国民族历史成分标注于下文，达到同时传递意思，并不失该成语韵味的目的。而在遇到成语直译会出现较大民族意识分歧时，译者会选用“换译”和“消解”的翻译方法，在俄语中找到能相对应的先例文本或者进行完全意译。例如“说曹操，曹操到”这个基于历史典故的成语，曾朴《孽海花》原文“无巧不成书！说到曹操，曹操就到”的译文，翻译成“Воистину : не будь случайностей, не существовало бы и книг! Заговорили о Цао Цао, а Цао Цао тут как тут!”，该译文就字面意直译，对中国文化不了解的俄语读者会对句子产生误解；巴金《春》原文“幸好我们没有骂他。真是说曹操，曹操就到”的译文是“Хорошо , что мы не ругали его. Вот уж действительно лёгок на помине”，此处借用了俄语成语“лёгок на помине”进行对应式翻译，能让俄语受众者更容易理解。无论使用“直译”、“换译”或是“消解”的方法，书面译者对历史典故衍生成语的翻译都会尽可能靠近该成语放在句中的意思，在不进行注释补充

的情况下还是会造成一定的文化缺省，“换译”和“消解”使用不当也会对原本成语使用者的语境造成一定的误差。

在口头翻译中，汉语使用者借用历史典故成语进行自我阐述主要想要达到强调个人主旨、增强说话语气同时体现个人文化修养内涵的效果。在正式场合中的翻译方式为交互式传译和同声传译，需要口译员在极短的时间内对说话内容进行反应和目标语言转化，在遇到普通成语时还可以通过字面意义直接翻译，然而遇到字面意不能符合语境的历史典故衍生成语，也很难使用短时间内迅速使用意思相近的俄语成语所替代，会尽可能和前后文语境保持一致而使用意译，在翻译的过程中无法兼顾成语的结构。

作为非对应型语言单位的代表，有历史支撑、有典型故事、有民族文化内涵的成语，对其的翻译收到场合影响的因素很多，一方面要让读者与听者容易理解并联想到本国相关语境中，一方面要尽可能忠实地还原汉语语境和整体文化氛围，笔译者可以通过尽可能直译加上补充注释，但是会繁杂化原文；而口译者受时间、空间限制，导致语言转换翻译过程中会简化当前语境不需要补充的“历史典故”部分，从而难以进行文化输出，导致文化缺省现象的发生。

三、历史典故衍生的汉语成语俄译的翻译补偿方案

汉俄之间的跨语言交际和跨文化翻译所产生的文化缺省现象在进行历史典故衍生汉语成语的俄译时会被放大。为了克服文化缺省，达到转换语言符号的同时传递该类成语所承载的文化，需

要作出文化领域的翻译补偿，以求促进汉俄之间的跨文化交流。

汉俄两种语言都在漫长的历史发展道路上，各自形成了具有各民族文化特色的表达方式，在对同一事物或者同一类现象的认知上会产生差异，其被后隐喻的形象和意义的错位导致翻译过程中文化缺省，进而无法到达跨文化交际的目的。为了顺利推进“一带一路”背景下的中华文化输出，在翻译之前要首先进行语言意识形象的建立。

带有历史、文化意味的历史典故衍生成语脱离于“字面意义”而存在，在进行翻译的时候就需要进行直译和补偿双管齐下进行语境意义的补全。

为了能够长效地建立两种文化之间的交流桥梁，可以将汉语思维中的语言意识形象和俄罗斯本土所有的进行配对。这并非单纯地利用“异国情调”原则，生搬硬套入俄罗斯有关的对应文化形象，而是进行根据俄罗斯和斯拉夫文化圈的历史和民族特性，总结出普适性强的新例子，形成新的语言形象，并且把汉语的文化思路融入其中，达到两者兼得的目的。

翻译人员为了能够最效率地对成语这样精简又有多层含义的语言单位进行翻译，会查找相关的汉俄辞典。而目前市场上的“汉俄辞典”有出版时间为1984年的《俄汉成语词典》和出版时间为2004年的《现代常用俄汉成语双解辞典》，出版时间距离现在都有一定的年份，且内容都注重“俄语成语”对汉的转化，已经很难满足现在汉对俄的文化交际需求。

因而，区别于一般的文化意象移植和“以形

象译形象”，建立新的语言意识形象体系需要集合大量当代的汉俄语言文化研究者进行讨论和总结，加强国内对语言国情学的研究，总结出总结能产生联想的汉俄词汇。通过精选实用性强、文化底蕴深厚的历史典故衍生汉语成语，对其固定翻译构式，举出该成语对应俄文化中的语言意识形象，并编写成一本新时代的汉俄成语辞典，其内容重点突出汉语成语的字面意义和文化意义，达到翻译者有所可用，俄语使用者可以参考学习的目的，进而进行长效地语言意识形象的建立，帮助推进下一步的中华文化输出战略。

结论

随着“一带一路”合作倡议的大力推进，我国与一带一路沿线国家的经济、贸易、科技等多领域进行合作，跨文化交际的频率治大夫提升。在汉语语言单位中，具有结构精简、历史韵味足、文化意义深厚等性质的历史典故衍生成语使用率大幅提升。而正因为该类成语承载富含民族特性的文化意义，在俄译时会由于汉俄语言文字结构不同、历史了解度低、审美意识差距和翻译场合的限制而产生“文化缺省”现象，对中国传统文化与俄进行的跨文化交际造成一定的困扰。因此译者需要在翻译历史典故衍生成语时，不忽视其背后的重要的文化意义，力求翻译字面意义同时，带入文化意味，加强跨文化交际意识。

为了对历史典故衍生成语进行文化翻译补偿，不仅译者需要自身对其文化意义有所吃透，更需要在外部加强对其认识。为了加强俄汉成语在新时代俄汉跨文化交际场合中的作用，通过以

汉语成语的俄译为重点总结、编写新的汉俄成语辞典，并加强中国对外汉语教育工作者和教育平台的建设，将能从源头上更有效地弥补俄译时产生的文化缺省，以加强跨文化交流。

Литература/References

1. 刘宏. 成语中的文化因素[M]. 外语教学与研究出版社, 2018
2. 韩全会. 汉俄成语翻译构式研究[M]. 华中师范大学出版社, 2014
3. 刘永红, 袁顺芝, 张豫鄂. 俄汉成语的文化分析[M]. 华中师范大学出版社, 2002
4. 金巍. 梅花与牡丹: “一带一路”背景下的中国文化战略[M]. 中信出版集团股份有限公司, 2018
5. 李家春. 默认意义及其翻译策略探究——默认语义学视角[J]. 东北师大学报(哲学社会科学版), 2018(03):107-112.
6. 刘永红, 周梦菡. 论俄汉成语形象术的修辞机制[J]. 中国俄语教学, 2017, 36(03):21-25+32.
7. 王政红. 组合性成语的生成及性质——以源于《论语》的成语为例[J]. 南京师大学报(社会科学版), 2015(03):144-153.
8. 叶晨. 伊藤漱平“负荆请罪”翻译考[J]. 红楼梦学刊, 2015(02):324-335.
9. 陶源. 基于俄汉平行语料库的翻译单位研究[J]. 外语教学, 2015, 36(01):108-113.
10. 董成. 跨文化交际视角下的汉英文化意象与翻译策略[J]. 东北师大学报(哲学社会科学版), 2014(06):146-150.
11. 白立元. 汉语成语误用规律探析——兼论非汉语母语少数民族学生汉语成语的习用问题[J]. 中央民族大学学报(哲学社会科学版), 2014, 41(04):154-159.
12. 张玲. 从中国典籍英译视角看跨文化交际教学[J]. 现代传播(中国传媒大学学报), 2013, 35(07):155-156.
13. 孙艺风. 翻译与跨文化交际策略[J]. 中国翻译, 2012, 33(01):16-23+122.
14. 刘进. 对外文化传播翻译策略研究[J]. 学术界, 2010(12):156-163+287.
15. 高嘉正, 高菁. 成语典故的英译[J]. 上海翻译, 2010(01):29-32.
16. 王金凤. 俄语成语的意义及其翻译[J]. 中国翻译, 2008, 29(05):72-74.
17. 李海琪. 难以译出的精彩——从霍译本《红楼梦》的熟语翻译看文化流失[J]. 红楼梦学刊, 2008(02):304-323.
18. 刘宏. 跨文化交际中的先例现象研究[J]. 外语与外语教学, 2007(12):25-28.
19. 王明琦. 汉俄成语中的民族文化差异[J]. 黑龙江民族丛刊, 2006(02):103-106.
20. 吴芳. 俄汉熟语概念的对比分析[J]. 中国俄语教学, 2006(01):32-35.
21. 吴芳. 汉语成语的意义及俄译[J]. 中国俄语教

- 学,2004(04):54-59.
22. 张豫鄂.论俄语成语汉译中的“用形象译形象”原则及其应用[J].湖北大学学报(哲学社会科学版),2003(03):101-103.
 23. 韩红.关于建构俄汉对比跨文化交际学的理论构想[J].解放军外国语学院学报,1999(04):17-20+32+128.
 24. 吴吉康,吴立,王君.俄汉成语对应关系初探[J].兰州大学学报,1998(02):144-150.
 25. 封小雅.成语中的文化因素[J].语言研究,2002(S1):87-91.
 26. 刘淼.基于俄汉平行语料库的文学翻译语言特征考察——以译自副动词短语的翻译语言为例[J].中国俄语教学,2018,37(02):28-37.
 27. 丁宏.俄罗斯对中亚民族文化发展的影响[J].世界民族,2020(03):1-10.
 28. 杜宇鹏,秦立东.克服俄罗斯文化身份“认同危机”的尝试——欧亚主义的理论探索[J].学术交流,2019(11):37-45.
 29. 孔寒冰,韦冲霄.中东欧研究的历史演变、特征及发展趋势——孔寒冰教授访谈[J].国际政治研究,2019,40(03):126-160+6.
 30. 郭丽双,汪力平.俄罗斯古典欧亚主义的文明论建构及其当代意义[J].苏州大学学报(哲学社会科学版),2019,40(03):21-28.
 31. 毛锋,孙秋霞,闫静文,何佩文.从博弈论视角看中国与中东欧国家的文化传播[J].上海对外经贸大学学报,2017,24(02):89-96.
 32. 王忻.被汉字统一的文化圈及文化圈内汉字的统一[J].东南大学学报(哲学社会科学版),2015,17(04):140-145+148.
 33. 李铭娜,武振玉.东亚文化圈的形成、衰退与重建——以汉字的地位变迁为视角[J].东北亚论坛,2011,20(05):117-122.

Информация об авторе

Жуи Сяочэн

Шанхайский университет политических наук и права

shellynasoul@foxmail.com

Information about the Author

Rui Xiaocheng

School of Language and Culture

Shanghai University of Political Science and Law

shellynasoul@foxmail.com

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

**On the issues of overcoming interlingual and intralingual interference
in teaching Chinese to students: lexical and grammatical aspect**

**К вопросу о преодолении межъязыковой и внутриязыковой
интерференции при обучении китайскому языку студентов:
лексико-грамматический аспект**

Sayyora A. Nazarova

Tashkent State University of Oriental Studies

zayidova@gmail.com

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-401-409

АННОТАЦИЯ

Проблема сопоставительного изучения иноязычной лексики и явление интерференции всегда находились под пристальным вниманием ученых. Хотя существует большое количество научных работ в данной области, однако, на сегодняшний день нет единого консенсуса на сопоставительное изучение лексики и грамматики родного и иностранного языков в лингводидактических целях. Проанализировав взгляды ученых по проблеме сопоставительного анализа родного и иностранного языков в лингводидактических целях, прослеживается мысль о необходимости применения сопоставления контактирующих языков.

В статье рассмотрены взгляды различных исследователей на природу возникновения интерференции, описывается комплекс условий, по которому определяется её характер, предложены пути преодоления возникающей межъязыковой и внутриязыковой интерференции в речи студентов при обучении китайскому языку, выделяется наиболее важный

ABSTRACT

The problem of comparative study of foreign language vocabulary and the phenomenon of interference has always been under the close attention of scientists. Although there is a large number of scientific papers in this field, however, today there is no single consensus on the comparative study of vocabulary and grammar of native and foreign languages for linguistic and didactic purposes. Having analyzed the views of scientists on the problem of comparative analysis of native and foreign languages for linguodidactic purposes, you can come to the conclusion that it is necessary to apply the mapping of contacting languages.

The article examines the views of various researchers on the nature of the occurrence of interference, describes a set of conditions by which its nature is determined, suggests ways to overcome the emerging interlingual and intralingual interference in the speech of students when teaching Chinese, highlights the most important set of conditions by which the nature of the interference is determined.

комплекс условий, по которому определяется характер интерференции.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, лексико-грамматические трудности, сопоставление, внутриязыковая интерференция, фразеологизмы, слово-иероглиф, модуляция.

Для цитирования: Назарова С.А. *К вопросу о преодолении межъязыковой и внутриязыковой интерференции при обучении китайскому языку студентов: лексико-грамматический аспект.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 401-409.

Introduction

According to the data of modern methods, Chinese learners make mistake in the second language are a consequence of the influence of the first language. A similar phenomenon in the teaching methodology is characterized as inter-language interference, while it causes confusion for students, because of the nature of their first language, are called intra-linguistic interference.

Comparative linguistics and the phenomenon of interference were studied by such scientists as U.K. Yusupov (2007), Buranov J. (1983), M. Dzhusupov (2012), G.Kh. Bakiev (1987), V.M. Beldiyan (1980), Zhao Yunping (2003), K.S. Kodirova (2008), E. M. Akhunzyanov (1978), Yu.S. Blazhevich (2011), I.A. Sternin (2006) and others.

As for inter-language interference, this phenomenon is considered in detail by U.K Yusupov. According to the researcher, "inter-lingual interference is manifested in speech not only in the form of a deviation from the norm of one or each of the contacting languages (in a linguistic understand-

Keywords: interlingual interference, lexical and grammatical difficulties, comparison, intralinguistic interference, phraseological unit, modulation.

For citation: Nazarova S.A. *On the issues of overcoming interlingual and intralingual interference in teaching Chinese to students: lexical and grammatical aspect.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 401-409.

ing) or in the form of a negative transfer of speech skills (in a psychological understanding), but can also appear in the form of silence (in linguistic understanding) or an unsuccessful attempt to transfer the skills of the native language (in the psychological sense), i.e. in the form of zero transfer" (Yusupov, 2007, p. 102).

Thus, the learned points of view of scientists, reflecting different visions of the problem of comparing the studied languages and the phenomenon of interference, create the prerequisites for the comparative analysis of two different-structured languages of Uzbek and Chinese in order to determine the nature of the errors that occur in philology students studying Chinese, which is caused by mainly by interference from the mother tongue — the Uzbek language. The following statement is very accurate in this regard: S.F.Shatilov: "The interfering influence of the lexical system of the native language is inevitable, since the native language is the initial basis of thinking and is supported by constant practice. But it can be weakened and easier overcome by understanding the

similarities and differences in the use of words in both languages” (Shatilov,1986, p. 122).

Results and discussion

I. Acoustic-graphic difficulties. I.1. Pronunciation difficulties. When working with the lexical units of the Chinese language, students of philologists have difficulty pronouncing, which is explained by the difference in the phonetic systems of the two languages. The Chinese language belongs to the tonal phonetic system, in the standard Chinese language "putonghua" there are 4 tones and a zero tone. An incorrectly pronounced tone leads to an erroneous understanding and changes the meaning of the word. For example, the word 接触 – jiēchù – “connect” – “ulamoq” has the first and fourth tones, however, if you pronounce it in the third and second tones, the meaning of the word will change to 解除 – jiěchú – “eliminate”, “deprive” – “bartaraf qilmoq”.

In addition, in the process of interference, the native language skills are transferred to Chinese, the Chinese language of Uzbek students is slower than that of native Chinese speakers. Giving a very accurate assessment of this phenomenon, the Uzbek scientist V.M. Beldiyan emphasizes that “in the process of interference, a student involuntarily uses the automatisms of his native language and more or less consciously stereotypes that he intensively tries to develop on his own based on ideas about the language being studied. These stereotypes act no less strongly than the old ones” [Beldiyan, 1980, p. 65].

Thus, the difficulties encountered by philological students are associated with a very complex tone system of the Chinese language and demon-

strate both intra-linguistic and inter-language interference. In particular, the non-observance of the corresponding tones of words we attributed to intra-lingual interference, and slow speech to inter-language.

I.2. The phenomenon of modulation (a change in the original tone of a word depending on the tone of the second syllable that follows the first). The phenomenon of modulation (change) of tones in the Chinese language causes certain difficulties in mastering the sound form of a word. For example, the word 只好 – zhǐhǎo – “had to” – “majbur bo‘ldim” (to do something) is two-syllable, having two third tones. As a rule, words of this category undergo modulation, the tone of the first syllable changes to a half-third. Accordingly, the words of this category should be read with intonation of a half-third tone.

A special form of modulation is inherent in the negative word “不” bù (no) (yo‘q) and the numeral word “一” (one) (bir). So, the original tone of the word 不- bù is the fourth, however, in the position before the word with the fourth tone, it changes to the second.

Philology students do not always follow the rule of modulation of tones, and therefore there is intralingual interference. Overcoming this category of difficulties can be resolved by bringing modulation rules to learners, as well as a special system of exercises that helps to eliminate the arising difficulties of this category.

I.3. Difficulties of calligraphy (rules for the sequential writing of hieroglyphs). As we mentioned earlier, hieroglyphic writing is more difficult for students from those countries whose

writing belongs to the letter. This is due to the fact that “in letter systems of writing, a graphic nomination is built on the basis of the establishment of the connection “ sound – letter (combination of letters) – meaning ”, the hieroglyphic nomination establishes the connection “ sign – value ”(Yang Jizhou, 2010, p. 27).

However, despite the fact that philological students master the basics of the rules of calligraphy at the initial stage, they still observe deviations from the norms of Chinese writing, for example, they do not follow the rules for sequential writing of traits, complex traits do not meet the requirements of calligraphy, broken lines with a hook should have sharp angles, while Chinese students prescribe them with a smooth transition, etc.

We believe that the difficulties we have identified among philological students indicate the creation of a specific Chinese hieroglyphic writing of additional barriers in the assimilation of new words in the Chinese language and lead to the emergence of intralinguistic interference.

II. Difficulties in usage. II.1 Synonyms 同义词 tóngyìcí. A significant difficulty for Uzbek students is the phenomenon of synonymy in the Chinese lexical system.

For example, the Uzbek word “sayohat” – “travel” and “sayohat qilmoq” – “travel” in Chinese correspond to three verbs: 1. 旅行 – lǚxíng; 2. 旅游 – lǚyóu; 3. 游览 – yóulǎn, – yóulǎn, however, their use in a sentence depends on the purpose of the trip.

In the Chinese dictionary (Yang Jizhou, 2010, p. 833) these synonyms are interpreted as follows: 旅行 – lǚxíng – 为了办事或游览, 从一个地方到另一个地方 (多指比较远的的地方): travel, travel,

trip, tourism. In order to travel on business or travel from one destination to another point (used when designating long distances). A synonym for this word “旅游” – lǚyóu (外出旅行游览), its meaning: "travel", "tourism" "sayohat qilmoq". Departure for travel, tourism.

Another synonym for these words is 游览 – yóulǎn – to travel, to make an excursion, to see (sights, landscape, city) – sayohat qilmoq, ekskursiya qilmoq.

And, although all three of these verbs are united by the same meaning of “travel” “sayohatqilmoq”, however, their scope depends on the purpose of travel. Accordingly, against this background, difficulties arise for students-philologists. For example: “你们在中国都旅行/旅游了什么地方?” – “Nǐmen zài zhōngguó dōu lǚxíng/lǚyóu le shénme dìfāng”. In this case, pronounced intragloss interference is demonstrated. The correct form of this sentence will look like this: 你们在中国都游览了什么地方? – Nǐmen zài zhōngguó dōu yóulǎn le shénme dìfāng? What places in China have you visited? – Sizlar Xitoyning qaysi joylarini sayohat qilgansizlar?

Thus, the presence of a huge number of synonyms in the Chinese language causes certain difficulties for philology students, against the background of which there arises both intralinguistic and interlingual interference.

II.2. Homonyms 同音词 tóngyīncí. In Chinese, the phenomenon of homonymy is very developed. This is due primarily to the fact that the Chinese language has its own patterns in the combination of initials (initial consonant), endings (syllable-forming vowel, for example, “ing”), which are

components of the transcription of “pinyin” characters for the Chinese normative language “putonghua”. In total, in the Chinese language there are 400 free syllabic combinations, with tones – more than 1300 syllables. Given the presence of a large number of hieroglyphs in the Chinese language, syllable repeatability i.e. homonyms increases several times. We have already mentioned that in Chinese the syllable is a significant morpheme. One character is one syllable, such words should be related to monosyllables, and consisting of two characters or two syllables – to two-syllables. Homonymy in the Chinese language is common among both monosyllabic and bisyllabic words. As noted by A.A. Khamatova ”(2006), “when studying the vocabulary of the Chinese dictionary, it was found that of the 37 thousand words cited in it, 5 615 are lexical homonyms, which makes 15.7% of the entire vocabulary of the dictionary” (Khamatova, 2006, p. 26).

Consider the difficulties encountered by students in the process of using homonyms. Typically, there are several types of homonyms in Chinese.

The first type includes homonyms that have identity in graphic and sound terms. They're called 同音同形词– Tóngyīn tóngxíng cí (Khamatova, 2006, p.15). For example:

生气 – shēngqì— vitality, energy – quvvat;

生气 – shēngqì — to be angry – g’azablanmoq, jahli chiqmoq.

The second type of homonyms is homophones 异形同音词 – yìxíng tóngyīncí. Homophones are consonant both in the syllabic part of the initials and in the finals, and they also have the same tonality, however, they differ in graphic terms. Difficulties in this lexical category of words

stem from the erroneous recognition of homophones in a sentence by ear. For example, 期中 (终) 考试开始了 – qízhōng (zhōng) kǎoshìkāishǐle – The midterm (final) exam has begun – Oraliq (yakuniy)imtihoni boshlandi. The words “期中” – “qízhōng” – “midterm – “oraliq” and “期末” – “qízhōng» – “yakuniy” – “final” are homophones. It is difficult for philological students to determine by ear what kind of exam they are talking about, since these words are homophones. Undoubtedly, if this proposal is read by students in a context, such difficulties will not arise.

II.3 Homographs 同形词tóngxíng cí. To the category of homographs are those words that are identical in graphic terms, but may have a different sound depending on what type they belong to. So, homographs differentiate into the following types:

The initial and final are identical, the tonality of the word is different. For example:

好看 – hǎokàn — 爱好 – àihào;

发言 – fāyán — 头发 – tóufǎ;

教书 – jiāoshū — 教学 – jiàoxué.

Against the background of this category of words, a typical intralingual interference arises among students of philologists, which manifests itself in the phonetic plane, i.e. tangling tones. Students do not always have a complete idea that a word has two different keys.

Different initials, or different initials and tonality, however, have identical endings and coincide graphically. For example:

长短 – chángduǎn – 成长 – chéngzhǎng;

重量 – zhòngliàng – 重复 – chóngfù;

调查 – diào chá – 调皮 – tiáo pí.

2. Different endings, or different endings and tonality, but identical initials and graphic form of the word.

for example: 还钱 – huán qián – 还有 – hái yǒu; 大夫 – dà fū – 大人 – dà rén; 睡觉 – shuì jiào – 觉得 – jué dé.

Students have a very high degree of difficulty in precisely the second and third categories of homograph words, since in the process of reading, students read out the hieroglyphic word in the sound in which they were most firmly mastered, and, as a rule, do not pay attention to double reading of homograph words.

II.4. Vocabulary that has paired words with identical feedback components. 同素逆序

词 – tóng sù nì xù cí. Intralingual lexical interference occurs in students against the background of two-syllable words of the Chinese language. It has its own pair with an identical morpheme in sound and graphic terms, however, their property is that the order of morphemic components of pair words is constructed according to the AB — BA principle. As for the meaning of these words, they can be both synonyms and words close in meaning, and also have completely different meanings. For example: 互相 – hù xiāng – 相互 – xiāng hù. Here both words have the identical meaning, “mutually” – “o‘zaro” and in the sentence are interchangeable.

Similar in meaning to the word 适合 – shì hé – “moskelmoq” – “match”, –合适– hé shì – “qulay” – “moskelmoq” – “convenient”, “suit”. But they are different in usage, since the two-syllable word 适合– shì hé – “mos kelmoq” can be followed by an addition, and the word 合适– hé shì – “qulay” cannot

be used. Consider some suggestions in which students make mistakes: “你的性格合适当老师” – “nǐ dì xìng gé hé shì dāng lǎo shī” – “Sening xaraktering o‘qituvchi bo‘lishga mos keladi” – The sentence is erroneous, the correct form – “你的性格适合当老师” – “nǐ dì xìng gé shì hé dāng lǎo shī” – “Sening fe‘l atvoring o‘qituvchi bo‘lishga mos keladi; sentence “我觉得你这样做不适合” – “wǒ jué dé nǐ zhè yàng zuò bù shì hé” – “Men o‘ylaymanki sening bunday qilishing mos kelmaydi” is wrong, its correct form is – “我觉得你这样做不合适” – “wǒ jué dé nǐ zhè yàng zuò bù hé shì” – “Men o‘ylanmanki sening bunday qilishing mos kelmaydi”.

In his works, the Chinese scientist Li Shinchun (Li Shinchun, 2013, p.145) identifies 52 pairs of lexical units that have paired words with identical feedback components that are found in the HSK vocabulary (standardized qualification exam in Chinese). Difficulties for students of philology against the background of the above-mentioned layer of vocabulary relate to typical intralingual interference. To overcome the difficulties of this category, it is necessary to familiarize students with the pairing words of the Chinese language, explain their usage properties, and also that such words do not always carry the same meaning, have different grammatical affiliations.

Thus, insufficient knowledge of the lexical-semantic system of the Chinese language causes the use of words in an unusual meaning for them.

II.5. Idioms. 熟语 – Shú yǔ. The difficulties are caused by the presence in the Chinese language of a large number of phraseological units that contain a national component that describes traditions, customs, life, and culture of the people. Chinese phraseological units “熟语” – “shú yǔ” are divided into “成语” – “chéng yǔ” – “finished expressions”, “谚

语” – “yán yǔ” – “proverbs”, “俗语” – “súyǔ” – sayings, “惯用语” “guànyòng yǔ” (Semenas, 2005, p. 260), - “phraseological combinations”, “歇后语” – “xiēhòuyǔ” – “allegations-allegories”.

In the lexical layer of phraseologisms, a special place is given to “成语” – “chéngyǔ” – to “ready-made expressions”, as they personify one of the most valuable heritage of traditional Chinese culture, conveying the centuries-old wisdom of the people. As a rule, students do not understand the original meaning of “成语” – “chéngyǔ” – “ready-made expressions” until they turn to the sources, the legend of their origin. And despite the fact that in the textbooks on the Chinese language for the interpretation of “ready-made expressions” there are historical legends, the myths of the emergence of “成语” – “chéngyǔ” – “ready-made expressions”, there are still difficulties in their use. An example is phraseologism 方龙入海 — fāng lóng rùhǎi (Li Shinchun, 2013, p. 131), which in direct translation means "Let the dragon go to sea" — "Ajdarini dengizga qo'yib yubormoq". Meanwhile, in the culture of the Uzbek people, where the mythical hero “dragon” is quite rare, students will not be able to understand the primordial meaning of this phraseological unit. In this regard, it is necessary to get acquainted with the legend of the emergence of this "ready expression" and understand its meaning, the meaning of which is as follows: “Give the opportunity to reveal your talents”.

Difficulties of a semantic nature are associated with the absence or presence of equivalents of Chinese phraseological units in the Uzbek language of students.

III. Lexical and grammatical difficulties.

III.1. Transpositional words. We believe that difficulties stem from the differences in the lexical and

grammatical systems of the Chinese and Uzbek languages. The fact that one word belongs to a different grammatical category of words leads to the appearance of interlanguage interference. For example, the word “翻译” – “fānyì” – “translate” – “tarjima qilmoq”, “translator” – “tarjimon” simultaneously belongs to two grammatical categories – a verb and a noun. In total, in the Chinese language, within the framework of the HSK vocabulary, consisting of 5 thousand words, 569 transposition words are distinguished (Li Shinchun, 2013, p.127). It should be noted that there are several types of transposition in the Chinese language: type noun – verb, verb – noun, adjective – verb, verb – adjective, noun – adjective, noun – counting word, adjective – noun, preposition – verb.

We illustrate with an example for the type of verb - noun:

他翻译课文 – Tā fānyì kèwén – U matnni tarjima qiladi – He will translate the text.

他是翻译 – Tā shì fānyì – U tarjimon – He is a translator.

The category of a word - transposition causes difficulties for philology students, and therefore, in the process of improving the foreign language vocabulary of the Chinese language, one should demonstrate by examples how they belong to different grammatical categories.

Conclusion

Thus, we have identified the categories of difficulties encountered by philological students of the Republic of Uzbekistan in the lexical layer of the Chinese language — they are associated with the form of the word, meaning and use. The lexical difficulties of the Chinese language are classified in the following order and are reflected in Table 1:

First group:	Second group:	Third group:
Acoustic graphic difficulties	Difficulties in use	Lexical and grammatical difficulties
Spoken character	Synonyms	Transpositional words
Modulation phenomenon	Homonyms	Counting words
Calligraphy	Homographs	Suffix of plurality
	Vocabulary with matching words with identical feedback components	Unions
	Idioms	Border definition words and phrases in a sentence

Таблица 1. Классификация лексических трудностей китайского языка

Table 1. Classification of lexical difficulties of the Chinese language

Thus, a comparative analysis of the vocabulary of the Chinese and Uzbek languages was made, the most common cases of inter-lingual and intralingual interference were identified when foreign language vocabulary of the Chinese language was assimilated by philology students of universities of the Republic of Uzbekistan. The lexical difficulties arising in the layer of the Chinese language are classified. It is established that they are associated with the form of the word, meaning and use. The first group of acoustic-graphic difficulties includes pronunciation difficulties, the phenomenon of modulation, calligraphy. The second group consists of the difficulties of using synonyms, homonyms, homographs, vocabulary that has paired words with identical feedback components, idiomatic expressions. The third group is represented by lexical and grammatical difficulties: transposition words, countable words, plural suffix, conjunctions, definition of word boundary and word combinations.

Литература/References

1. Akhunzyanov, E.M. (1978). Bilingualism and lexical-semantic interference. Kazan, Ed. Kazan University, 187 p. (In Russian)
2. Bakiev, G.Kh. (1987). Overcoming sound interference in teaching Russian pronunciation to Uzbek students (based on consonantism), Ph.D. thesis, Tashkent, 148 p. (In Russian)
3. Beldiyan, V.M. (1980). Scientific and methodological problems of teaching the phonetics of the modern Russian language, Tashkent, Fan, 171 p. (In Russian)
4. Blazhevich, Yu.S. (2011). Lexical interference in terms of language contact: on the material of the language of Russian emigrants in Portugal, Ph.D. in Philosophy thesis, Belgorod, 267 p.(In Russian)
5. Buranov, J. (1983). Comparative typology of English and Turkic languages: Textbook for pedagogical institutes, Moscow, Vysshaya

- shkola, 267 p. (In Russian)
6. Dzhusupov, M. (2012). Sociolinguistics, linguo-didactics, methods (interconnection and interdependence), Russian language abroad, Moscow, No. 1., S.22-28, (In Russian)
 7. Chinese-Russian dictionary, (2008). Shanghai: Shanghai Institute of Foreign Languages, 1250 p. (In Russian)
 8. Kodirova, K.S. (2008). Overcoming Phonetic Interference in Teaching Arabic in an Uzbek Audience (Based on Consonotism), Ph.D. thesis, Tashkent, 125 p. (In Russian)
 9. Kochergin, I.V. (2000). Essays on the methodology of teaching the Chinese language. Scientific publication, Moscow, Muravey, 160 p. (In Russian)
 10. Li, Shinchun. (2013). Studies on the methodology of teaching Chinese vocabulary to students from ASEAN countries. – Beijing: Publishing House of Social Sciences of the PRC, 263 p. 李仕春. 向东盟十国的对外汉语词汇教学研究。— 北京:中国社会科学出版社, 2013年.– 263页. (In Chinese)
 11. Semenas, A.L. Chinese vocabulary. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2005. – 310 p.
 12. Dictionary of Modern Chinese (2002), Beijing, 1767 p.现代汉语词典。— 北京:商务印书馆, 2002.– 1767页。(In Chinese)
 13. Sternin, I.A. (2006). Contrastive linguistics, Moscow, Vostok-Zapad, 206 p.
 14. Khamatova, A.A. Homonymy in modern Chinese. Training allowance. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2006. – 120 p. (In Russian)
 15. Zh, Yunping. (2003). Comparative grammar of Russian and Chinese, Moscow, Publishing group "Progress", 460 p. (In Russian)
 16. Shatilov, S.F. (1986). Methods of teaching German in high school, Moscow, Education, 223 p. (In Russian)
 17. Yusupov, U.K.(2007). Theoretical Foundations of Comparative Linguistics, Tashkent, 126 p. (In Chinese)
 18. Yang, Jizhou. (2010). Comparison of the use of 1700 words of similar meaning. – Beijing: Publishing House. Peking University of Languages, 1641 p.杨寄洲。1700对近义词与用法对比。—北京:北京语言大学出版社, 2010。— 1641页。(In Chinese)

Информация об авторе

Назарова Сайора Анваровна

Ph. D, доцент, заведующая кафедрой китайской филологии факультета синологии Ташкентского государственного университета востоковедения
Ташкент

Республика Узбекистан

zayidova@gmail.com

Information about the Author

Sayora A. Nazarova

Ph.D, associate Professor, head of Department of Chinese philology, faculty "Sinology". Tashkent State University of Oriental Studies,

Tashkent

Uzbekistan

zayidova@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

**Peculiarities of translation of phraseology on materials
of different-structured languages (on the example of Turkish and Russian)**

**Особенности перевода фразеологии на материалах разноструктурных
языков (на примере турецкого и русского языков)**

Хисматуллина Эльвина Ильшатовна

Казанский федеральный университет,

elvina16-93@mail.ru

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-410-417

АННОТАЦИЯ

Важным компонентом всестороннего освоения любого языка является изучение фразеологизмов, которые передают национально-этнические и исторические особенности народа и языка. Однако при изучении фразеологизмов возникает ряд сложностей с их переводом, особенно это проявляется при переводе фразеологизмов разноструктурных языков. Актуальность выбранной темы определяется необходимостью точного перевода фразеологизмов с сохранением всех важных компонентов, присущих им. Новизной работы можно обозначить то, что вопрос перевода фразеологии разноструктурных языков, какими являются турецкий и русский, на сегодняшний день мало изучен. В ходе исследования при помощи описательного и сравнительно-сопоставительного методов рассматриваются структурные особенности фразеологизмов турецкого и русского языков, а также исследуются способы перевода фразеологизмов на конкретных примерах.

ABSTRACT

An important component of the comprehensive development of any language is the study of phraseological units that convey the national, ethnic and historical characteristics of the people and language. However, when studying phraseological units, a number of difficulties arise with their translation, especially when translating phraseological units of different-structured languages. The relevance of the chosen topic is determined by the need for an accurate translation of phraseological units with the preservation of all important components inherent in them. The novelty of the work can be denoted by the fact that the issue of translation of the phraseology of different-structured languages, such as Turkish and Russian, has been little studied today. In the course of the study, using descriptive and comparative-comparative methods, the structural features of phraseological units of the Turkish and Russian languages are considered, and methods of translating phraseological units are also investigated using specific examples.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, турецкий язык, русский язык, перевод, разноструктурные языки.

Для цитирования: Хисматуллина Э. И. Особенности перевода фразеологии на материалах разноструктурных языков (на примере турецкого и русского языков). Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 410-417.

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью языка любого народа. Фразеологизмы выполняют функцию носителей этнокультурного содержания языка. Именно поэтому освоение фразеологизмов является важным этапом в изучении языка и культуры народа, поскольку во фразеологизмах содержится богатый исторический опыт народа.

Изучение фразеологизмов иностранного языка напрямую связано с их переводом на родной язык. Однако не всегда это сделать просто, в связи с частым отсутствием в языке прямых эквивалентов. Актуальность выбранной тематики исследования обусловлена сложностью верного и точного перевода фразеологических единиц с сохранением эмотивной функции и стилистической окраски.

Целью данного исследования является выявление особенностей при переводе фразеологических единиц разноструктурных языков с турецкого на русский язык.

Теоретико-методологическая база работы включает труды отечественных лингвистов:

Keywords: phraseological unit, Turkish language, Russian language, translation, multi-structural languages.

For citation: Khismatullina El. I. Peculiarities of translation of phraseology on materials of different-structured languages (on the example of Turkish and Russian). Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 410-417.

В.Н.Комиссаров, Н.М.Шанский, В.В.Виноградов, а также труды зарубежных исследователей: О.А. Аксо́я, А. Доганая, Э. Оздемира.

В работе использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы исследования.

СТРУКТУРНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологический оборот — это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре. [Шанский, 1985 С.22]. При переводе фразеологических единиц очень важно сохранить весь его информативный комплекс. Наиболее важные компоненты, которые необходимо сохранить во фразеологизме при переводе выделил В.Н. Комиссаров:

- 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма;
- 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа;

- 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма;
- 4) стилистический компонент значения фразеологизма;
- 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма. [Комиссаров, 1990, С.152].

То есть, переводчик должен не просто верно перевести составные части фразеологизма, а точно передать стилистический, национально-этнический и эмоциональный компоненты.

К особенностям фразеологизмов можно отнести не только их компоненты, но и структуру. Все фразеологизмы турецкого языка О.А. Аксой разделил по структуре на три группы: глагольные, номинативные, коммуникативные [Аксой, 1965, С.120].

- Глагольный фразеологизм — это сочетание, которое состоит не более чем из 3-х слов, а главным словом является глагол: 'yok olmak' — «исчезать, отсутствовать»; 'neden olmak' — «быть причиной чего-либо».
- Номинативный фразеологизм — сочетание, которое называет то или иное явление действительности: 'dar boğaz' — «большие трудности», букв. «узкое горло»; 'hayat adamı' — «приспособленный к жизни человек», букв. «человек жизни».
- Коммуникативный фразеологизм — образное предложение, смысловой глагол которых может изменяться по времени, числам: 'Ah edip eh işitmek' — «постоянно

кричать», букв. «Сказать ах, слышать эх»; 'Atı alan Üsküdar'ı geçti' — «шанса уже нет, уже поздно», букв. «Тот, кто взял лошадь, прошел через Юскюдар».

В свою очередь отечественный лингвист Н.М. Шанский разделил по структуре фразеологизмы русского языка на две группы [Шанский, 1985 С.80]:

- соответствующие предложению: «куры не клюют», «руки не доходят».
- соответствующие сочетанию слов: «встречаться глазами», «с головы до ног».

В первой группе фразеологизмов Н.М. Шанский выделил еще две подгруппы:

- номинативные — фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности: «кот наплакал».
- коммуникативные — фразеологизмы, передающие целые предложения: «Голод не тётка», «Счастливые часов не наблюдают».

Таким образом, в классификации структурных особенностей фразеологизмов турецкого и русского языков выделяются некоторые сходства, что может помочь при их переводе. Однако помимо структурных особенностей во фразеологизмах можно выделить и смысловые особенности. С точки зрения смыслового значения все фразеологизмы были разделены В.В. Виноградовым на три группы:

- 1) фразеологические сращения, или идиомы (неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов);

- 2) фразеологические единства (сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов);
- 3) фразеологические сочетания (устойчивые обороты, в состав которых входят слова со свободным и с фразеологическим связанным значением).

При попытке сопоставления классификации В.В.Виноградова и О.А.Акса, можно выделить, что среди глагольных фразеологизмов турецкого языка чаще всего встречаются фразеологические единства: 'ağzından bal akmak' — «заливаться соловьем», букв. «Изо рта мед капать»; 'osağına düşmek' — «просить о помощи», букв. «упасть в чей-либо очаг». В меньшей степени встречаются фразеологические сращения: 'büyük söylemek' — «хвастаться», букв. «важно / величественно говорить». Еще в меньшей степени встречаются фразеологические сочетания: 'afal afal bakmak' — «смотреть удивленно». В данном фразеологизме 'afal afal' является словом с фразеологическим связанным значением, а 'bakmak' — слово со свободным значением.

Среди номинативных фразеологизмов турецкого языка можно выделить фразеологические единства: 'acemi çaylak' — «неопытный», букв. «Неопытный коршун».

В группе коммуникативных фразеологизмов мы можем выделить фразеологические единства: 'ağız ağıza vermek' — «перешептываться», букв. «давать рот рту»; 'göz kulak olmak' — «заботиться, присматри-

вать», букв. «быть глазами и ушами».

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Исходя из анализа представленных классификаций, можно выделить следующие проблемы и трудности, которые могут возникнуть при переводе фразеологизмов с турецкого языка на русский.

- 1) Разница в грамматическом строе турецкого и русского языков. К примеру, фразеологизм 'umutlarım boşa çıktı' — «надежды мои не сбылись». Здесь видна разница в грамматическом строе фразеологизма. В русском варианте притяжательное местоимение идет после существительного, а глагол стоит в отрицательной форме, хотя в турецком варианте дана положительная форма.
- 2) Разница культур России и Турции, что приводит к тому, что в русском языке бывает очень сложным перевести фразеологизмы с явно выраженным культурным оттенком. Причиной тому служит отсутствие тех или иных явлений, реалий, обычаев в России: 'bir yastığa baş koymak' — «жить в браке, поддерживать друг друга в браке».
- 3) При дословном переводе фразеологизмов возможно найти этот фразеологизм и в переводимом языке. Однако его значение от исходного языка может сильно отличаться: 'başiboş' в турецком языке означает «свободный, вольный». При переводе на русский язык мы получим фразеологизм «пустая голова», что означает «глупый человек».

4) Некоторые фразеологизмы в турецком языке стали настолько устойчивыми, что при дословном переводе на русский язык значение будет совершенно неясным: 'ayağı düşmek', 'kulağına laf girmemek'.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

При рассмотрении фразеологизмов в переводимом языке выделяют эквивалентные соответствия и безэквивалентные фразеологические единицы. Эквивалентное соответствие в переводимом языке обязательно должно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение и иметь такую же стилистическую характеристику [Комиссаров, 1990, С.153]. Можно выделить три основных типа соответствия и способа перевода фразеологических единиц, имеющих эквиваленты в переводимом языке:

1) Первый тип соответствия — наличие образного фразеологизма, совпадающего с фразеологической единицей оригинала, как по прямому, так и по переносному значению [Комиссаров, 1990, С.153]. Это значит, что в переводимом языке имеется аналогичный фразеологический оборот, который основан на том же образе, что и в исходном языке. Такие соответствия обычно обнаруживаются между интернациональными фразеологизмами, которые заимствованы из какого-либо древнего или современного языка. При переводе подобных фразеологизмов происходит

прямой перевод слов без каких-либо изменений:

- Demokles'in kılıcı — Дамоклов меч.
 - Truva atı — Троянский конь.
 - Achilles'in tabanı — Ахиллесова пята.
 - Ne ölü ne diri — Ни жив ни мёртв.
 - Vakit nakittir — Время — деньги.
 - Ateşle oynamak — Играть с огнем.
 - Boğazına kadar işle dolu olmak — У меня работа по горло.
 - Kedi köpek gibi yaşamak — Жить как кошка с собакой.
 - Baştan ayağa — От головы до ног.
 - Aklına gelmek — Прийти на ум.
- 2) Второй тип соответствия заключается в передаче смысла фразеологизма при помощи другого образа. При этом все остальные компонента фразеологизма остаются неизменными. При переводе происходит изменение местоположения членов предложения или подбор синонимичного слова:
- Ters tarafından kalkmak — встать не с той ноги (букв. «встать с противоположной стороны).
 - Arı gibi meşgul olmak — трудолюбивая как пчелка (букв. «работать как пчела»)
 - Ucu ucuna idare etmek — еле сводить концы с концами (букв. «обходиться с конца на конец»)
 - Kafa yormak — ломать голову (букв.

«утомлять голову»)

- Burnu havada olmak — задирать нос (букв. «нос в небе»)

3) Третий тип соответствия — калькирование, при котором в точности переводятся слова и грамматические формы. Однако здесь стоит помнить о том, то калькирование подходит далеко не для всех фразеологизмов. Этот тип соответствия применим лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно прозрачен, и его воспроизведение в переводе позволит понять передаваемое переносное значение [Комиссаров, 1990, С.153]:

- Aralarından su sızdırmak — водой не разольешь.

Безэквивалентная лексика — это единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода. [Комиссаров, 1990, С.246]. Именно к этой группе и относится большинство фразеологизмов. Для перевода безэквивалентных фразеологизмов используются следующие способы перевода (типы соответствия):

1) Лексические замены, или трансформации. В этом типе соответствия применяется трансформационно-семантическая модель перевода, где осуществляется передача значений единиц исходного языка. Путем преобразований происходит переход от единиц исходного языка к единицам переводимого языка, между языками устанавливаются отношения эквивалентности. То есть, переводчик находит фра-

зеологический оборот в переводимом языке, который полностью соответствует исходному языку:

- Kafa çalıştırmak — шевелить мозгами (букв. «заставлять голову работать»)
- Kafaya almak — заговаривать зубы (букв. «взять в голову»)
- Allak bullak etmek — перевернуть вверх ногами (букв. «запутать»)
- Siki fiki olmak — быть в тесной связи (букв. «быть близкими»)
- Deli gibi sevmek — влюбиться по уши (букв. «любить как сумасшедший»)
- Pot kırmak — сесть в калошу (букв. «сломать ошибку»)
- Yüreği ağzına gelmek — душа в пятки ушла (букв. «сердце подошло ко рту»)
- Ağzi süt kokmak - молоко на губах не обсохло (букв. «рот пахнет молоком»)

2) Описание, которое раскрывает значение безэквивалентного фразеологизма при помощи развернутого словосочетания. К этому типу в первую очередь можно отнести фразеологизмы, с выраженным национально-культурным оттенком. То есть, в силу культурных особенностей образуется такой фразеологизм, который понятен только определенному народу. Для перевода фразеологизмов подобного типа переводчику необходимо знать культурные и национальные особенности страны и народа:

- Bir yastığa baş koymak — спать вместе (букв. «положить головы на одну подушку»)
- Baş vurmak — подавать заявление (букв. «ударить голову»)
- Baş tutmak — увенчаться успехом (букв. «держат голову»)
- Nikah tazelemek — снова жениться на том, с кем развелся (букв. «освежить никах»)
- Nikah düşmek — отсутствие на женитьбу / замужество запретов со стороны закона (букв. «упасть никаху»)

При помощи описания можно переводить и все остальные фразеологизмы, которые не поддаются лексическим трансформациям:

- Etekleri zil çalmak — сильно радоваться (букв. «юбка/подол звенит»)
- Ağzı kulaklara varmak — расплываться в улыбке (букв. «рот доходит до ушей»)
- Acemi çaylak — неопытный человек, новичок (букв. «коршун-новичок»)
- Asi çekmek — страдать (букв. «тянуть боль»)
- Başının çaresine bakmak — самостоятельно находить выход из проблемной ситуации (букв. «смотреть на исход головы»)
- Jeton düşmek — в конце концов понять что-либо (букв. «упасть жетону»)
- Kabak tadı vermek — надоест, приесться (букв. «придать вкус кабачка»)

ВЫВОДЫ

В исследовании была предпринята по-

пытка выявления сложностей перевода фразеологизмов с турецкого языка на русский, а также поиск способов их перевода. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- наибольшая сложность при переводе фразеологизмов с турецкого языка на русский возникает из-за разного грамматического строя языков;
- сложность при переводе представляют фразеологизмы с выраженными культурными и национальными особенностями;
- оптимальным способом перевода фразеологизма является поиск образного фразеологизма, совпадающего с фразеологической единицей оригинала. Однако найти точное соответствие очень сложно;
- безэквивалентные фразеологизмы лучше всего переводить при помощи трансформации или описания.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии или лингвистические дисциплины // Виноградов В.В. Труды юбилейной научной сессии. - Л.: ЛГУ, 1993. - 264с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1985. - 160с.

4. Aksoy Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü, 1965.
5. Doğanay, A. (1971), Türkçe Deyimler Sözlüğü, Ankara, Ankara EGE Matbaası.
6. Özdemir, E., Açıklamalı – Örnekli Deyimler Sözlüğü, İstanbul, Remzi Kitabevi, 1981.
7. Türk Dili - Forsnet <http://www.elele.gen.tr>

References

1. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. - M.: Vyssh. shk., [Translation theory (linguistic aspects): textbook for foreigners and the faculty of foreign languages]1990. - 253 s.
2. Shanskii N.M. Frazеologiya sovremennogo russkogo yazyka. - M.: Vysshaya shkola, [Phraseology of the modern Russian language]1985. - 160s.
3. Aksoy Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü, [dictionary of proverbs and phraseological units].
4. Doğanay, A. (1971), Türkçe Deyimler Sözlüğü, Ankara, Ankara EGE Matbaası [dictionary of phraseological units of the Turkish language].
5. Özdemir, E., Açıklamalı – Örnekli Deyimler Sözlüğü, İstanbul, Remzi Kitabevi, [Illustrative Dictionary of Idioms] 1981.
6. Türk Dili – Forsnet <http://www.elele.gen.tr>

Информация об авторе

Хисматуллина Эльвина Ильшатовна

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлёвская, д.18

Россия

elvina16-93@mail.ru

Information about the Author

El'vina I. Khismatullina

Department of Altaic Studies and Sinology

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

elvina16-93@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Some socio-political concepts in the interpretation of confucians and mohists

Некоторые социально-политические концепции в трактовке конфуцианцев и моистов

Тухтаева Екатерина Рустамовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

tuhtaeva99@bk.ru

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-418-429

АННОТАЦИЯ

Моисты были чрезвычайно влиятельными социальными реформаторами, одной из самых известных и уважаемых школ мысли в до-имперском Китае. Они сыграли важную роль в формировании повестки дня ранней китайской философской. Методы, использовавшиеся моистами при обосновании собственных тезисов, по ясности и аргументированности превосходили предшественников. На философской арене основным соперником Мо-цзы был Конфуций. В учениях существует немалое количество схожих идей и взглядов, что обусловлено наличием стремления к изменению ситуации в стране. Однако, особый интерес для научного сообщества представляют различия в методах управления государством, социальной политике и т.д. В данной статье предпринята попытка сопоставить и проанализировать некоторые социально-политические концепции двух философских учений. Выделены и описаны истоки зарождения учений, их социальная база, некоторые основные социальные и экономические принципы их влияние на скорость развития государства. На основе проанализирован-

ABSTRACT

The Mohists were extremely influential social reformers, one of the most famous and respected schools of thought in pre-imperial China. They played a significant part in shaping the early Chinese philosophical agenda. The methods used by the Mohists to substantiate their own theses surpassed their predecessors in clarity and argumentation. In the philosophical arena, Mozi's main rival was Confucius. In the teachings, there are a considerable number of similar ideas and views, which is due to the presence of a desire to change the situation in the country. However, of particular interest to the scientific community are differences in the methods of government administration, social policy, etc. This article attempts to compare and analyze some of the socio-political concepts of the two philosophical doctrines. The sources of the origin of the doctrines, their social base, some basic social and economic principles of their influence on the rate of development of the state are highlighted and described. Based on the analyzed information, a conclusion was made about the nature and reasons for the similarities and differences of some concepts in the teachings of Mo Di and Confucius.

ной информации был сделан вывод о природе и причинах сходств и различий некоторых концепций в учении Мо-цзы и Конфуция.

Ключевые слова: моизм, конфуцианство, цзянь ай, жень, и, ли, цзеюн.

Для цитирования: Тухтаева Е.Р. *Некоторые социально-политические концепции в трактовке конфуцианцев и моистов.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 418-429.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении пяти тысячелетней китайской истории появлялись и исчезали многочисленные философские школы. Среди древнекитайских философских школ, Школа Моистов и Конфуцианская школа известны ожесточенным противостоянием. Однако, несмотря на это, в основе обоих учений присутствует довольно много общих положений. Развиваясь в примерно одинаковых временных рамках и социальных условиях, оба учения заключают в себе идеи о спасении мира, улучшении ситуации в Поднебесной, заостряют особое внимание на пороках общества и государства. Моизм, как учение, зародился немного позже конфуцианства, вобрав в себя некоторые основные концепции, которые были видоизменены и адаптированы под основные цели философского учения. Для глубокого понимания логики становления и развития моистской школы, необходимо отследить его истоки, те общественные вопросы и проблемы, которые стояли перед обществом в то время, решения предложенные современниками Мо Ди, а также его оценку действий власти и аристократии.

Keywords: mohism, confucianism, jian ai, ren, yi, li, jie yong.

For citation: Tukhtaeva E.R. *Some socio-political concepts in the interpretation of Confucians and Mohists.* Modern oriental studies. 2021; 3(3): 418-429.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассуждая о зарождении моизма, как философского течения, стоит отметить несколько базисных отличий в формировании системы взглядов двух школ относительно основных философских, политических и социальных категорий.

Первоначально, социальная основа конфуцианства и моизма имела кардинально разное происхождение. Во время правления Чжоуской династии при ванском дворе в обязательном порядке содержались люди, обладающие компетентностью в военных вопросах и составлявшие основу армии. Однако, после распада феодальной системы знатоки военного дела лишались постов и вынуждены были искать новое место службы. Историк китайской философии Фэн Ю-Лань отмечает, что таких людей называли «ся», или «ю ся» (游侠), что можно перевести как «странствующие рыцари». В «Ши цзи» о них сказано: «Их слова всегда были честными и искренними, а действия — быстрыми и решительными. Они всегда были верны обещанному и, не взирая на себя, бросались

навстречу угрожающей опасности» (гл. 124) [Фэн Ю-Лань, 1998, с. 70–71]. Легкое отношение к смерти, высокие нравственные установки и стремление помогать людям можно назвать основными чертами данного слоя населения в период после распада феодальной системы. Впоследствии, идеи подобного рода легли в основу моистского учения.

Здесь нужно отметить некоторые принципиальные различия этики моистов и странствующих воинов. Во-первых, моисты четко придерживались принципа «отрицание нападений» (非攻 — фэй гун), вступая в боевые действия только в роли обороняющейся стороны. Во-вторых, моистами была разработана доказательная база для свода этических правил странствующего воина, которая заняла особое место в философском трактате «Мо-цзы». С течением времени, произошло своего рода социальное расслоение, результатом которого стало изменение системы набора на должности ученых «жу» (儒) и знатоков военного дела «ся» (俠). Изначально, являясь специалистами при домах знати, «жу» и «ся» принадлежали к высшим слоям общества. Позднее «жу» по-прежнему в основном происходили из высшего или среднего класса, а «ся», напротив, все чаще набирались из низших слоев. [Фэн Ю-Лань, 1998, с. 71].

Анализируя различия двух школ, Бань Гу (32–92 гг.; китайский историограф и поэт, создатель жанра «династических историй») отмечал, что оба учения были связаны с чиновничеством (职官 — чжи гуань), однако, относятся к разным социальным уровням. Так, конфуци-

анским учёным в государственной модели (устройстве) приписывалась роль главного блюстителя нравов (司徒之官 — сы ту чжи гуань), распорядителя по делам культа и просвещения, в обязанности которого также входило советами наставлять государя на путь инь и ян [易帅宇, 2014]. Авторитетная должность подобного масштаба предполагала получение образования, наличие высокого общественного статуса, материальных благ и т.п. Моистам же приписывается титул стража храма предков (清庙之守 — цин мяо чжи шоу), что соотносилось с невысоким положением в обществе. Основной причиной подобного распределения является эпоха, в которую жил ученый. В то время, конфуцианство упрочило свои позиции в обществе, закрыв возможность для последователей моизма получать высокие государственные посты.

Вышеобозначенное сравнение закрепились в историческом сознании, порождая все новые и новые вариации. Например, конфуцианство и моизм уподобляли учениям для правителей и слуг (役夫之道与圣王之道 — И фу чжи дао юй шэн ван чжи дао). Считалось также, что моизм, как система, призван удовлетворять потребности людей ничтожных (小人 — Сяо жэнь), а конфуцианство заключает в себе высокие моральные принципы благородных мужей из высшего сословия (君子 — Цзюнь цзы) и т.д. Таким образом, очевидным является тот факт, что различная социальная направленность является одним из факторов, обуславливающих соперничество двух философских направлений,

призванных защищать интересы двух противопоставленных слоев населения.

Стоит упомянуть о сходствах и различиях моистской концепции «всеобщей любви и взаимной выгоды» и конфуцианской концепции гуманности «жень». Идея «всеобщей любви и взаимной выгоды» была сформирована в качестве альтернативы концепции «жень», где следование ритуалу выступало одним из основных критериев человеколюбия. В конфуцианском миропонимании это сложный комплекс высоких моральных качеств, обладание которыми является необходимым требованием для достижения нравственного совершенства благородного мужа (君子 — Цзюнь цзы). Долгий и кропотливый процесс был направлен на духовное совершенствование отдельного человека. Напротив, в моистском учении концепция «всеобщей любви» является лишь инструментом для достижения цели в отношениях как на государственном, так и на личном уровнях. Цель же обозначена четко — это всеобщая (взаимная) выгода, преобладающая над интересами отдельного индивида. Моистская утилитарность четко прослеживается в концепциях, корни которых уходят в конфуцианские тезисы.

Равным образом, существующий в моизме принцип сыновьей почтительности далеко отстоит от подобного конфуцианского понятия, поскольку и в личных отношениях необходимо было придерживаться принципа обоюдной выгоды. Конфуцианский принцип сыновьей и дочерней почтительности (孝顺 — сяошунь) предполагает почтительное отношение в стар-

шим только своей семье и своего клана. Моисты же утверждают, что рамки данного понятия должны быть расширены, поскольку все члены общества, вне зависимости от социального и материально положения, равны и имеют право получить социальную помощь и поддержку.

Очевидно, что в эпоху борющихся государств «Чжаньго» (с 475 по 221 гг. до н. э.) идеи подобного рода были отвергнуты высшими слоями общества и не получили особого распространения. Объективная оценка идеям моистского учения была дана научным сообществом относительно недавно. После фундаментального труда Сунь Ижана [Sun Yirang, 1968], видный политический и научный деятель конца XIX — начала XX века — Лян Цичао — анализируя сходства и различия понятий «выгоды» (利) и справедливости (义), приходит к выводу о том, что они неизменно преследуют целью благополучие и процветание Поднебесной. Таким образом, после выхода в свет научных работ, посвященных подробному анализу данного вопроса [王桐齡, 1931], [梁启超, 1960], научное сообщество пришло к объективной оценке принципа «всеобщей любви и взаимной выгоды».

Принцип «всеобщей любви и взаимной выгоды» является ядром моистской философии. Такие концепции как «почитание достойных», «почитание единства» и др., восходят к выражению «весь мир — единое целое» (人类 — 体、四海 — 家 — Жэнь лэй и ти, сы хай и цзя). Вот образ будущего мира, в котором соблюден принцип «взаимной любви»:

若使天下兼相愛，國與國不相攻，家與家不相亂，盜賊無有，君臣父子皆能孝慈，若此則天下治。故聖人以治天下為事者，惡得不禁惡而勸愛？故天下兼相愛則治，交1相惡則亂。故子墨子曰：「不可以不勸愛人者，此也。 [Knoblock, Riegel, 2016, p. 152: 15.5.] (Если в мире друг к другу относятся с любовью; государства не нападают друг на друга; семьи не учиняют смуту, то исчезают воры и грабители; император и министры, отцы и сыновья, все следуют принципам сыновней почтительности, исходя из этих принципов, управляют Поднебесной, то наступает мир и гармония. Поэтому как может мудрец, которому поручено управлять империей, не сдерживать ненависть и не поощрять любовь? Таким образом, когда в мире есть всеобщая любовь, он будет упорядоченным, а когда в мире есть взаимная ненависть, он будет беспорядочным. Именно по этой причине Мо-цзы сказал: нельзя не воодушевлять людей относиться к другим с любовью. (перевод мой – Е.Р.))

Отметим, что описываемая ситуация может быть названа прямо противоположной тому, что происходило во времена Чжаньго. Имели место постоянные нападения сильных государств на слабые, могущественные семейные кланы разоряли небольшие семьи и т.д. Таким образом, по мысли Мо Ди, любые бедствия, происходящие в Поднебесной, являются следствием ненависти людей к друг другу. Что же мешает людям относиться к каждому члену общества как к равному? Одной из наиболее весомых причин является иерархическая система, построенная на принципе «выпрямления

имен» (正名). Система предполагает необходимость приведения названий в соответствие с сущностью вещей и явлений. Кратко и емко данную политику описывает цитата Конфуция из «Лунь юй»: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, государь — государем, подданный — подданным» [Переломов, 1998, с.16].

Целью данной системы было сплочение родовой рабовладельческой аристократии, перед лицом нависшей угрозы потери и захвата власти «низшими» людьми — новыми землевладельцами, торговцами и крестьянами; обосновать идеологически привилегированное положение родовой знати, показать ее «право» на знатность и господство, сгладить недовольство низов господством родовой аристократии [Ян Хин-Шун, 1972, с.35]. Для осуществления намеченных задач Конфуций настаивал на неукоснительном соблюдении социальной верхушкой чжоуских ритуалов и основных конфуцианских принципов. Однако, поскольку цель была направлена на сохранение и упрочение привилегированного положения наследственной аристократии, принципы гуманности и человеколюбия были необходимы в первую очередь для регулирования отношений внутри верхушки, и не подразумевали общенародного распространения (какой—либо выгоды для народа).

В условиях усугубления социального неравенства, моисты подвергали критике узкоправленные конфуцианские идеалы. Задавшись целью реализовать на практике принцип всеобщей любви, Мо-цзы и его последователи создают организацию, полностью функционирующую по моистским канонам, подчиненную

единому Наставнику. Каждый вступивший в организацию должен был соблюдать постулаты учения, беспрекословно повиноваться лидеру, терпеть любые страдания, не останавливаться ни перед чем ради исполнения воли Наставника. Примером того, как сам Наставник неукоснительно (безупречно) следует моистскому пути, может быть случай, произошедший в царстве Цинь с великим магистром Фу Тунем (腹綽). В трактате «Весны и осени господина Люя» (Люйши Чуньцю) об этом случае сказано:

Когда наставник моистов Фу Тунь служил в царстве Цинь, его сын убил человека. Циньский царь Хуэй сказал ему: «Вы уже немолоды, а других сыновей у Вас нет. Я дал указание чинам, чтобы его не казнили. Послушайте меня в этом». Фу Тунь ему ответил: «У моистов есть закон, гласящий, что убийцу карают смертью, а нанесшего рану пытаются. Это для того, чтобы помешать убийству и членовредительству. Кто мешает убийствам и членовредительству, исполняет великий долг в Поднебесной. И хотя Вы проявили милосердие и дали указание чинам не казнить его, я, Фу Тунь, не могу не последовать закону Мо-цзы». Он не послушался царя, и сына его казнили. Человек не может не быть пристрастным, когда речь идет о его сыне. Фу Тунь, отвергший свои пристрастия ради следования великому долгу, без сомнения заслуживает, чтобы его называли справедливым [Ткаченко, 2010, с.78].

Безупречная верность выбранному пути — отличительная черта последователей моизма. Отвержение собственных интересов для соблюдения справедливости мера необходимая

ради следования великому долгу. Возможно, именно поэтому, несмотря на то что после смерти Мо-цзы учение было разделено борьбой за власть, оно смогло принести большую пользу социуму и государству.

Управление государством тесно связано с ритуальным церемониалом и музыкой. Отношение моистов к музыке выражено в главах раздела «Отрицание музыки» (非乐 — фэй лэ). В данном разделе Мо-цзы анализирует влияние, которое музыка оказывает на политическую и производственную сферу жизни общества, подчеркивая целесообразность соблюдения принципа «отрицание музыки». Фактически, подтверждая невыгодность проводимой государем политики, Мо-цзы подчеркивает необходимость соблюдения принципа «всеобщей любви». Беседа об «отрицании музыки» начинается с рассказа о деяниях совершенномудрых правителей древности.

古者聖王亦嘗厚措 斂乎萬民，以為舟車，既以成矣，曰：「吾將惡許用之？」曰：「舟用之水，車用之陸，君子息其足焉，小人休其肩背焉。」 [Knoblock, Riegel, 2016, p. 276: 32.2B] (В древности совершенномудрый ван должен был взимать *тяжкие поборы*, чтобы делать лодки и повозки. После того, как они были закончены, народ спросил вана: «Для чего мы можем их использовать?» Ван—мудрец ответил: «Лодки используются на воде, а телеги — на суше, так что мужчины могут дать отдых ногам, а обычные мужчины могут облегчить свои плечи и спины от тяжелой ноши» (перевод мой – Е.Р.)).

Моистский закон (墨者之法 — мо чжэ чжи фа), выполняя функцию морального императива, должен был являться воплощением справедливости и заботы о нуждах и пользе народа. Основываясь на принципе «взаимной любви», принцип отрицания музыки можно охарактеризовать как стремление моистов совершать благонравные поступки, устраняя пагубные последствия безнравственного поведения наследственной аристократии. Одним из основных критериев того, что тот или иной поступок верный, является положительное влияние на общественное производство, на материальное положение низших слоев населения. Музыка и ритуальные церемонии (礼乐 — ли лэ) преследовали целью укрепление патриархально-родовых отношений и ничего общего с выгодой для народа не имели. Однако, более важная причина для критики состояла в том, что увлечение музыкой и правильным проведением многочисленных церемоний неизбежно приводило к огромным материальным затратам, бременем ложившихся на плечи простого народа. Согласно данным некоторых археологических раскопок, масштабы оркестра, выступающего для ванов и чиновников в то время, были довольно большими. Найденные инструменты, например, каменные и бронзовые колокола, были не только огромными по размеру, но и искусно обработанными. В условиях производства того времени, такая тонкая и объемная работа требовала масштабных человеческих и материальных ресурсов [刘曦, 2013, 88页]. Безусловно, вышеуказанный церемониал отнимал много времени у правителя, оказывая влия-

ние на количество и качество исполнения ванных обязанностей, дела управлением государства приходили в запустение.

И здесь мастер Мо предлагает альтернативу институту потомственной аристократии, обычаям и традициям, ограничивающим доступ к высшим должностям для людей из народа, обладающих нравственностью и следующих принципу «всеобщей любви». В главе «Возвышение достойных» (尚賢 — шан сянь) учитель снова обращается за примером к истории:

古者聖王之為政也，言曰：「不義不富，不義不貴，不義不親，不義不近。」是以國之富貴人聞之，皆退而謀曰：「始我所恃者，富貴也，今上舉義不辟貧賤，然則我不可不為義。」逮至遠鄙郊外之臣，國中之眾、四鄙之萌人聞之，皆競為義。是其故何也？曰：上之所以使下者，一物也，下之所以事上者，一術也。則上得要也。 [Knoblock, Riegel, 2016, p. 85: 8.5] (В древности цари— мудрецы установили правило: «Если [человек] не нравственен, то [он] не богат; если не нравственен, то не благороден; если не нравственен, то не родственник правителю; если не нравственен, то не приближен к правителю». Вот почему, когда богатые и знатные люди государства услышали это, они вышли посоветоваться между собой и сказали: «Раньше мы полагались на свое богатство и благородное положение, но теперь наш правитель продвигает добродетельных людей, не заботясь об их происхождении. Учитывая, что это так, мы не можем не стать добродетельными. Итак, вассалы в отдаленных районах, служащие во дворце, народ в столице, крестьяне, живущие в четырех

отдаленных областях, услышав это, все соревновались в добродетели. Зачем они это делали? Мы говорим: начальство имеют исключительный контроль над материальными вещами, с которыми могут работать их подчиненные. Подчиненные имеют исключительный контроль над техническими навыками, с помощью которых они могут служить своему начальству. Основные важные сферы [должны контролироваться] начальством. (перевод мой – Е.Р.)

Анализируя данный отрывок нужно отметить, что изначально инициатива исходит от совершенномудрого правителя. Это он принимает решение о том, что система должна подвергнуться значительным изменениям ради процветания государства. Это говорит о высоком нравственном стандарте, который задается самим главой государства. После определения проблемы, на первый план выходят вопросы кадровой политики. Ведь чем больше добросовестных и благонравных мужей сосредоточено в управленческом аппарате, тем более слаженной и эффективной будет работа, цель которой обеспечение устойчивого развития страны. Итак, управленческая политика вана является стимулом для всех слоев населения, поскольку основана на высоком нравственном идеале.

Подобной логике призывают следовать моисты при проведении государственной кадровой политики. Критерием, определяющим уровень нравственности, является соответствие действий поступкам великих правителей прошлого. В этом контексте часто упоминаются цзиньский Вэнь-гун, чуский Лин-ван и Гоуцзянь, ван царства Юэ. Упоминается, что

их подчиненные старательно пытались копировать ванскую модель поведения и отношения к разным сферам жизни, что и послужило причиной для установления хорошей политической и экономической ситуации в царствах. Достаточно следовать принципам «взаимной любви» для того, чтобы воплотить это на практике. Установленный порядок повлияет на людей, побуждая их любить друг друга от всего сердца. Это, в свою очередь, положительно отразится на производственной деятельности, будет способствовать укреплению государства.

Таким образом, опираясь на идеи о «всеобщей любви и взаимной выгоде», отталкиваясь от интересов низших слоев населения, Мо-цзы и его последователи придают большое значение реальным материальным условиям жизни народа, восставая против концепции «музыка и ритуальные церемонии (礼乐 — ли лэ), имеющим дело только с высокосветской сферой общественной жизни.

Погребальный обряд для высших слоев общества имел особое значение. В конфуцианстве, погребальный обряд и траур по усопшему четко регламентирован и одинаков как для сына Неба, так и для простого люда. Свод правил, регламентирующих ритуальную сферу, а также обрядовые нормы, прописан в трактате «Ли цзи» (礼记 — книга ритуалов). Значительная часть текста посвящена вопросам, связанным с траурными церемониями. Целый ряд глав «Ли цзи» описывает исключительно эту тему: глава 15 «Сан фу сяо цзи» («Малые записи [о] ношении траура»), глава 22 «Сан да цзи» («Основные

записи [о] трауре»), глава 34 «Бэнь сан» («[О] поспешности [возвращения домой для] траура»), глава 35 «Вэнь сан» Расспросы [о] трауре»), глава 36 «Фу вэнь» («[О] вопросах ношения [траура]»), глава 37 «Цзянь чжуань» («Промежуточный комментарий»), глава 38 «Сань нянь вэнь» («Вопросы [о ношении] трехлетнего [траура]»), глава 49 «Сан фу сы чжи» («Четыре установления [по] ношению траура»). Кроме того, и другие разделы текста содержат фрагментарную информацию, дополняющую и развивающую общие представления, связанные с трауром [Кейдун, 2015, с.84].

Моисты оспаривали необходимость наличия настолько сложной, разветвленной системы, поскольку понапрасну использовались ресурсы как отдельной семьи, так и государства. Это, в конечном итоге, шло в разрез с концепцией экономного использования ресурсов ради общегосударственной выгоды. Существование сложного, детально регламентированный порядок ношения траура также подвергалось критике. Существовало пять степеней траура: чжаньцуй, цзыцуй, дагун, сяогун, сыма. Внутри каждой из перечисленных групп тоже существовали некоторые различия, вследствие чего можно говорить о делении видов траура на одиннадцать уровней в зависимости от объекта, в отношении которого осуществлялся траур [Кейдун, 2015, с.85]. Таким образом, траурные церемонии и обряды в буквальном смысле сковывали жизнь носившего траур на период времени от трех лет до нескольких месяцев, оказывая негативное влияние на производственную, политическую и иные сферы жизни общества:

若法若言，行若道，使王公大人行此，則必不能蚤朝，[使士大夫行此，則必不能治] 五官六府。使農夫行此，則必不能蚤出夜入，耕稼樹藝。使百工行此，則必不能修舟車為器皿矣。使婦人行此，則必不能夙興夜寐，紡績織紵。

[Knoblock, Riegel, 2016, p. 206: 25.4B] (Если применять этот [траурный] церемониал на практике, то ваны и все высокопоставленные люди не смогут более участвовать в управлении делами государства; земледельцы не смогут весь день проводить на пашне, ремесленники не смогут весь день чинить лодки и повозки, мастера не смогут весь день изготавливать различную утварь; женщины не смогут ткать одежду от заката до рассвета. (перевод мой – Е.Р.))

Выдвинутый моистами постулат об умеренности при похоронах получил широкую общественную поддержку в ранний период династии Хань. Одним из основоположников системы, поощряющей скромные похороны, был император Хань Вэнь-ди (202–157 до н.э., четвертый император династии Хань; личное имя Лю Хэн 刘恒). Однако, уже в эпоху династии Восточная Хань (25–220 гг.) среди конфуцианских ученых возникла дискуссия, посвященная данному вопросу. Несоблюдение ритуала, отступление от чжоуских традиций находило негативный отклик в образованных кругах общества. Более того, для получения возможности добродетельного управления государством 德政, необходимо было чтобы народ владел знанием о ритуале, этикете и музыке. Поэтому, понятия, заключавшие в себе необходимость

в отказе от ритуала, были решительно отвергнуты конфуцианскими учеными мужами. Видные философы от Сюнь-цзы (ок. 313—215 до н. э.) до Лян Цичао отрицательно относились к концепту, направленному против увеселений. К примеру, Лян Цичао полагал, что «фей лэ» является очевидным недостатком моистского учения. Однако, были и те, кто занимал неопределенную позицию. Такие ученые, как Ху Ши (1891–1962 гг., китайский литератор, философ, политический деятель) и Ван Тун-лин (1878—1953 гг., китайский историк, автор «Истории китайской нации» 1928 г.) придерживались мнения о том, что в данной теории есть и рациональное зерно, и недочеты.

ВЫВОДЫ

Внедрение моистской концепции «всеобщей любви и взаимной выгоды» и ее осуществление на государственном уровне подразумевало не только стабильное общественное развитие, но и в полном смысле слова великое возрождение китайской нации. На первый план выдвигалось воспитание высоких моральных качеств у народа, чиновников и правителя. В понимании моистов, нравственность должна была стать общедоступной.

Актуальны ли отдельные положения моистского учения сегодня? В условиях стремительного экономического роста и возрастающему интересу к западной культуре китайские традиционные ценности подвергаются пересмотру, что порождает конфликт в системе моральных норм *молодого поколения*. Поэтому актуальность обретает философия моизма, направленная в первую очередь на установление в обществе

золотого нравственного стандарта «視人之身若視其身» [Knoblock, Riegel, 2016, p.150: 15.3] (поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступили с вами), а также на установление и поддержание тенденции, направленной на непрерывное всестороннее развитие. Искренность и верность собственному слову с древних времен считались моральным императивом для общества, по крайней мере, для высших его слоев. Однако, в наши дни наблюдается процесс качественного изменения ценностных ориентаций, что в долгосрочной перспективе может оказывать влияние на скорость общественного прогресса. С точки зрения построения гармоничного общества, моистские концепции не потеряли своей актуальности в XXI веке.

Защита окружающей среды — особенно острая тема в современном информационном пространстве. Планы по устойчивому развитию обязательно включают в себя меры по охране окружающей среды. Универсальная в применении концепция «всеобщей любви» конкретизируется, превращаясь в «умеренное использование» “节用”, когда речь идет о сохранении ресурсов планеты. Подобную цель носит и политика партии КНР. Например, показательным является лозунг 浪费可耻, 节约为荣 (Расточительство постыдно, умеренность почетна). Лозунг был озвучен Си Цзиньпином в августе 2020 года. Генеральный секретарь ЦК подчеркнул, что нужно усилить законодательство в сфере контроля и регулирования, предпринимать эффективные меры для создания долгосрочного механизма, который был бы

направлен на решительное сдерживание расточительного расходования продовольствия. Вместе с тем, необходимо за счет пропаганды и просвещения, культивировать привычку к экономии и умеренности в потреблении, создать в обществе атмосферу порицания излишних расходов, а также создать в обществе атмосферу, возводящую экономность в ранг добродетели [11]. Поддерживая инициативу председателя Си, газета «Жэньминь жибао» учредила новый постоянный раздел, призванный информировать население о ситуации на фронтах борьбы за экономию и бережливость. Как видно из примера, политическая позиция председателя Си соотносится с отношением моистского учения к транжирству и расточительству. Таким образом, различная социальная направленность является одним из факторов, обуславливающих соперничество двух философских направлений, призванных защищать интересы двух противоположных слоев населения. Этот фактор предопределил различия и сходства двух философских школ. Несмотря на серьезные отличия от конфуцианского морально-этического корпуса, использование отдельных частей моистского учения может обеспечить практическую выгоду современному обществу.

Литература

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. / [сост. Ян Хин-Шун; вступит. ст. В. Г. Бурова и М. Л. Титаренко]. – М.: Мысль, Т. 1. - 1972. – 361 с.
2. Кейдун И. Б. Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи») // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2015. №4. С. 84.
3. Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя). Пер. Г. А. Ткаченко. Сост. И.В.Ушакова. – М.:Мысль, 2010. 525 с.
4. Переломов Л. С. Конфуций: "Лунь Юй". Ин-т Дал. Востока. – М.: "Вост. лит." РАН, 1998. – 588 с.
5. Фэн Ю-Лань. Краткая история китайской философии. пер. с англ.: Котенко Р. В. - Санкт-Петербург: Евразия, 1998. - 373 с.
6. Knoblock J. Riegel J. Mozi: A Study and Translation of the Ethical and Political Writings. Institute of East Asian Studies, China Monograph Series 68, Berkeley, 2016.
7. Sun Yirang. Mozi xian gu. Taiwan shang wu yin shu guan, 1968.
8. 王桐齡. 儒墨之異同. 上海書店; 1931; 梁启超, 墨经校释, 台北: 中华书局, 1960.
9. 易帅宇. "墨子兼爱思想的理论内涵对当代社会发展的价值." 青年时代 10 (2014): 24-24.
10. 刘曦. "墨子兼爱思想与非乐论." 名作欣赏: 中旬 6 (2013): 87-89.
11. Создадим в обществе ситуацию, когда расточительство постыдно, а умеренность почетна. (人民日报评论员: 在全社会营造浪费可耻节约为荣的氛围). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0813/c64094-31820386.html>, свободный. Проверено: 09.12.2020.

References

1. Drevnekitajskaya filosofiya. Sobranie tekstov v dvuh tomah. / [sost. YAn Hin-SHun; vstupit. st. V. G. Burova i M. L. Titarenko]. – M.: Mysl', T. 1. - 1972. – 361 s.
2. Kejdun I. B. Poryadok nosheniya traura v kanonicheskikh ustanovleniyah konfucianstva (po materialam traktata «Li czi») // Vestnik SPbGU. Vostokovedenie. Afrikanistika. 2015. №4. S. 84.
3. Lyujshi CHun'cyu (Vesny i oseni gospodina Lyuya). Per. G. A. Tkachenko. Sost. I.V.Ushakova. – M.:Mysl', 2010. 525 s.
4. Perelomov L. S. Konfucij: "Lun' YUj". In-t Dal. Vostoka. – M.: "Vost. lit." RAN, 1998. – 588 s.
5. Fen YU-Lan'. Kratkaya istoriya kitajskoj filosofii. per. s angl.: Kotenko R. V. - Sankt-Peterburg: Evraziya, 1998. - 373 s.
6. Knoblock J. Riegel J. Mozi: A Study and Translation of the Ethical and Political Writings. Institute of East Asian Studies, China Monograph Series 68, Berkeley, 2016.
7. Sun Yirang. Mozi xian gu. Taiwan shang wu yin shu guan, 1968.
8. 王桐齡. 儒墨之異同. 上海書店; 1931; 梁启超, 墨经校释, 台北: 中华书局, 1960.
9. 易帅宇. "墨子兼爱思想的理论内涵对当代社会发展的价值." 青年时代 10 (2014): 24-24.
10. 刘曦. "墨子兼爱思想与非乐论." 名作欣赏: 中旬 6 (2013): 87-89.
11. Sozdadim v obshchestve situaciyu, kogda rastochitel'stvo postydno, a umerennost' pochetna. (人民日报评论员: 在全社会营造浪费可耻节约为荣的氛围). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0813/c64094-31820386.html>, svobodnyj. Provereno: 09.12.2020.

Информация об авторе

Тухтаева Екатерина Рустамовна

Институт международных отношений Казанского федерального университета
420015, Казань, ул. Пушкина, 1
Россия
tuhtaeva99@bk.ru

Information about the Author

Ekaterina R. Tukhtaeva

Institute of International Relations, Kazan Federal University 420015, Kazan, Pushkin str., 1 Russia
tuhtaeva99@bk.ru

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

“Musubi” and “hi” as categories of Japanese animatism**«Мусуби» и «хи» как категории японского аниматизма***Сорокина Екатерина Сергеевна**г. Иркутск**shamaona@yandex.ru**DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439***АННОТАЦИЯ**

Данная статья посвящена исследованию «мусуби» и «хи» как категорий аниматизма, на основании сходства данных категорий с концепциями силы мана и тама, которые представляют собой некую духовную энергию. Автор полагает, что, поскольку мусуби и хи имеют похожие свойства, их можно причислить к категориям аниматизма, то есть веры древних японцев в духовную силу, пронизывающую все сущее. Данная форма верований имеет важное значения для японской культуры, так как оказала значительное влияние на становление религии синто, которую можно назвать развитой формой анимизма. В статье проводится анализ иероглифов, используемых для написания слов «мусуби» и «хи», чтобы определить смысл, вложенный в эти слова древними японцами. Для того, чтобы раскрыть свойства, приписываемые энергии мусуби, в статье также рассматриваются образы божеств мусуби. Рассматриваются варианты космологии мусуби с точки зрения японских исследователей. Исследуется понятие хи, как формы древнего синтоизма, представляющей веру в безличную одушевлен-

ABSTRACT

The article is devoted to the study of “musubi” and “hi” as animatistic categories and based on the similarity of these categories with the concepts of mana and tama power which are some kind of spiritual energy. The author believes that since musubi and hi have similar properties they can be classified as animatism, the belief of the ancient Japanese in spiritual power penetrate all things. This form of beliefs is important for Japanese culture as it had a significant impact on the formation of the Shinto religion which can be called a developed form of animism. The article analyzes the hieroglyphs used to write the words “musubi” and “hi” to determine in what spirit ancient Japanese understood these words. The article also considers mental images of Musubi deities to find out the properties attributed to the musubi energy. Variants of musubi cosmology from the point of view of Japanese researchers are considered. The concept of hi as a form of ancient Shinto representing belief in the impersonal ensoulment of nature is researched. The analysis of the concepts of “musubi/musuhi” and “hi” reveal their relationship with Polynesian mana and Japanese

ность природы. На основании проведенного анализа понятий «мусуби/мусухи» и «хи», выявляется их родство с полинезийской мана и японской силой тама, которые являются общепринятыми аниматическими категориями.

Ключевые слова: анимизм, аниматизм, синтоизм, мусуби, хи.

Для цитирования: Сорокина Е.С. «Мусуби» и «хи» как категории японского аниматизма. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 430-439.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционная религия японцев — синтоизм (яп. 神道 *синто:*) — основана на поклонении силам природы. В представлении японцев природа и её части обладают душой. Все природные объекты и явления воспринимаются как живые существа. Душа присутствует во всем, не только в людях, животных или растениях, но и в камнях, скалах, горах и даже в рукотворных предметах. Наиболее необычные явления и объекты считаются более одухотворенными и становятся объектами поклонения, обретая статус божеств — ками (яп. 神). Иными словами, синто представляет собой разновидность анимизма [URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b05213/>].

Английский исследователь Эдвард Тайлор понимал анимизм — веру в существование души и духов — как начальную стадию религии. Но в дальнейшем многие исследователи пришли к выводу, что, поскольку представления о душе и духах слишком абстрактны для мышления древних людей, эпохе анимизма должны были предшествовать иные формы верований. Так, Роберт Маретт в 1900 г. выдвинул

tama which are accepted animatistic categories.

Keywords: animism, animatism, Shinto, musubi, hi.

For citation: Sorokina E.S. "Musubi" and "hi" as categories of Japanese animatism. *Modern Oriental Studies*. 2021; 3(3): 430-439.

нул теорию, что древнейшей формой верований был аниматизм — вера в сверхъестественную безличную силу, наподобие полинезийской мана. Однако многие исследователи сходятся на том, что теория Маретта не верна, поскольку, так же, как и анимизм предполагает определенный уровень абстрактного мышления, которого не было у древнего человека. Кроме того, не всем народам знакома концепция духовной силы-мана [URL: <https://www.litmir.me/br/?b=96664&p=1>]. В то же время нельзя отрицать, что аниматизм, как одна из форм религии, имеет место быть, и в системах верований многих народов есть понятия, подобные мана. В частности, такие представления являются частью японского синтоизма.

Японские исследователи полагают, что в древности в Японии существовала вера в силу тама, которая по характеристикам схожа с мана. В древности тама, как и мана, представляла собой мистическую силу, которая присутствовала во всем, в большей или меньшей степени. В дальнейшем у термина «тама» появилось значение «душа, дух», можно сказать, что вера в силу тама развилась и перешла в анимизм. В древности мистическая сила тама обладала

характеристиками, позволяющими сравнить её с мана. Так, тама имела свойство накапливаться, кроме того её можно было передавать другим, например, государи, которые обладали тама в большей степени, могли передавать её своим подданным. Подобные свойства сближают понятие «тама» с мана [URL: <http://www.heiho.ru/index.php?id=45>]. Но некоторые исследователи выделяют и другие концепции манических сил. Например, есть теория о связи полинезийской мана с японским термином «моно» в значении духовной силы [井原奉明, 2012, С. 86]. Некоторые сравнивают с мана понятие «ками». В качестве креативной жизненной силы мана родственна японскому термину «мусуби» (яп. 産霊, также читается «мусухи»), который напрямую связан с «хи» (яп. 霊, 日, 火) — духовной силой. В данной статье мы рассмотрим именно мусуби и хи как категории, родственные мана и, по нашему мнению, являющиеся важными аспектами японского аниматизма.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методов исследования автор использует анализ, в том числе анализ литературы по теме и лингвистический анализ, а также метод синтеза. В статье также используется описательный метод. Метод дедукции позволяет рассмотреть мусуби и хи как проявления более общей формы верований — аниматизма. Метод сравнения позволяет исследовать мусуби и хи как категории, родственные силе тама и полинезийской мана.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Хотя существует несколько способов записи слова «мусуби/мусухи», чаще всего можно

встретить запись этого термина двумя иероглифами — 産 мусу и 霊 хи. Иероглиф 産 мусу имеет значения «рожать, порождать», «производить», «расти». Что касается иероглифа 霊 хи, который обычно читается как «тама» или «рэй» (также встречается чтение «ти»), то он обычно переводится как «душа, дух», и используется в самых разных значениях. Во-первых, этот иероглиф обозначает душу, существующую независимо от тела, как в выражении 祖先の霊を祭る *сосэн но рэй о мацуру* «поклоняться душам предков», или душу умершего человека, как в словах 幽霊 *ю:рэй* «призрак» или 怨霊 *онрё:* «мстительный дух». Во-вторых, он также означает душу как духовную субстанцию, находящуюся в теле и управляющую его деятельностью, как в сочетаниях 霊肉 *рэйнику* «душа и тело» или 全身全霊 *дзэнсиндзэнрэй* «душой и телом». Также 霊 тама/рэй может обозначать нечто чудесное, невидимое и непостижимое для человеческого ума, например, 霊験 *рэйгэн* «чудо, чудотворное действие», 霊妙 *рэймё:* «чудесный, удивительный», 霊峰 *рэйхо:* «священная гора» и т.д. Значение 霊 тама/рэй как духовного начала прослеживается в словах 神霊 *синрэй* «дух, божество» или 山霊 *санрэй* «божество горы» и 精霊 *сэйрэй* «дух» (в отношении духа всего сущего, духа покойного или духов гор, лесов и т.д.). При чтении «хи» иероглиф 霊 тама/рэй означает некую могущественную силу, энергию жизни. В древней Японии считали, что жизненная сила заключена в солнечном свете, возможно, именно поэтому и возникло чтение «хи», от омонимичного 日 хи «солнце» [URL: <http://www.heiho.ru/>]

index.php?id=45]. То есть буквально «мусуби/мусухи» можно перевести как «порождающий дух».

Впервые концепт мусуби как порождающей энергии вычленил Мотоори Норинага в своей работе «Предание Кодзики» (яп. 古事記伝 *кодзикидэн*), которую он завершил в 1798 г. Он писал, что мусухи – это чудесная сила, порождающая всё [堀川真希, 2009, С. 220]. В составленном в 712 г. сборнике «Кодзики» (яп. 古事記 букв. «Записи о деяниях древности»), который исследовал Норинага, концепция «мусуби» проявляется в именах богов Такамимусуби-но ками (яп. 高御産巢日神 «Бог Высокого Священного Творения») и Камимусуби-но ками (яп. 神産巢日神 «Бог Божественного Творения»). Согласно «Кодзики», Такамимусуби-но ками и Камимусуби-но ками являются одними из самых первых божеств, которые появились сами по себе, после того, как в мир явился Амэ-но-минака-нуси-но ками (яп. 天之御中主神 «Бог-Правитель Священного Центра Небес»). Таким образом, Такамимусуби-но ками и Камимусуби-но ками играют важную роль в зарождении мира [URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Kodziki_2/frametext.htm]. В дальнейшем эти божества также принимают участие в событиях, описываемых в «Кодзики» и других сводах, включая сборник «Нихон Сёки» (яп. 日本書紀 букв. «Японская летопись»), составленный в 720 г.

В различных источниках имена Такамимусуби-но ками и Камимусуби-но ками записываются по-разному. Так, 高御産巢日神 *Такамимусуби-но ками* (в «Кодзики» еще одним его

именем является Такаки-но ками (яп. 高木神), «Бог Высоких Деревьев») также записывается 高御産日神/高皇産靈神, кроме того, в «Нихон Сёки» данное божество зовется Такамимусуби-но микото (яп. 高皇産靈尊). 神産巢日神 *Камимусуби-но ками* также имеет варианты записи 神産日神/神皇産靈神, а в «Нихон Сёки» и других источниках также упоминается как Камимусуби-но микото (яп. 神皇産靈尊, 神魂命).

Как мы можем видеть выше, слово «мусуби» в именах данных богов записывается различными способами. Мусухи в написании 産靈/産魂 можно перевести как «порождающий дух». Что касается написания 産巢日/産日, то иероглиф 巢 су означает «гнездо», а 日 хи имеет значения «солнце», «день». Данный способ написания является, скорее фонетическим, а не смысловым. Однако есть мнение, что 産 му/мусу – это жизненная сила, 巢 су — дерево, в котором находится божество, а 日 хи — божество солнца, так как Такамимусуби и Камимусуби могли играть роль солярных божеств до того, как передали эту функцию богине Аматаэрасу (яп. 天照大神 *аматэрасу ооками*). Кроме того, написание «хи» иероглифом «солнце» скорее всего, связано с вышеупомянутой верой японцев в жизненную силу, заключенную в солнечном свете — 靈 хи [堀川真希, 2009, С. 215].

Есть вариант и написания «мусуби» одним только иероглифом — 魂 «душа», который обычно читается *тама/тамасиу/кон*. Данный иероглиф близок по значению к 靈 *тама/рэй/*

хи, в некоторых случаях эти иероглифы взаимозаменяемы. Иероглиф 魂 тама/тамасиу/кон означает душу, которая «отлетает», покидает тело человека после смерти. Изначально данный иероглиф обозначал «верхнюю» душу, которая представляет начало ян и после смерти уходит на небо. Она противопоставлялась «нижней» душе 魄 тама/хаку, представляющей начало инь и остающейся в земле. 魂 тама обозначало источник жизни всего сущего. В целом, у 魂 тама есть значения «мана», «энергия» — таким образом, оно может выступать в качестве синонима «мусухи». Кроме того, запись форманта «мусуби» иероглифом 魂 тама/кон дает основание полагать, что понятие мусуби появилось раньше тама [URL: <http://www.heiho.ru/index.php?id=45>].

Кроме Такамимусуби и Камимусуби в японских текстах встречаются и другие божества мусуби. Считается, что божества мусуби связаны с рождением и плодородием, а также способны наделять душой, жизненной силой. К таким божествам, например, относится Вакумусуби (яп. 和久産巢日神 *вакумусуби но ками*, 稚産霊 *вакумусуби* «Молодой Бог Творящих Сил»), божество, из головы которого произошли шелковичные черви и тутовые деревья, а из его пупка произошли пять видов злаков. Согласно «Нихон Сёки», Вакумусуби был порожден божествами Кагуцути (яп. 加具土), богом огня, и Ханьяма-химэ (яп. 埴山姫), божеством земли. Существует версия, что рожденный в браке божеств земли и огня Вакумусуби отражает стадию подсечно-огневого земледелия [URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/

frametext1.htm]. По версии «Кодзики», Вакумусуби был порожден богиней Идзанами (яп. 伊弉冉, 伊邪那美, 伊邪那美, 伊弉弥) во время её болезни.

Божество огня, Кагуцути, в некоторых источниках зовется Хомусуби (яп. 火産靈 букв. «порождающий дух огня») [URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/780-800/Norito_Semme/pred1.phtml?id=11413].

Когда бог Идзанаги (яп. 伊弉諾, 伊邪那岐, 伊邪那岐) убивает Кагуцути, из тела последнего рождается множество богов. Таким образом, даже умерев сам, Хомусуби порождает жизнь, что позволяет причислить его к божествам мусуби.

В число божеств-покровителей императорского рода входят пять божеств мусуби — это вышеупомянутые Такамимусуби-но ками и Камимусуби-но ками, а также еще три божества - Тарумусуби-но ками (яп. 足産日神), Икумусуби-но ками (яп. 生産日神) и Тамацумэму-суби-но ками (яп. 玉積産日神). Икумусуби можно перевести как «живой порождающий дух». Имя Тарумусуби связано с глаголом 足る тару «быть достаточным, хватать». Что касается Тамацумэму-суби, чье имя также пишется 魂留産霊 *тамацумэ (таматомэ)*, значение его имени связано с выражением 魂を体に留める *тама о карада ни томэру* «удержать душу в теле», что отсылает нас к ритуалу удержания души в теле, тинкон (яп. 鎮魂). Согласно японским верованиям, душа человека иногда может отделиться от тела, поэтому её необходимо привязывать. Здесь возникает вопрос — как связано мусуби и удержание души? Дело в том, что мусуби как понятие порождающей силы (産霊) омонимично

другому слову — 結び *мусуби*, 2-й основе глагола 結ぶ *мусубу* «связывать, соединять». 結び *мусуби* как «связывание» являет собой концепцию удержания и усмирения души. Некоторые исследователи, в том числе Оригути Синобу, считают, что имена божеств *мусуби* отражают различные ритуалы по «удержанию души» (например, обрядом по удержанию души считалось завязывание подола одежды) [URL: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=rohanskiy-ls&book=1988&page=34>]. Сложно сказать, являются ли «порождающая сила» 産霊 *мусуби* и 結び *мусуби* «связывание» частями единого комплекса *мусуби*. Возможно, изначально это были две отдельные системы представлений.

Исследователь Хирата Ацутанэ уделял большое внимание концепту *мусуби* (и как 産霊 «порождающей силе», и как 結び «соединению»), рассматривая его как порождающую силу, реализуемую в соединении мужского и женского начал. Он подчеркивал, что Идзанаги и Идзанами породили японские острова и божеств в результате совокупления-*мусуби*. По его мнению, энергия *мусуби* находит повседневное воплощение в крестьянском труде, который производит всё необходимое для жизни. Хирата придавал большое значение крестьянскому труду, считая его актом творения, продолжением деяний божеств [Накорчевский, 2012, С. 173].

Сато Нобухиро, как и Хирата Ацутанэ, видел в *мусуби* соединение мужского и женского начал, которые присутствуют даже у растений. Он акцентировал внимание на сексуальном витализме *мусуби*. Мужское, небесно-огненное начало и женское, земельно-водное начало вле-

кутся друг к другу, продолжая и преумножая жизнь. Например, растения прорастают в матери-земле, получая животворный огонь от отца — Солнца. Поэтому понимание принципов *мусуби* так важно для сельского хозяйства [Накорчевский, 2012, С. 181].

Во многом переняв идеи Хираты, Сато Нобухиро систематизировал и развил их, создав единую теорию. С его точки зрения, Амэ-номинака-нуси-но ками является создателем Вселенной и находится за её пределами, а явившись вслед за ним Такаимусуби-но ками и Камимусуби-но ками структурировали первоначальное хаотичное содержимое мира. По мнению Сато, космос был структурирован так же, как Идзанаги и Идзанами родили острова. В начале в пустоте было некое первовещество, не имевшее формы. Затем *мусуби-но ками* воткнул в это нечто копьё и завертел его, отделив всё грязное и тяжелое от чистого и легкого. Грязное и тяжелое, отлетев в даль, стало небесными телами, а то чистое, что осталось в центре, стало Солнцем, освещающим космос. Это вращение первоматерии, возникшее в результате действий *мусуби-но ками*, Сато назвал «исходным движением *мусуби*». Происходит это исходное движение по определенным законам, которых всего пять: 1) закон порождения через отделение; 2) закон кругового вращения; 3) закон движения; 4) закон продвижения скорости и 5) закон подобия формы. Соответственно, согласно этим законам:

1) от первовещества отделяется грязное и тяжелое, которое отлетает в даль;

2) всё, что отделилось, продолжает вечно вращаться вокруг того, от чего оно отделилось;

3) движение отделенного происходит с запада на восток;

4) ближе к центру скорость вращения отделившегося выше, чем на дальних орбитах;

5) отделившееся по форме подобно тому, от чего оно отделилось.

Таким образом, Сато Нобухиро объяснял исходным движением мусуби вращение Солнца и небесных тел вокруг своей оси и по орбите. Он считал также, что вращение Земли и других планет вокруг Солнца обусловлено «производным движением» [Накорчевский, 2012, С. 177].

По мнению исследователя Маруяма Ма-сао, в «Кодзики» божества мусухи представляют собой энергию, что движет миром. Маруяма полагал, что в мировой мифологии существует три типа мифологического творения: 成る *нару* «становиться, появляться», 産む *уму* «рожать» и 造る *цукуру* «создавать». Глаголы 産む *уму* и 造る *цукуру* указывают на то, что конкретное божество породило (или создало) кого-то еще. Глагол же 成る *нару* подразумевает, что этот кто-то появился сам по себе. Японскую мифологию Маруяма отнес именно к третьему типу. Маруяма проанализировал глаголы, употребляемые составителями «Кодзики» и обнаружил, что 成る *нару* часто встречается в текстах, касающихся рождения богов. Так, например, первые божества, включая Амэ-но-минака-нуси-но ками, Такаимусуби-но ками и Камимусуби-но ками, появились сами по себе. Также сама по себе явилась и божественная пара Идзанаги и Идзанами, которые затем порождают японские острова и других богов. Маруяма в своих исследованиях

выводит проблему «самостоятельности» рождения. По его мнению, «появление» (成る *нару*) также происходит не само по себе, появление кого-то или чего-то в мире происходит под влиянием некой силы. Эта сила — и есть мусухи, жизненная энергия [阿部裕行, 2012, С. 125].

Современный японский исследователь, Арая Такаси, сравнивает Такаимусуби-но ками и Камимусуби-но ками с движением энергии во Вселенной. По его мнению, появление первых трех богов — Амэ-но-минака-нуси-но ками, Такаимусуби-но ками и Камимусуби-но ками схоже с моделью Большого взрыва, зарождения Вселенной и последующего её расширения и сжатия. Такаимусуби-но ками — это расширение энергии, а Камимусуби-но ками — её сжатие. Что касается Амэ-но-минака-нуси-но ками, то данное божество является неким центром, к которому и стремится энергия. С этой точки зрения, мусухи является энергией, из которой состоит всё [URL: https://www.isbaweb.org/wp-content/uploads/2015/08/I_S_B_A_2015_資料「中心と循環と産霊」.pdf].

Итак, что представляет собой мусуби, учитывая всё вышенаписанное. Во-первых, мусуби — энергия творения и плодородия, которая, в частности, важна для сельского хозяйства, но не ограничивается только им. Во-вторых, из-за омонимического родства с «мусубу», мусуби может рассматриваться как обряд по связыванию души, также есть трактовка мусуби как соединения мужского и женского начал. В-третьих, мусуби является энергией, которая движет этим миром, жизненной силой.

При расшифровке слова «мусухи/мусуби» (яп. 産霊, 産巢日, 産日, 産魂, 魂), частью

которого является «хи» (яп. 霊, 日), многие исследователи, в их числе Мотоори Норинага, трактуют «хи» как некую духовную силу. Также есть толкование «хи» как харизмы японского правителя, которая воспринималась как магическая сила царского рода, обеспечивающая единство народа и правителя. В такой трактовке хи была силой первопредка царского рода — богини солнца Аматэрасу, что также отсылает нас к связи хи с солнечным светом, ведь как видно из вариантов написания слова «мусуби», «хи» обычно записывается иероглифами 日 хи «солнце» или 霊 хи «душа». Есть также вариант записи иероглифом 火 хи — «огонь, свет», который, скорее всего, используется по аналогии с 日 хи «солнце». Однако чаще всего «хи» записывается именно иероглифом 霊 тама/рэй/хи. С понятием духовной силы хи связывают этимологию слов, 彦 хико «мужчина, мальчик» (от 霊 хи «дух» и 子 ко «ребенок») и 姫 химэ «девушка» (от 霊 хи «дух» и 女 мэ «женщина») — в древности так могли называть людей, которые считались одаренными силой хи, энергией жизни [URL: <https://www.isbaweb.org/wp-content/uploads/2015/08/ISBA2015資料「中心と循環と産霊」.pdf>].

Некоторые исследователи, например, Тоя Манабу, выделяют хи как одну из четырех форм изначальных верований японцев, которые легли в основу синто — каннаби (яп. 神奈備), ивакура (яп. 磐座, 岩倉, 岩鞍), химороги (яп. 神籬) и хи. Первые три направления можно описать как ёрисиро (яп. 依り代), т.е. объекты, которые считаются местом пребывания божеств. Так, каннаби — это поклонение особо

примечательным горам, в которых пребывают божества, ивакура — поклонение скалам, а химороги — поклонение лесам и рощам, а также огромным деревьям, в которых живут ками. Однако хи, как пишет Тоя Манабу, отличается от трех вышеназванных направлений, поскольку находится немного в другом измерении. Тоя Манабу описывает хи как принцип, который обозначает порождающую и развивающую божественную силу [URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b05213/>].

Таким образом, сила хи представляет собой жизненную энергию, духовную силу, которая присутствует во всем, а также в большом количестве содержится в солнечном свете. Кроме того, хи как направление древнего синтоизма, возможно, является основополагающим для трех других направлений — каннаби, химороги и ивакура — поскольку данные направления относятся к анимизму, так как подразумевают наличие природных духов. В свою очередь, хи, как аниматическая категория, представляет собой одушевленность природы в целом, веру в мистическую жизненную силу.

ВЫВОДЫ

Варианты записи терминов «мусухи/мусуби» и «хи», в которых используются иероглифы 霊 тама/рэй/хи и 魂 тама/кон, позволяют предположить о наличии прямой связи мусуби и хи с понятием тама, которое также записывается данными иероглифами. Не стоит забывать о способе записи «мусуби» иероглифом 魂 тама/кон и вероятности того, что мусуби появилось еще до понятия тама. Также очевидна взаимосвязь хи и тама — ведь «хи» является лишь одним из вариантов чтения иероглифа 霊 тама/рэй/хи. В то же время, у мусуби и хи есть нюансы, отличающие их от тама. Например, значение мусуби

не как жизненной силы, но именно энергии творения. Или использование термина хи в более узком смысле, в значении харизмы правителя. Тем не менее, и порождающая энергия мусухи, и жизненная сила хи обладают характеристиками, позволяющими сравнивать их с тама и мана.

Поскольку японская сила тама и полинезийская мана являются общепринятыми категориями аниматизма, то мусуби и хи также можно считать аниматическими категориями, из-за очевидного сходства. Данные концепции подразумевают наличие некой мистической силы, пронизывающей всё сущее и дарующей жизнь. Если религия синто зародилась именно с аниматизма, то мусуби и хи, как и понятие тама, имеют большое значение для этой системы верований.

Литература

1. Ермакова Л.М. Ритуальные тексты в социокосмической системе древнего Ямато. Исследование. Введение [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/780-800/Norito_Semme/pred1.phtml?id=11413 (дата обращения: 29.04.2020).
2. Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1-й [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Kodziki_2/frametext.htm (дата обращения: 29.04.2020).
3. Накорчевский А.А. Космология сельского хозяйства Сато Нобухиро // Синто: память культуры и живая вера. – М.: Аиро-XXI, 2012. – С. 157–186.
4. Нихон Секи. Анналы Японии. Свиток I [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/frametext1.htm (дата обращения: 29.04.2020).

5. Роханский Л.Ш. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятках [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=rohanskiy-ls&book=1988&page=34> (дата обращения: 29.04.2020).
6. Тайлор Э.Б. Первобытная культура [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=96664&p=1> (дата обращения: 29.04.2020).
7. Бакшеев Е.С. Тама, иноти и кокоро [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.heiho.ru/index.php?id=45> (дата обращения: 29.04.2020).
8. Тоя Манабу. Синтоистские святилища и экология (1) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b05213/> (дата обращения: 29.04.2020).
9. 阿部裕行 丸山眞男「古層論」をめぐって：「歴史意識の古層」における主体性の問題 // 法政大学大学院 国際日本学インスティテュート専攻委員会，国際日本学論叢. 2012.第9号. 116–130頁.
10. 井原奉明「もの」概念について：「もの」=「マナ」説に関する考察 // 學苑. – 2012. – 第858号. 86–98頁.
11. 荒谷卓 中心と循環と産霊 (むすひ) [電子リソース]. – <https://www.isbaweb.org/wp-content/uploads/2015/08/ISBA2015資料「中心と循環と産霊」.pdf> (2020年4月29日).
12. 堀川真希 ムスヒの名称から見るその神格と役割 // 広島女学院大学大学院言語文化論叢. 2009. 第12号. 198–220頁.

References

1. Ermakova L.M. Ritual'nye teksty v socio-kosmicheskoy sisteme drevnego Yamato. Issledovanie. Vvedenie Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/780-800/Norito_Semme/pred1.phtml?id=11413 (Accessed 29.04.2020).
2. Kodziki. Zapisi o deyaniiyah drevnosti. Svitok 1-j Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Kodziki_2/frametext.htm (Accessed 29.04.2020).
3. Nakorchevskij A.A. Kosmologiya sel'skogo hozjajstva Sato Nobuhiro // Sinto: pamyat' kul'tury i zhivaya vera. – M.: Airo – XXI.2012. pp. 157–186.
4. Nihon Seki. Annaly Yaponii. Svitok I Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_1/frametext1.htm (Accessed 29.04.2020).
5. Rohanskij L.Sh. Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamyatkah Available at: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=rohanskiy-ls&book=1988&page=34> (Accessed 29.04.2020).
6. Tajlor E.B. Pervobytnaya kul'tura. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.1989. p. 573.
7. Baksheev E.S. Tama, inoti i kokoro Available at: <http://www.heiho.ru/index.php?id=45> (Accessed 29.04.2020).
8. Toya Manabu Sintoistskie svyatilishcha i ekologiya (1) Available at: <https://www.nippon.com/ru/views/b05213/> (Accessed 29.04.2020).
9. 阿部裕行 丸山眞男「古層論」をめぐって : 「歴史意識の古. 層」における主体性の問題 // 法政大学大学院 国際日本学インスティテュート専攻委員会 , 国際日本学論叢. 2012.第9号. 116–130頁.
10. 井原奉明 「もの」概念について : 「もの」= 「マナ」説に関する考察 // 學苑. 2012. 第858号. 86–98頁.
11. 荒谷卓 中心と循環と産霊 (むすひ) [電子リソース]. – <https://www.isbaweb.org/wp-content/uploads/2015/08/ISBA2015資料「中心と循環と産霊」.pdf> (2020年4月29日).
12. 堀川真希 ムスヒの名称から見るその神格と役割// 広島女学院大学大学院言語文化論叢. 2009. 第12号. 198–220頁.

Информация об авторе

Сорокина Екатерина Сергеевна

664523, г. Иркутск, Берёзовый, 87, 13

Российская Федерация

shamaona@yandex.ru

Information about Authors

Ekaterina Sorokina

664523, Irkutsk, Beresovy, 87, 13

Russia

shamaona@yandex.ru

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

**Adam Laxman's expedition and the beginning
of Japanese-Russian relations in the XVIII century****Экспедиция Адама Лаксмана и начало
японо-российских отношений в XVIII в.***Мартынов Дмитрий Евгеньевич,**Мартынова Юлия Александровна,**Рахматуллина Рената Ринатовна,**Казанский федеральный университет**dmitrymartynov80@mail.ru*

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению начального этапа российско-японских отношений XVIII в. Первые документированные свидетельства интереса Петра Великого к японо-российским отношениям относятся к 1701 – 1702 гг. Вплоть до конца века основными источниками сведений о Японии становились японские подданные, отнесенные морем к побережью Камчатки. По инициативе Эрика Лаксмана Екатерина II в 1792 г. выпустила указ о посольстве в Японию и подписанию торгового договора между странами. Экспедиция состоялась под командой поручика Адама Лаксмана в 1793 – 1794 гг., но не продвинулась далее Хакодаде. Тем не менее, её результаты следует оценивать как успешные: российская сторона получила разрешение перенести переговоры в Нагасаки, был в значительной степени поко-

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the initial stage of Russian-Japanese relations in the 18th century. The first documented evidence of Peter the Great's interest in Japanese-Russian relations dates for 1701–1702. Until the end of the century, the main sources of information about Japan were Japanese seamen carried to the coast of Kamchatka. On the initiative of Academician Eric Laxman, Empress Catherine II in 1792 issued a decree on the embassy to Japan and the signing of a trade agreement between the countries. The expedition took place under the command of Lieutenant Adam Laxman in 1793–1794, but did not advance further than Hakodate. Nevertheless, its results should be assessed as successful: the Russian side received permission to move the negotiations to Nagasaki, the myth of the “Russian threat” that

леблен миф о «русской угрозе», господствовавший в руководстве Токугавского сёгуната.

Ключевые слова: международные отношения, Российская империя, сёгунат Токугава, Адам Лаксман.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Рахматуллина Р.Р. *Экспедиция Адама Лаксмана и начало японо-русских отношений в XVIII в.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 440-448.

ВВЕДЕНИЕ

Экспедиция поручика Адама Лаксмана в Японию в 1792–1793 гг. представляла собою одну из первых российских инициатив по налаживанию дипломатических отношений между двумя странами. Его попытка заключить первый торговый договор с закрытой на то время Японией оказалась неудачной, однако сама инициатива может рассматриваться как в дипломатическом, так и географическом контексте. Данная проблема является политически злободневной на протяжении уже второго века, и маловероятна возможность того, что таковой она перестанет быть.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве источников были использованы материалы из архива князя Воронцова [1], в которых представлена переписка поручика Лаксмана по вопросу экспедиции в Японию; публикация В.Н. Берха [2] и «известие» Е.А. Болховитинова [3], в которых непосредственно описан ход экспедиции; а также журнал посольства А. Лаксмана [8][9].

dominated the leadership of the Tokugawa shogunate was largely shaken.

Keywords: international relations, Russian Empire, Tokugawa shogunate, Adam Laxman.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A., Rakhmatullina R.R. *Adam Laxman's expedition and the beginning of Japanese-Russian relations in the XVIII century.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 440-448.

В японистике представлен ряд исследований, посвящённых вопросам налаживания российско-японских отношений и роли А. Лаксмана в этом процессе. Таковы монографии Э.Я. Файнберг [15] К.Е. Черевко [16][17], и ряд других. Существуют перевод монографии американского япониста Д. Кина [5], новейшие исследования К.М. Карташова (с соавторами) [4][18], Т. Уметбаева (с соавторами) [14].

Для работы с источниками и литературой были использованы историко-типологический метод, позволяющий выделить и рассмотреть историческое явление на фоне обширной исторической картины, историко-генетический метод, благодаря которому удалось представить событие в синхронном и диахронном аспектах, а также историко-сравнительный, который позволил нам сравнить уровни исследования вопроса данной работы, а также определить тенденции развития в этой области.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первые документально зафиксированные контакты между японцами и русскими относятся

к периоду 1695–1697 гг., когда купец Дэмбэй, судно которого шло из Мияко в Эдо, штормом был отнесён к Камчатке. Его захватили местные жители, и передали В. Атласову, который доставил японца в Москву. Это произошло около 1701 г., о чём свидетельствуют документы Сибирского приказа. Василий Атласов неверно считал Дэмбэя индейцем. Он в достаточной степени научился русскому языку, чтобы составить описание Японии для царских властей [12] [15, с. 20]. В 1702 г. Дэмбэй получил аудиенцию Петра I, который не принуждал японца принять православие, и даже обещал отпустить его на родину, после того, как тот научит японскому языку «робят человек четырех или пяти». Вернуться ему не удалось, поэтому к 1710 г. Дэмбэй, приняв в крещении имя Гавриил, хлопотал об открытии школы переводчиков. Дата кончины его неизвестна [2][15, с. 21][16, с. 52]. Помощником Дэмбэя стал ещё один японец, Санъэмон (Санима), точные даты и обстоятельства появления которого в России дискутируются [16, с. 59].

По сообщению Г. Миллера, в 1734 г. в Петербург были доставлены ещё двое японцев, потерпевших крушение на берегах Камчатки: Содза и Гондза. К. Черевко полагал, что их именами были Содзаэмон и Гондзаэмон [16, с. 79]. По указу Анны Иоанновны они были назначены в Академию наук, при которой была основана школа японского языка [11, с. 15][15, с. 25]. К 1739 г. оба японца умерли, хотя и успели составить первые пособия по японскому языку руководством помощника библиотекаря А. И. Богданова [16, с. 82].

С российской стороны первый проект установления русско-японских торговых отношений подал Витус Беринг во время подготовки Камчатской экспедиции 1730 г. Он предлагал начать систематические поиски японцев, занесённых на Камчатку и Курильские острова, после чего использовать их возвращение как предлог для завязывания равноправных и дружественных отношений с Японией [7, с. 291, 295]. Однако несколько попыток на практике реализовать подобную политику оказались безуспешными [16, с. 95].

В 1783 г. корабль «Синсё-мару» японского купца Дайкокуя Кодаю также потерпел крушение на восточных окраинах России. Из 17 членов судовой команды выжили пятеро — Исоки-ти Тоёмацу, Коити, Синдзо, Сёдзо, Кюэмон. Оказавшись в Иркутске, Кодаю подружился с бывшим начальником Нерчинских рудников Эриком Лаксманом, и при его содействии составил три прошения о помощи в возвращении на родину. После третьего отказа Э. Лаксман решил лично ходатайствовать за японцев в Петербурге [16, с. 114]. Только в 1791 г. при содействии Лаксмана, Дайкокую Кодаю получил аудиенцию Екатерины II. Сначала императрица отнеслась к японцам подозрительно, но Э. Лаксман сумел убедить её, что возвращение японских подданных будет важно для налаживания двухсторонних отношений [17, с. 188–189]. В том же году был издан указ «О установлении торговых сношений с Японией», в котором подчёркивалось, что ни одно европейское государство не имеет столь удобной возможности для обзаведения добрососедскими отношениями с закрытой страной [15, с. 53].

Адресатом указа был иркутский губернатор И.А. Пиль, которому предстояло организовать и финансировать экспедицию. Начальником её был назначен сын Эрика Лаксмана — 26-летний Адам, который тогда имел чин поручика. За казённые средства предписывалось закупить приветственные подарки, а также взять иркутских купцов и некоторое количество товаров [7, с. 243]. Не все японцы согласились вернуться, тем, которые пожелали остаться в России, получали должность учителей и единовременную премию в 200 рублей за принятие православия [7, с. 244–245]. В указе особо оговаривалось, что при всей важности заключения торгового договора, российская сторона не должна была настаивать при явно выраженном нежелании японской стороны [15, с. 54].

Экспедиция формировалась в Охотске. Помимо А. Лаксмана и трех японцев, в ней принимали участие двое иркутских купцов, начальник порта В.Ф. Ловцов, и другие лица. 13 сентября 1792 г. посольство вышло в море на судне «Св. Екатерина», направляясь к Хоккайдо (Матмаю). Губернатор Пиль выдал путешественникам инструкцию, в которой предписывал обращаться с японской стороной максимально деликатно, чтобы уменьшить их сомнения в приезде русских; описать острова, ведение торговли, ресурсы территории; а также вручить японскому правительству письмо самого губернатора с объяснением цели визита [16, с. 119–120]. 7 октября посольство миновало о. Кунашир, а 8 октября якорь был брошен в заливе Нэмуру, расположенном на северо-востоке Хоккайдо [17, с. 206–207]. Японские чиновники прибыли 9 октября и приняли русских радушно, участникам экспедиции разрешили построить зимовье и пригла-

шали в дома японцев [15, с. 55]. Письмо в японскую столицу было переведено и отправлено уже 12 октября. С 17 ноября команда Лаксмана переселилась в построенный на берегу дом, корабль охранялся особым японским караулом, который менялся раз в месяц [3, с. 8–9].

13 декабря 1792 г. из Хакодате прибыли чиновник Судзуки Кумадзо и врач Като Кэнго Киотоси для того, чтобы объявить об отправлении письма А. Лаксмана в Эдо [15, с. 55]. Они убедились, что антироссийская пропаганда голландских купцов с о. Дэдзима не соответствует действительности, ибо у россиян «всё то же, что и голландцы привозят», но Российское государство при этом ближе [15, с. 58–59] [17, с. 207–208].

Сёгунский указ прибыл 1 мая 1793 г., с его текстом к русским явились чиновники из Хакодате и Эдо. Они должны были сопровождать посольство до Хакодате по суше, дальнейшее продвижение воспрещалось. Лаксман настаивал, что сухопутное передвижение займёт слишком много времени, вдобавок, большинство членов команды были больны цингой и деморализованы [15, с. 60]. В результате длившихся четыре дня переговоров был принят компромиссный вариант: «Св. Екатерина» пройдет морем до Хакодате в сопровождении японских судов, но дальнейший путь послы и возвращаемые японские подданные проделают по суше [3, с. 12–13] [16, с. 128].

Переговоры в Хакодате стартовали 17 июля 1793 г. Сёгун подарил посольству 100 мешков риса в благодарность за сопровождение японцев на родину. Во время аудиенции у князя А. Лаксман объявил причину приезда в Японию: возвращение подданных этого

государства и передача правительству письма иркутского губернатора. Послание, отправленное в октябре прошлого года, было возвращено из-за несовершенного перевода и неясности содержимого [16, с. 128]. Лаксману не удалось убедить принять письмо И. Пиля повторно, и он опасался полного провала миссии. Вечером того же дня 17 июля переговоры возобновились, А. Лаксман настаивал на принятии чиновниками письма, чиновники, в свою очередь, просили его распечатать письмо самому. К единому решению во время данной аудиенции не пришли, кроме того, что японский текст нуждался в редактировании. Переговоры должны были возобновиться на следующий день [3, с. 23].

На переговорах 18 июля японской стороной была выдвинута претензия, что письмо не адресовано лично владельческим чиновникам. Попытки возразить, что губернатору, находящемуся в России, не существовало возможности наверняка знать имена японских представителей власти, были безуспешны. Единственное, чего удалось добиться — прочтения письма уполномоченными, откуда они узнали о желании правительства России заключить торговый и дипломатический союз [7, с. 261].

Насколько позволяют судить источники, японская сторона не стремилась ослаблять режим самоизоляции страны, но из благодарности за доброжелательный жест возвращения людей после крушения, не могла резко отказать русскому посольству. Вероятно, определённую роль играла и так называемая «русская угроза», поскольку размеры почти безлюдных владений империи на Камчатке и вокруг Охотского моря превышали территорию Японии.

24 июля было решено переместить посольство в Нагасаки – единственный порт, через который позволялось сообщение с заграницей. Пребывание в заливе Эдо воспрещалось. Лаксман был заранее предупреждён что как дипломатический посланник он может получить отказ, но если прибыть немедленно, то вполне вероятно получить добро на установление торговых отношений. На следующий день посольству была выражена благодарность за привезённых японских подданных, и российская сторона получила расписки за передачу возвращаемых в столицу. Ответный визит благодарности А. Лаксмана губернатору Хакодате был отклонён [3, с. 25–26] [5, с. 59]. 23 июля Лаксман получил разрешение на вход в гавань Нагасаки. 3 августа Лаксман узнал от Туголукова о секретной просьбе чиновников из Эдо передать им копию письма Пиля, что и было исполнено (копия переписана, а оригинальная копия возвращена). Лаксман счёл, что это было дополнительным свидетельством намерений японской стороны не принимать это письмо. 11 августа «Св. Екатерина» покинула гавань и 8 сентября вернулась в Охотск [15, с. 62–64]. 24 января 1794 г. А. Лаксман вернулся в Иркутск, где отчитался перед отцом и иркутским губернатором [16, с. 134].

Результаты экспедиции не получили однозначной оценки в историографии. Адаму Лаксману удалось исполнить порученную ему миссию, более того, смог поколебать предубеждения японцев о русских, смог завоевать их симпатию, о чем свидетельствовало, что и после его отбытия в Россию японцы тепло о нём отзывались и бережно хранили привезенные им подарки [7, с. 263]. Оставшийся на родине Дайкокуя Кодаю также немало способствовал

изменению устоявшегося в Японии страха экспансии русских на юг [5, с. 61]. Однако отчёты Лаксмана были поздно опубликованы — только в 1801 г. [7, с. 274].

ВЫВОДЫ

Самые ранние известные из источников случаи проникновения жителей Японии в Россию завершались обычно тем, что японцы оставались в России. Из-за политики самоизоляции Токугавского сёгуната, возвращение на родину обычно оказывалось для них невозможным. Российское внешнеполитическое ведомство было заинтересовано в японцах как информаторах и переводчиках, некоторые из них получали содержание за счёт государственной казны и должности учителей языка. Так как в России XVIII в. уже существовал корпус подготовки переводчиков-дипломатов, страны оказалась готова к совершению первого шага в установлении контактов с Японией.

В эпоху Екатерины II в России оказался образованный японец Дайкокуя Кодаю, который стремился вернуться на родину во что бы то ни стало. Именно он завязал дружбу с Э. Лаксманом — отцом Адама Лаксмана. Эрик Лаксман устроил аудиенцию японца у российской императрицы, и сумел убедить власти к необходимости осуществления посольской миссии в Японию.

Экспедиция успешно передала японцев уполномоченным, но наиболее важный вопрос об установлении торговых отношений остался открытым. Представители сёгуната отвечали уклончиво, по итогу выдав лишь разрешение на пребывание одного русского судна в порту

Нагасаки. Этот факт порождает многочисленные дискуссии историков по вопросу успешности экспедиции А. Лаксмана. Наша собственная позиция заключается в том, что миссия была, скорее успешной. Вероятно, именно чрезмерная осторожность российской стороны (инструкция, данная А. Лаксману, предписывала возвращаться в Россию сразу после дипломатических переговоров в столице) помешала немедленному подписанию торгового договора. У начальника миссии не было необходимых полномочий, которые позволили бы ему отринуть положения инструкции. По-видимому, свою роль сыграла и деморализация членов команды Лаксмана, которые не могли получать из Японии свежих припасов. Японская сторона также не стремилась покончить с политикой самоизоляции, что проявилось десятилетием спустя, во время визита в страну миссии Н.П. Резанова — И.Ф. Крузенштерна. Голландские купцы, сохранявшие монополию на торговлю с Японией, также не были заинтересованы в появлении конкурентов.

Литература

1. Архив князя Воронцова / Ред. П. И. Бартенева. Кн. 24. М.: Тип. Мамонтова, 1880. – 424 с.
2. Берх В.Н. Путешествие поручика Адама Лаксмана в Японию // Северный архив. 1822. Ч.1. Вып. 3. С. 245 – 273.
3. Болховитинов Е. А. Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М.: тип. Платона Бекетова, 1805. – 30 с.
4. Карташов К. М. «Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями

- о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег» как источник по экспедиции А. К. Лаксмана (1792-1793 гг.) // Японские исследования. 2017. №4. С. 50 – 61.
5. Кин Д. Японцы открывают Европу, 1720-1830. Пер. с англ. И. Львовой; Отв. ред. В. А. Александров. М. Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. – 207 с.
 6. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. АН СССР. Институт востоковедения. Отв. ред. И. А. Латышев, Д. В. Петров. Глав. ред. вост. лит., Москва, 1988. – 384 с.
 7. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / Пер. со швед. – СПб.: Имп. Академия наук, 1890. – 488 с.
 8. Лаксман А. Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // Исторический архив. 1961. №4. С. 117 – 146.
 9. Лаксман Э. Попытки к заведению торговли России с Японией в 1791 г. // Русская старина. №7. 1896. – 273 с.
 10. Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. -Ч. 1. 228 с.
 11. Новаковский С. И. Япония и Россия. Токио, 1918. – Ч. 1, 210 с.
 12. Оглоблин Н.Н. Первый японец в России. 1701-1705 гг. // Русская старина. 1891. Т. 72. С. 11 – 24.
 13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. сб. документов. АН СССР. М.: Наука, 1984. – Т.1, 320 с.
 14. Уметбаев Т.Ш., Ипеева А. А. Россия и Япония. Первые контакты (первая половина XVIII века) // The Newman in Foreign policy. 2017. №36 (80). С. 10–12.
 15. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М.: МГИМО, 1960. – 312 с.
 16. Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. РАН, Ин-т российской истории. Москва, Наука, 1999. – 256 с.
 17. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (вторая половина XVII — начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010. 688 с.
 18. Щепкин В. В., Карташов К. М. «Ритуал и закон»: приём экспедиции Адама Лаксмана в Японии // Япония: Ежегодник. 2017. №46. С. 169–180.

References

1. Bartenev P. I. ed. (1880). *Arkhiv knyazya Vorontsova* [Archive of Prince Vorontsov]. Vol. 24. Moscow: Mamontov Printed House.
2. Berkh V.N. (1822). *Puteshestviye porutchika Adama Laksmana v Yaponiyu* [The Journey of Lieutenant Adam Laxman to Japan]. *Severnyy arkhiv*. Part 1, issue. 3. Pp. 245–273.
3. Bolkhovitinov Ye.A. (1805). *Izvestiye o pervom rossiyskom posol'stve v Yaponiyu pod nachal'stvom porutchika Adama Laksmana* [News of the first Russian embassy to Japan under the command of Lieutenant Adam Laxman]. Moscow: Platon Beketov's Printed House.
4. Kartashov K.M. (2017) «Zhurnal russkoy ekspeditsii v Yaponiyu, s prilozheniyem perepiski komandira ekspeditsii s beregovymi vlastyami o razreshenii vkhodit' v yaponskiye gavani i vysadki ekipazha na bereg» kak istochnik po ekspeditsii A. K. Laksmana (1792-1793 gg.) ["Journal of the Russian expedition to Japan, with the attachment of the correspondence between the expedition commander and the coastal authorities on permission to enter Japanese harbors

- and disembark the crew ashore" as a source on the expedition of A. K. Laxman (1792-1793)]. *Yaponskiye issledovaniya*. №4. Pp. 50–61.
5. Keene D. (1972). *The Japanese Discovery of Europe in Russian translation*.
 6. Kutakov L.N. (1988). *Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies.
 7. Lagus V. (1890) *Erik Laksman, yego zhizn', puteshestviya, issledovaniya i perezpiska [Eric Laxman, his life, travel, research and correspondence]*. Saint-Petersburg: Emperor Academy of Science Publ.
 8. Laksman A. (1961). *Zhurnal posol'stva A. Laksmana v Yaponiyu [Journal of A. Laxman's embassy in Japan]*. *Istoricheskiy arkhiv*. №4. Pp. 117–146.
 9. Laksman E. (1896) *Popytki k zavedeniyu trgovli Rossii s Yaponiyey v 1791 g. [Attempts to establish trade between Russia and Japan in 1791]*. *Russkaya starina*. №7. 273 pp.
 10. Miller G.F. (1758) *Opisaniye morskikh puteshestviy po Ledovitomu i po Vostochnomu moryu, s rossiyskoy storony uchinenykh [Description of sea voyages in the Arctic and Eastern seas, from the Russian side perpetrated]*. *Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye*. Part 1. 228 pp.
 11. Novakovskiy S.I. (1918). *Yaponiya i Rossiya [Japan and Russia]*. Tokyo, part 1.
 12. Ogloblin N.N. (1891). *Pervyy yaponets v Rossii. 1701–1705 gg. [The first Japanese in Russia. 1701–1705]*. *Russkaya starina*. Vol. 72. Pp. 11– 24.
 13. *Russkiye ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v. Sb. dokumentov [Russian expeditions to explore the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century. Collection of documents]*. Moscow: Nauka Publ., 1984. Vol. 1.
 14. Umetbayev T.Sh., Ipeyeva A. A. (2017). *Rossiya i Yaponiya. Pervyye kontakty (pervaya polovina XVIII veka) [Russia and Japan. First contacts (first half of the 18th century)]*. *The Newman in Foreign policy*. №36 (80). Pp. 10–12.
 15. Faynberg E.Ya. *Russko-yaponskiye otnosheniya v 1697–1875 gg. [Russian-Japanese relations in 1697–1875]*. Moscow: MGIMO Publ.
 16. Cherevko K.Ye. (1999). *Zarozhdeniye russko-yaponskikh otnosheniy XVII-XIX veka [The origin of Russian-Japanese relations of the 17th-19th centuries]*. Moscow: Nauka Publ.
 17. Cherevko K.Ye. (2010). *Rossiya na rubezhakh Yaponii, Kitaya i SSHA (vtoraya polovina XVII — nachalo XXI veka) [Russia on the borders of Japan, China and the United States (second half of the 17th – early 21st century)]*. Moscow: Institute of Russian Civilization.
 18. Shchepkin V.V., Kartashov K.M. (2017). «Ritual i zakon»: priyom ekspeditsii Adama Laksmana v Yaponii [“Ritual and law”: reception of the expedition of Adam Laxman in Japan]. *Yaponiya: Yezhegodnik*. №46. Pp. 169–180.

Информация об авторах

Профессор, доктор исторических наук

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

dmitrymartynov80@mail.ru

Доцент, кандидат исторических наук.

Мартынова Юлия Александровна

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

студент **Рахматуллина Рената Ринатовна**

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

Information about the Authors

Professor, Dr. Sc. **Dmitry Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, Cand. Sci. **Yulia Martynova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Bachelor student **Renata R. Rakhmatullina**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Korean bronze mirrors as a pattern of China's cultural influence

Корейские бронзовые зеркала как образец культурного влияния Китая

Силакова София Андреевна, Гайнуллина Ляйля Айдаровна

кафедра алтаистики и китаеведения, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

silakova.sa@mail.ru

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-449-455

АННОТАЦИЯ

Данная статья освещает вопрос заимствования и адаптации культурных достижений китайской цивилизации близлежащими регионами. На примере возникновения, распространения и адаптации на Корейском полуострове бронзовых погребальных зеркал из Китая, относящихся к бронзовому и железному векам, а также дальнейшее продвижение традиций использования бронзовых зеркал в Японии рассматривается вопрос культурного влияния Китая в сопредельных регионах. Прослеживается тенденция передачи функционала бронзовых зеркал как важного атрибута похоронного ритуала знатных людей. Особый интерес представляет изучение оформления зеркал, точнее, оборотной стороны зеркала, которое, как правило, украшалось особым орнаментом, отличающимся в зависимости от исторической эпохи, верований и региона. Заимствованные из Китая зеркала со временем адаптировались на Корейском полуострове и позже на Японских островах, местным зеркалам были уже присущи собственные особенности в виде особенностей оформления. Не меньший инте-

ABSTRACT

This article highlights the issue of borrowing and adapting the cultural achievements of the Chinese civilization by nearby regions. According to the example of the emergence, distribution and adaptation of bronze funerary mirrors from China dating back to the Bronze and Iron Ages to the Korean Peninsula, as well as the further promotion of the traditions of using bronze mirrors in Japan, the issue of the cultural influence of China in adjacent regions is considered. There is a tendency to transfer the functionality of bronze mirrors as an important attribute of the funeral ritual of noble people. Of particular interest is the study of the design of mirrors, more precisely, the reverse side of the mirror, which, as a rule, was decorated with a special ornament that differs depending on the historical era, beliefs and region. Mirrors borrowed from China eventually adapted on the Korean Peninsula and later on the Japanese islands; local mirrors already had their own peculiarities in the form of design features. It is also necessary to study the issue of the appearance of devices for fixing a mirror: depending on the region, there was a change from one lug-loop on the back of the mirror to the

рес для изучения представляет и вопрос появления приспособлений для крепления зеркала: в зависимости от региона происходило изменение от одного ушка-петли на оборотной стороне зеркала до прототипа ручек, также крепившихся на оборотной стороне или по бокам.

Для проведения исследования были использованы материальные источники – бронзовые зеркала, из открытых электронных выставок и коллекций государственных музеев Республики Корея.

Ключевые слова: Китай, Корея, бронзовые зеркала, археология Китая, археология Кореи.

Для цитирования: Силакова С.А., Гайнулина Л.А. *Корейские бронзовые зеркала как образец культурного влияния Китая*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3 (3): 449-455.

Бронзовые зеркала Кореи имеют, вероятнее всего, китайские корни: принято считать, что начало заимствования китайских бронзовых зеркал на Корейский полуостров датируется периодом V-IV вв. до н.э. [Боковенко, 1999, С. 47-55]. При этом процесс внедрения китайской культуры проходил неравномерно: происходило распространение от северной части полуострова к югу, т.е. когда в северной части Корейского полуострова стали появляться уже собственные зеркала, в южной части только распространилась культура китайских бронзовых зеркал.

С самого появления на территории Китая, во время существования неолитической культуры Цицзя, датируемой XXV-XX вв. до н.э., зеркала имели особую сакральную функцию, которая заключалась в способности зеркала, подобно Луне, отражать свет и тем самым указывать

прототипу ручек, также прикрепленным на оборотной стороне или по бокам.

Для исследования, материальные источники использовались – бронзовые зеркала из открытых электронных выставок и коллекций государственного музея Республики Корея.

Keywords: China, Korea, bronze mirrors, archeology of China, archeology of Korea.

For citation: Silakova S.A., Gajnullina L.A. *Korean bronze mirrors as a pattern of China's cultural influence*. Modern oriental studies. 2021; 3 (3): 449-455.

покойному дорожку в загробный мир, являясь своего рода проводником. Изначально, зеркала не имели бытовой функции отражения внешности смотрящего в него человека, она появилась лишь после периода Троецарствия в Китае и в период Объединенного Силла в Корею. В указанные периоды бронзовые зеркала утратили свою ценность, обрели общедоступность для всего населения и перестали быть атрибутом, присущим состоятельным людям, помимо этого, изменились и погребальные ритуалы обоих государств. В дальнейшем зеркала стали выполнять эстетическую (как красиво украшенный предмет в доме), так и утилитарную функцию. Ценность зеркала как ритуального предмета не исчезла, например, в некоторых регионах оно использовалось в свадебных ритуалах (зеркало разделялось на две половинки, каждая из которых вручалась жениху и невесте).

сте) и в ряде шаманских ритуалов культа священных мест содо, когда зеркала привешивались на ветви деревьев.

Возвращаясь к изучаемому периоду, стоит отметить, что зеркала представляли собой, как правило, круглые (вогнутые или прямые) или овальные предметы преимущественно из бронзы (крайне редко встречались железные), одна сторона которых была отполирована так, чтобы она могла отражать свет. Другая же сторона зеркала представляла больший интерес для исследования, так как она украшалась различным орнаментом от простого геометрического в начале до антропоморфных и зооморфных изображений в более позднее время, а также имела специальные крепления для фиксации зеркала. Именно обратная сторона является предметом изучения для археологов, так как обратные стороны зеркал различных регионов (Китая, Кореи и Японии) получили свои особенности оформления, что позволяет определить их принадлежность к тому или иному региону, а также исторический период, к которому они принадлежат, в результате чего исследователи получали большую информацию о стоянках и курганах, где были обнаружены зеркала [Воробьев, 1958, С. 73].

Как указывалось ранее, зеркала служили своеобразным проводником для покойного человека для того, чтобы его душа могла достичь загробного мира. Для этого зеркала помещались в погребение, укладывались покойному на грудь. Если умерший был знатным и богатым человеком, в погребальной камере можно было обнаружить больше одного зеркала: одно было на груди покойного, другие могли положить по-

койному в ноги, повесить на потолок или разместить у стен камеры [История и эволюция].

Появление бронзовых зеркал на севере Корейского полуострова датируется поздним бронзовым веком I (согласно периодизации Кима Вольёна) [Ким, 1973, С. 4-5]. Для этого периода характерно расширение ареала обнаружения бронзовых предметов с севера на юг: бронзовая культура, заимствованная с китайских территорий современных провинций Ляонин и Цзилинь, стала охватывать и территорию от бассейна р. Тэдонган до бассейна р. Ханган, что включает современные территории КНДР и части Республики Корея. Те немногие зеркала, обнаруженные в погребениях, относящихся к данному периоду, имеют китайское происхождение, на что указывает их внешний вид, схожий с чжоусскими бронзовыми зеркалами: вогнутые или прямые зеркала диаметром до 12 см, с резным геометрическим, растительным (побеги риса или цветы) или зооморфным орнаментом с изображением драконов или цикад. Встречались и другие орнаменты: «горный» (похожий на повторение иероглифа «шань» («Ш», «гора»), Т-образный орнамент [Шульга, 2019, С. 73-76]. В центре оборотной стороны размещалась массивная петля-ушко для фиксирования зеркала.

Бронзовый век II, он же железный век I влиянием ляонинской культуры, на севере начинают появляться первые железные предметы, а также происходит широкое распространение по всему полуострову бронзовых предметов и начинается собственное производство бронзовых зеркал [Пак, 1979, С. 69-71]. Во время железного века II данные процессы

продолжились: железо распространилось по всему полуострову, однако отказа от бронзовых предметов не произошло, частично бронза переняла сакральный смысл, многие бронзовые предметы использовались преимущественно в погребальных ритуалах [Nelson, 2000, P. 174-182].

Во времена развитой культуры железа на Корейском полуострове присутствовало несколько видов зеркал: наиболее ценные и редкие китайские зеркала, которые укладывались в погребения богатых и знатных людей; копии китайских зеркал корейского производства, характеризовавшиеся более низким качеством металла и относительной дешевизной, по сравнению с китайскими оригинальными зеркалами; собственно корейские зеркала, наиболее доступные для населения.

Корейские зеркала бронзового века II представляли собой круглые диски из бронзы с невысокими бортиками. На оборотной стороне размещались два ушка-петли, расположенные выше центральной точки на равном удалении от краёв. Это является одной из отличительных черт корейских зеркал. Обратная сторона зеркала, как правило, была украшена грубым геометрическим узором в виде коротких косых линий или сочетания косых линий и остроугольных треугольников, что, вероятнее всего, указывало на солярное или лунарное изображение. Долгое время геометрический узор был преобладающим в украшении корейских зеркал, что так же отличало его от китайских орнаментов, где мог преобладать растительный, облачный или зооморфный орнамент. Наиболее часто встречались зеркала с широким и неорнаментированным внешним ободом. (См. Рис. 1)

Рис. 1. Бронзовое зеркало с грубым линейным рисунком, бронзовый век. Национальный музей Кореи (Сеул).

Fig. 1. Bronze mirror with a rough linear pattern, Bronze Age. National Museum of Korea (Seoul).

Железный век на территории Корейского полуострова принес широкое разнообразие в выборе орнамента оборотной стороны зеркала. Исследователи выделяют до 12 видов, среди которых ранее распространенный геометрический орнамент, растительный орнамент, облачный орнамент, орнамент с цветами и звездами, орнамент с мифическими животными, орнамент TLV, представлявший собой орнамент, похожий на сочетание латинских букв T, L и V. Наиболее распространенным являлось сочетание геометрического орнамента и орнамента TLV. (См. Рис. 2)

Помимо характерного орнамента для корейских зеркал было характерно помещение на оборотную сторону не одного ушка-петли, как это было принято в Китае, а двух подобных

Рис. 2. Бронзовое зеркало с орнаментом TLV, бронзовый век. Национальный музей Кореи (г. Сеул)

Fig. 2. Bronze mirror with TLV ornament, Bronze Age. National Museum of Korea (Seoul)

ушек, либо выступов-шишечек (одного, четырех, пяти, восьми, девяти и т.д.). Наиболее частым было использование одного выступа-шишечки по центру и маленьких выступов по окружности зеркала. Например, в Национальном музее Кореи (г. Сеул) хранится бронзовое зеркало периода четырех китайских кругов. Круглая шишечка-выступ в центре окружена вписанными в квадрат двенадцатью небольшими шишечками, окруженными облачным и буквенным орнаментом, за квадратом по четырем сторонам размещены еще восемь шишечек, также окруженных буквенным и листовым орнаментом, далее ближе к внешнему краю идет обод с иероглифами, скорее всего обозначающими земные стволы и небесные ветви (циклические знаки двенадцатеричного и десятиречного цикла), далее идут несколько ободов

с геометрическими рисунками (треугольники, линии), последним периферийным ободом с облачным орнаментом завершается оформление обратной стороны бронзового зеркала. (См. Рис. 3)

Рис. 3. Бронзовое зеркало с изображением четырех божеств, железный век. Национальный музей Кореи (г. Сеул).

Fig. 3. A bronze mirror with the image of four deities, the Iron Age. National Museum of Korea (Seoul).

Помимо этого, для у корейских зеркал часто встречалось деление оборотной стороны на восемь секторов, что было связано с сакральностью числа «восемь» в корейской культуре. Это имело благожелательное значение для покойного и его семьи. Например, в небольших зеркалах из Государственного музея г. Кёнчжу на оборотной стороне круг вписан в восьмиугольник. (См. Рис. 4)

Рис. 4. Бронзовые зеркала, ранний железный век. Государственный музей Кёнчжу (г. Кёнчжу)

Fig. 4. Bronze mirrors, early Iron Age. Gyeongchu State Museum (Gyeongchu City)

Китайские зеркала, попав на Корейский полуостров, прижились и распространились так, однако были видоизменены. Характерный для Китая орнамент и одна петля-ушко в Корее превратились в наиболее часто встречаемый орнамент из геометрических фигур и орнамента TLV с большим количеством выступов-шишечек. В дальнейшем, пройдя сквозь Корейский полуостров, китайские бронзовые зеркала попали на острова Японского архипелага, где также были приняты формирующейся японской культурой периода Яёй (III в до н.э. – III в н.э.), где они преимущественно в период Кофун (250-538 гг. н.э.) были видоизменены и получили японское название «докё», а к ним часто стали прикрепляться бронзовые колокольчики

«дотаку». Тем самым это доказывает факт того, что китайская культура, будучи преобладающей в дальневосточном регионе, оказала огромное культурное влияние на население Корейского полуострова и Японского архипелага, многие её достижения были приняты и переработаны в своём характерном для местности стиле.

Литература

1. Боковенко Н.А. Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея, 1999. С. 47-55
2. Воробьёв М.В. Древняя Корея: историко-археологический очерк. М., 1958. 145 с.

3. История и эволюция бронзовых зеркал. 銅鏡の歴史と変遷 (до:кё: но рэкиси то хэнсей) [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20100110133034/http://we.magma.jp/~ark/sinkyuu_utuu/doukyuu.html, свободный. Проверено 09.07.2021
4. Ким Вольён. История Кореи. Т.1. Древность, Доисторическая история Кореи (김원룡. 한국고고학연구, 한국미술사연구, Ким Вольён. Хангукса I. Кодэ, сонса, мунхва. Кукса пхёнчхан вивонхве). Сеул (서울, Сеул), 1973. 485 с.
5. Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979. 238 с.
6. Шульга Д.П. Происхождение ранних чжоусских зеркал. // Современные востоковедные исследования. 2019. № 3. С. 73-76
7. Nelson S. M. The archaeology of Korea. NY, 2000. 307 p.
5. Pak M.N. Ocherki rannej istorii Korei. M., 1979. 238 p.
6. SHul'ga D.P. Proiskhozhdenie rannih chzhousskih zerkal. // Sovremennye vostokovednye issledovaniya. 2019. № 3. pp. 73-76

References

1. Bokovenko N.A. Bronzovye kitajskie zerkala iz sobraniya OGIK muzeya // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya, 1999. pp. 47-55
2. Vorob'yov M.V. Drevnyaya Koreya: istoriko-arheologicheskij ocherk. M., 1958. 145 p.
3. Istoriya i evolyuciya bronzovyh zerkal. 銅鏡の歴史と変遷 (do:kyo: no rekisi to hensej) [Internet] URL: https://web.archive.org/web/20100110133034/http://we.magma.jp/~ark/sinkyuu_utuu/doukyuu.html, available. Cited 09.07.2021
4. Kim Vol'yon. Istoriya Korei. T.1. Drevnost', Doistoricheskaya istoriya Korei (김원룡. 한국고고학연구, 한국미술사연구, Kim Vol'yon. Hanguksa I. Kode, sonsa, munhva. Kuksa phyonchkhan vivonhve). Seul (서울, Seoul),

Информация об авторах:

Преподаватель **Силакова София Андреевна**
Кафедра алтаистики и китаеведения
Казанский федеральный университет
420015, РФ, Казань, Пушкина 1/55
silakova.sa@mail.ru

Преподаватель **Гайнуллина Ляйля Айдаровна**
Кафедра алтаистики и китаеведения
Казанский федеральный университет
420015, РФ, Казань, Пушкина 1/55
glaylaa@rambler.ru

Information about the Authors:

Lecturer **Sofiya A. Silakova**
Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420015 Russia, Kazan, Pushkina 1/55
silakova.sa@mail.ru

Lecturer **Lyajlya A. Gajnullina**
Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420015 Russia, Kazan, Pushkina 1/55
glaylaa@rambler.ru

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Formation of Japanese national self-consciousness in the Meiji era**Формирование японского национального самосознания****в эпоху Мэйдзи**

Мартынов Дмитрий Евгеньевич,

Мартынова Юлия Александровна,

Филиппенко Дарья Александровна,

dmitrymartynov80@mail.ru

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-449-455

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу процесса формирования японского национального самосознания в эпоху Мэйдзи. Комплексные реформы опирались на опыт европейских государств XIX в., при этом японская элита действовала «как в супермаркете», отбирая те идеи и институты, которые ей подходили. В частности, в ходе деятельности «миссии Ивакура» особое внимание окружения императора Мэйдзи привлекла прусская государственность, в которой институт государственной церкви был неотделим от монархии. Это было использовано при создании государственного синтоистского культа. Институты школы и армии использовались для конструирования национального самосознания всей японской нации. В условиях политического давления извне начинают активно формироваться базовые понятия

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the process of the formation of Japanese national identity in the Meiji era. Comprehensive reforms were based on the experience of the European states of the 19th century, while the Japanese elite acted “like in a supermarket,” selecting those ideas and institutions that suited them. In particular, in the course of the Iwakura mission, the Prussian statehood, in which the institution of the state church was inseparable from the monarchy, attracted special attention from the entourage of Emperor Meiji. This was used to create the state Shinto cult. The institutions of the school and the army were used to construct the national identity of the entire Japanese nation. Under the conditions of political pressure from the outside, basic concepts of the unity and uniqueness of the Japanese nation, its

о единстве и уникальности японской нации, её отличиях от других держав и роли избранной страны.

Ключевые слова: история Японии, эпоха Мэйдзи, национальное самосознание, кокутай.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Филиппенко Д.А. *Формирование японского национального самосознания в эпоху Мэйдзи.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 456-469.

ВВЕДЕНИЕ

Национальное самосознание подразумевает не только осознание этносами присущих им идеалов, культурных норм и традиций, но и положения своей нации в общем многонациональном социуме. Выделение себя из окружающего мира, признание своей уникальности и при этом понимание уникальности, многообразия других народностей возможно только при наличии контакта с культурой, кардинально отличающейся от местной [16, с. 239–240]. С этой точки зрения большой интерес представляет Япония и ее внутри и внешнеполитические социальные, экономические и культурные процессы, претерпевшие изменения во второй половине XIX – начале XX века. За маленький промежуток времени она смогла добиться статуса «великой державы» и занять далеко не последнее место на международной арене того времени. Говоря о столь выдающемся прогрессе островного государства, нельзя забывать, что катализатором этих изменений явилась активная внешняя политика Западных стран и, конечно, США, чьи амбиции заставили Японию положить конец практически двухвековому периоду изоляции и вступить на путь

differences from other powers and the role of the chosen country are beginning to actively form.

Keywords: history of Japan, Meiji era, national identity, kokutai.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A., Philippenko D.A. *Formation of Japanese national self-consciousness in the Meiji era.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 456-469.

модернизации. В ходе модернизации, преобразовавшей не только экономическую, но и политическую, духовную сферы жизни общества, наблюдается рост значимости процессов культурной идентификации, а также необходимости сохранения своих национальных особенностей и недопущение преобладания заимствованной культуры западного типа, её благ над японскими традициями.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросом идеологии и национальной идентичности, формирования национального самосознания занимались и советские, а после и российские исследователи. Таковы Э.В. Молодякова и С.Б. Маркарян [10]. В своей работе они попытались представить разные точки зрения и выводы о консервативной революции Мэйдзи, используя разные теоретические подходы. Особый интерес в этом вопросе представляет историографическое описание А.С. Толстогузова [17]. В своем исследовании он представил главные труды японских историков и идеологов со времен VIII века и заканчивая тридцатыми годами XX века. А.С. Толстогузов подробно описывает не только исторические произведения, биографию авторов, их политические

и религиозные идеи, но и даёт срез каждой эпохи, что позволяет избегать разночтений. В работе А.А. Накорчевского [11] затрагивается тема синто — «пути богов» и связанные с ним традиции, обряды, его влияние на сакральную, политическую и далее идеологическую сторону развития японского общества

В исследовании был использован историко-сравнительный метод, который позволил выявить схожие черты развития политических течений и определить степень развитости японского самосознания в эти периоды; также был задействован историко-генетический метод исследования, благодаря которому нам удалось выстроить четкую хронологическую последовательность, создать ясную картину каждой из рассматриваемых эпох; историко-типологический же метод пригодился при определении общих целей и задач у разных историков и учёных, принадлежавшим к разным эпохам, направлениям, но придерживающихся схожих позиций и взглядов

РЕЗУЛЬТАТЫ

«Революция», «эпоха», «период», «исин» — все эти понятия идут обычно неотрывно от «Мэйдзи» и описывают одно и то же время в истории Японии — период кардинальной смены всех основ прошлого строя, период изменений, затронувших все сферы жизни общества, период модернизации не только экономики, но и сознания японской нации.

Перед тем, как начать характеризовать эпоху, описывать основные события, стоит разобраться с хронологией. В истории есть два понятия, которые нередко путают: эпоха

Мэйдзи и Мэйдзи Исин. Если первое подразумевает период царствования императора Муцухито, длившейся с 1868 по 1912 гг., то второе — это комплекс реформ, направленный на быстрый переход от самурайской системы к императорскому правлению. Революция Мэйдзи проходила с 1868 по 1889 гг. [15].

После прибытия «чёрных кораблей» США во главе с коммодором Мэтью Перри в 1853 г. и подписания ряда неравноправных торговых договоров Япония оказалась под угрозой превращения в полуколонии [3]. Ситуацию осложнял разрыв в экономическом, техническом и научном развитии между Японией и странами Запада. Правящий режим никак не способствовал преодолению этого разрыва, в связи с чем в стране начали появляться лозунги «сонно дзэи», что могло быть переведено как «да здравствует император, долой варваров» [17, с. 175–187]. На волне общественного недовольства, была сформирована антисёгунская коалиция во главе с представителями княжеств Сацума и Тёсю, которая по окончании гражданской войны Босин привела к полному восстановлению императорской власти и началу реформ Мэйдзи Исин. 13 января 1868 г. императором Муцухито было объявлено о ликвидации систему Токугава бакуфу и восстановлении прямого императорского правления.

Как мы знаем, целью Мэйдзи Исин являлось восстановление единоличного императорского управления. Однако реальная ситуация отличалась от этих идей. По мнению большинства японоведов император Муцухито так и продолжил исполнять роль скорее сакрально символа власть, А.Н. Мещеряков характеризует

его как «икону». Реальная же власть и ответственность находилась в руках Дадзёкан — палата большого государственного совета, существовавшего еще со времён эпохи Нара и Хэйан. Однако в период реставрации Мэйдзи этот орган власти претерпел изменения, ответственным за которые был Кидо Такаёси. Так, Дадзёкан состоял теперь из трёх палат: центральная (сёин), левая (саин) и правая (уин). «Центральная палата напрямую «подчинялась» Мэйдзи. На практике это означало, что он присутствовал на её совещаниях, где решались важнейшие стратегические вопросы. Однако голоса он не подавал никогда», — пишет А.Н. Мещеряков [15]. В декабре 1885 г. Большой государственный совет будет заменён кабинетом министров, первым премьером которого станет Ито Хиробуми. Позже он оставит этот пост ради членства в Императорском Тайном совете, считавшимся высшим органом в системе политической власти (данный институт просуществоует вплоть до 1947 г.).

После принятия новой системы высшего государственного управления следующим шагом на пути реформирования страны стала «Высочайшая клятва в пяти статьях», которую В.Э. Молодяков характеризует, как программное заявление [9]. Его текст в полной форме был адресован, в первую очередь, богам. Что касается содержания «Клятвы», существует несколько переводов, которые во многом отличаются друг от друга. Поэтому, для избегания неточностей, нами было принято решение обратиться к тексту А.Н. Мещерякова, которые описывал эти принципы так: «Во-первых, Муцухито обещал принимать решения на основе «общественных собраний» и учета мнений об-

щественности... Во-вторых, прокламировался конфуцианский принцип, что и элита и подданные обязаны объединиться в деле управления страной. В-третьих, чинам военным и гражданским, а также простым людям предоставлялось право проявлять личную инициативу. Это положение было направлено на разрушение сословных границ в обществе. В-четвертых, обещалось, что «будут устранены дурные обычаи прошлого», а управление станет основываться на «Пути Неба и Земли», то есть справедливо и по закону. В-пятых, говорилось, что «знания будут обретаться во всем мире» и это должно послужить укреплению императорского трона. То есть данной статьей император провозглашал отказ от политики изоляционизма и подчеркивал образовательный аспект своей программы действий» [15]. Новое правительство было готово действовать незамедлительно.

Таким образом, мы видим, что в самом начале правления императора Муцухито были ликвидированы сословная система и связанные с ней ограничения, создавались представительные органы власти, а самое главное было официально подтверждено «открытие» страны. Европейские государства должны были перестать восприниматься обществом, как варвары, поэтому любой акт агрессии по отношению к иностранцам считался противозаконным.

После свержения режима бакуфу и установления полноценной императорской власти возник вопрос об административном устройстве новой Японии. При стремлении нового правительства сохранить единоличную власть без посредников в виде сёгунов или даймё логичным стало упразднение системы княжеств

и создание прототипа унитарного государства. Так, 14 июля 1871 г. был оглашён указ, в соответствии с которым на смену княжествам приходят префектуры во главе с губернаторами. Было выделено 72 префектуры, 3 города, приравняющихся по размерам к ним — Эдо (с 1868 г. Токио), Осака, старая императорская столица Киото и один округ Хоккайдо; 1888 г. количество префектур было сокращено до 47. Как итог, правительство получило мощную финансовую и материальную базу в виде княжеских земель и предприятий. Но с упразднением ханов появилось большое количество безработных — бывшие самураи, которые жили за счет рисовых пайков от государства. Как отмечает А.Н. Мещеряков власть поступила с ними довольно гуманно: самураям выплачивались пенсии. Также бывшие воины получали право на труд, занятие торговлей и сельским хозяйством, которые раньше были под запретом. Новая сословная система была официально закреплена только в законе 1872 г. В соответствии с ним всё общество делилось на три сословия: — в него входили бывшие аристократы и даймё; сидзоку, к которым относилось бывшее самурайство высших и средних званий; третьей же, хэймин, складывалось из крестьян, низшего самурайства, городского населения, а также из категории «эта» — бывшие неприкасаемые. Итогом этой реформы стало фактическое равенство всех трёх сословий.

На пути к модернизации Япония столкнулась с рядом трудностей, главными из которых были неравноправные договоры с иностранными государствами. Для их пересмотра Япония не располагала достаточной силой и влиянием.

Всё это напоминало порочный круг, вырваться из которого помог опыт миссии Ивакура (1871 – 1873 гг.). Японские делегаты, которые никогда раньше не бывали за пределами архипелага (исключением из их числа был заместитель министра промышленности Ито Хиробуми), посетили не только США, но и ряд Европейских государств, включая Россию. Главной их целью было создание нового «японского мифа» — показать Японию цивилизованной и развитой страной. По итогам миссии возможность ближайшего пересмотра договоров стала очевидно невозможной, пришлось отложить эту идею на долгий срок. Однако опыт, полученный делегатами при посещении фабрик, школ, музеев, светских мероприятий, тюрем и даже военных учений, стал важнейшей базой для проведения последующих реформ в сфере просвещения и политического устройства. Многие участники миссии стали видеть причину отсталости Японии в её традициях и обычаях, даже в конфуцианстве. Так начал зарождаться девиз «японский дух – ученость европейская» [17, с. 163].

Как утверждал один из главных просветителей Японии времён Мэйдзи Исин Фукудзава Юкити: «...сила государства зависит от того, каково в нем просвещение. Поэтому и необходимо обратиться к просвещению там и здесь. Если сравнить восточное конфуцианство с западным просвещением, то окажется что Востоку недостает: в области конкретных знаний — математики и естествознания, в области отвлеченных принципов — чувства независимости. А как то, так и другое человечеству необходимо решительно во всем. Поэтому, если мы хотим, чтобы Япония сравнялась с западными держа-

вами, мы должны всеми силами изгонять из нашей страны конфуцианское просвещение» [6, с. 26]. Так, в 1871 г. было создано Министерство просвещения, которое годом позже опубликовало «Гакусэй» («Положение об образовании»). В соответствии с этим положением по всей Японии создавалась единая централизованная школьная система обучения. По образцу западных держав, страна разбивалась на восемь университетских округов, в котором должен находиться государственный университет. Каждый округ делился на тридцать два района, на территории каждого создавалась начальная школа. А, в свою очередь, район начальной школы был поделён двести десять участков, где должны были находиться начальные школы. Также было введено всеобщее начальное образование сроком на четыре года. Помимо школ проходило и учреждение университетов: были созданы Токийский и Киотский университеты. Преподавали в них в основном приглашенные европейские профессора, поэтому образовательный процесс проходил в основном на иностранном языке [2, с.].

Для того, чтобы соответствовать Западу не только в культурном плане, правительство проводило «реформу тела» [8]. Активно вводилась европейская мода, японские же обычаи, как, например, чернить зубы или бить брови уходили в прошлое. Однако когда с разрешением носить любую одежду или причёску на улицах стали появляться девушки с высокими стрижками и в западном платье, администрация ввела запрет. К сожалению, такие преобразования проводились мужчинами и для мужчин, женщинам отводилась роль «хранительницы очага». Но такое положение дел сохранялось не

долго. Примерно с 80-ых годов европейская мода началась популяризоваться и среди женщин. Главным «популяризатором» выступила никто иная как императрица Харуко: она начала активно принимать участие в светской жизни, появляясь в европейском платье, украшениях и западной причёске. Она стала некой моделью, которой стали сразу подражать женщины высшего общества [8].

Реформы помогали Японии в максимально сжатые сроки выйти на один уровень с европейскими державами, стать конкурентно способной страной. Рассмотренные выше преобразования помогали добиться только двух из основных целей правительства Мэйдзи — модернизация и развитие промышленности. Что касается третьей — сильной армии, то реформы в этой сфере были сформулированы ещё Омуро Масудзиро, который был убит в 1869 г. Его идеи продолжил Ямагато Аритомо. Справедливо будет отметить, что новое правительство стремилось не столько поднять престиж японских сил самообороны, сколько дискредитировать самурайское сословие. Такой ход преследовал исключительно высокие цели – показать обществу актуальность реформы, доказать необходимость возвращения к древним традициям, но на основе иностранного опыта. Таким образом стала Пруссия, которая за время миссии Ивакура больше всего покорила делегатов [13]. Поэтому и за основу японской Конституции была взята прусская, которая лучше всего отражала задачи нового правительства — монарх и государство являлись синонимами. Она закрепляла основные права и свободы граждан. Япония признавалась конституционной монархией, подразумевалось разделение властей на

законодательную (двухпалатный парламент), исполнительный (кабинет министров во главе с премьером) и судебную ветви. Однако система сдержек и противодействий отсутствовала как таковая, правительство не было подотчётно парламенту, второй же не влиял на назначение премьеров и так далее. Официально Конституция Японии была принята в 1889 г. 11 февраля, а вступала в силу с 29 ноября следующего года. Конституция Великой Японии стала апогеем стремительной политики модернизации, которая поставила точку в преобразованиях консервативной революции Мэйдзи [1].

Перейдём же к рассмотрению внешней политики этого этапа. Как говорилось ранее, для Японии первоочередной задачей было повышения престижа страны на международном уровне. Чтобы осуществить это, в первую очередь. Надо было добиться пересмотра неравноправных договоров. С этой целью и была отправлена миссия Ивакура. Она помогла создать репутацию Японии, как страны цивилизованной и просвещённой, но главная цель делегация не была осуществлена. Её результаты также оказались полезны при проведении реформ и модернизации экономики [12].

Таким образом, появилось чёткое понимание необходимости создания не только новой государственной идеологии, но и новой системы мышления, восприятия окружающего мира и видения себя в нём независимой по всем параметрам нацией — японцами.

В эпоху бакуфу Токугава правительство было сосредоточено исключительно на поддержании мира, точнее будет сказать, мира, где никто не сможет усомниться в легитимности

правлящего сёгуна и справедливости его режима [17, с. 138]. Как известно, помощь в этом оказала не только конфуцианская и буддийская идеологии, но и система бакухан. То, что властями Токугава виделось благом, правительством Мэйдзи признавалось помехой. Безусловно, аграрная реформа, отмена сословного неравенства и упразднение княжеств создавали единое политическое пространство, которое больше всего подходило единоличному императорскому правлению. «Слово «японец» становится в словаре эпохи чрезвычайно частотным. Всё население страны объявлялось «японцами», все японцы были подданными императора и по этому параметру все японцы были равны,» — пишет А.Н. Мещеряков [7]. Новое правительство начинает разрабатывать государственную символику: гербом была признана хризантема — символ долголетия и стойкости, а флаг — красный круг на белом фоне — «символизировал солнце, а значит, и богиню Аматэрасу и её «прямого потомка» — императора Мэйдзи». Так же были официально закреплены общенациональные праздники, которые имели прямую связь с императором.

Однако только реформированием и созданием государственной символики не удалось бы добиться главного — сформировать на этой единой территории такое же единое общество. Поэтому появилась необходимость в создании государственной религии. На помощь пришёл традиционный синто.

Так, в 1870 г. был учреждён институт агитаторов (чуть позже их переименовали в проповедников) «О распространении великого и божественного Пути». А.Н. Мещеряков выделял

их следующие обязанности: «...внушать уважение к богам и любовь к родине; разъяснять сущность принципов Неба и Пути людей; внушать почтение к императору». С началом периода Мэйдзи буддизм стал восприниматься новой властью как иноземное учение. К тому же его легитимизирующая роль для власти сёгуната в эпоху Токугава никак не подходила монархическому режиму [17, с. 109–143]. В связи с этим новое правительство развернуло активную политику против иноземного буддизма, запрещало проведение буддийских ритуалов и праздников, иногда доходило и до крайностей в виде уничтожения сутр, статуй и храмов. А.Н. Мещеряков считал, что таким образом в Японии «актуализировался миф национальный, а не интернациональный», главной целью власти было выделение Японии и японцев «как обладающих неповторимыми характеристиками» [7].

В первое десятилетие правления Мэйдзи наблюдается огромный интерес к западной культуре, просветительским идеям и науке. Япония стремилась быстрее стать «цивилизованной» страной, равной по силе влияния европейским державам. Известный экономист и историк той эпохи Тагути Укити так смотрел на вестернизацию Японии: «Физику, экономику и другие науки следует изучать не потому, что они открыты на Западе, а потому, что в них содержится объективная истина. Японцы стремились к конституционному правлению не потому, что оно принято на Западе, а потому, что оно находится в соответствии с человеческой природой. Японцы не должны говорить, что они пытались сделать систему образования, законы, правительство такими, как на Западе, а должны говорить, что проводи-

ли преобразования, способствовавшие выходу страны на путь необходимого человеку прогресса» [4].

Однако в этой гонке вестернизации ей не было свойственно бездумное копирование или заимствование достижений прогресса только одного государства. Японцы брали из каждой страны только лучшее: промышленность развивалась по английскому образцу, в образовательной политике явно прослеживалось влияние французских идей, Пруссия стала примером при проведении военной реформы и разработке Конституции. А.Н. Мещеряков сравнивает такую политику с супермаркетом, когда у каждого «производителя» берется только лучший «товар» [15]. Но несмотря на активное заимствование иностранных идей, правительством был сделан упор на сохранении основных положений «великого Учения». Подобная мысль была озвучена ещё Сакума Содзан (1811–1864 гг.) в конце эпохи Токугава, но только во время правления Мэйдзи она приобрела форму лозунга и звучала, как «японский дух — учёность европейская» («вакон ёсай») [17, с. 197]. Также широкое распространение получил другой вариант, который звучал, как «цивилизация и просвещение» («буммэй кайка») [7].

Именно на этот период приходится господство идей позитивизма и утилитаризма американского и европейского образца. В это время широкую популярность приобретают идеи критики не только Азии, а даже синтоизма. Так, на страницах просветительского журнала «Мэйроку дзасси» японские энциклопедисты выступали и как переводчики, и как оригинальные мыслители. К примеру, Ниси Аманэ

и Като Хироюки, изначально занимаясь только переводом теорий об отделении церкви от государства, позже стали самостоятельными авторами. Таким образом, у них получалось вносить в европейские идеи элементы своего понимания, осознания исследуемых вопросов, делали их толкование более понятным для японского общества. Широкое распространение получают концепции известных европейских социологов и экономистов таких, как А. Смит, Г. Спенсер, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль и С. Смайльс. Их популяризация осуществлялась благодаря приглашённым иностранным учёным и профессорам, которые должны были помочь в формировании современной политической элиты.

В политической среде всё чаще начинают звучать идеи о национальной исключительности японского народа по сравнению с западными и азиатскими державами. Так, в 1883 г. была создана Ассоциация исторической науки, выпускавшая до 1886 г. журнал «Сигаку кёкай дзасси». В нём члены общества стремились осветить три главных вопроса, волновавших их: во-первых, особенности возникновения японского государства; во-вторых, как следствие из теории первого пункта — «должное отношение» между императором и народом; и в-третьих, доказательство исключительности японского народа [17, с. 212]. Если первые два пункта конкретно не рассматривали положение Японии по отношению к другим государствам, то в третьей теме господствовали темы о главенствующем положении Японии в Азии, критиковалась теория единого происхождения корейцев и японцев.

Схожие идеи высказывал и Фукудзава Юкити в своём произведении «Дацуарон» («Теория ухода из Азии»). Он считал, что Япония совершила огромный рывок в своём развитии, поэтому ей больше не по пути с отстающими «друзьями». Единственным правильным решением Фукудзава Юкити видел в превращении Японии в гегемона, который бы просто подчинил статичные Китай и Корею [15]. Он считал это истинным благом для них. В соответствии с «Дацуарон» Фукудзава Юкити активно поддерживал войну с Китаем 1894-1895 гг., которая стала практическим доказательством его идей [17, с. 190]. В газетах всё чаще относились к Корею и Китаю с пренебрежением.

Японский патриотизм постепенно начал приобретать окраску шовинизма. К началу XX века император играл роль не только «отца нации», но и становился главнокомандующим, поэтому по средствам всеобщего образования и начальной военной подготовки в школах дисциплина и даже милитаристские ценности были широко распространены и среди гражданского населения [7]. Логичным следствием такой идеологии стали победы Японии в войне 1894-1895 гг. с Китаем и 1904-1905 гг. с Россией, аннексии Кореи в 1910 г. В итоге Япония приобрела статус первой азиатской страны, с мнением которой стоило считаться. А.Н. Мещеряков так описывает восприятие победы японцами: «С окончанием войны Япония наконец-то ощутила, что она стала по-настоящему «цивилизованной»: вегетарианец превратился в хищника, огромный Китай был повержен. Китай, который начиная с VII столетия в течение стольких веков служил для японцев образцом для подражания и источником мудрости.

Теперь в Японии стали раздаваться голоса, что именно она является истинным наследником великого китайского прошлого, которое в самом Китае безвозвратно утрачено» [7].

Но такой успех не мог объясняться одной сменой лозунга или обидой. У истоков такой успешной военной машины всегда стоит сильная идеологическая теория, так сказать, единый мозг нации. Такой основой стала уже знакомая нам концепция «кокутай». В отличие от своего изначального толкования, разработанного ещё в эпоху Токугава школой Мито и популяризированного деятелями школы «национальных наук», «кокутай» времён Мэйдзи становится национальной идеологией, и вплоть до 1945 г. будет источником государственного национализма. Главные цели развития «кокутай» были выше идей создания единой японской нации, теперь же во избежание «каннибализма наций» правительство стремилось доказать полную независимость Японии и в политическом, и в духовном плане. Основные положения этой концепции отвечали её названию, что в переводе могло означать «государство-тело», «государственный организм». Фукудзава Юкити видел в «кокутай» аналог европейским трактовкам гражданского общества: «Кокутай — это когда люди одной национальности объединяются... подчиняются правительству своей страны и не хотят подчиняться правительствам других стран; сами несут ответственность за свое процветание и упадок, сами сохраняют независимость. На европейских языках это называется народ» [17, с. 181].

В соответствии с определением «кокутай», так сказать, состоял из трёх ступе-

ней: на первом уровне находились синтоистские божества и сам император — первосвященник Синто и сакральный вождь, потом шёл японский народ — потомки богини Аматэрасу, замыкали этот ряд Японские острова (творение божеств Идзанаги и Идзанами), мир живой природы, так как с синтоистском учении даже камень обладал душой [9].

Одним из ведущих идеологов периода Мэйдзи становится Ходзуми Яцука (1860–1913). Он считал учение «кокутай» существующим во всех странах, но имеет разные истоки. Поэтому его представления об этом учении сводились к следующему: только в Японии теория «кокутай» носит истинный характер и будет существовать вечно в силу божественного происхождения страны и императорской династии. «Предок моих предков — Аматэрасу-омиками. Она — основательница нашей расы, а трон — её священный дом. Если мы почитаем отца и мать, то насколько больше мы должны почитать наших предков; если мы почитаем предков, насколько больше мы должны почитать основателя нашей страны! Отец и мать — наши предки, живущие сегодня; император — Аматэрасу-омиками, живущая сегодня», — пишет Ходзуми [9].

Другой деятель периода Мэйдзи Минобэ Тацукити (1873–1948) включал в общую систему «государственного организма» «теорию органа» («кикансэцу»). В соответствии с его представлением весь народ продолжал играть роль тела, люди представлялись клетками, входящие в состав какого-то органа, а за функционирование всего этого отвечала голова — император [7]. Такой взгляд на устройство японского

общества способствовал выделению японской нации из других азиатских государств.

ВЫВОДЫ

Для осуществления целей Революции Мэйдзи правительству было необходима крепкая основа в виде единого общества — японской нации. В её создании, воспитании народа ставка была сделана на религию синто. Именно её основные положения о божественном происхождении императорской династии и самой японской земли, наличие у Японии особого пути и национальной истории делали синтоизм не только основой идеологии, но и превращали его в государственную религию.

Через реформы образования правительство с юных лет внушало японцам идею японской исключительности, важности любви к родине и императору. Далее эти основы развивались либо в университетах, либо в армии.

Апогеем этих идей стала концепция «кокутай», разработанная ещё в период Токугава школой Мито и популяризированная школой национальных наук. С тех пор она претерпела ряд изменений. Изначально направленная на популяризацию истинно японских исторических текстов и деятелей, во время Мэйдзи концепция «государственного организма» становится стержнем всех национальных идей Японии. Идеи «кокутай» прошли красной нитью через все реформы, указы, учебники и умы японцев. В 1937 г. «кокутай» будет закреплена как государственная идеология.

Таким образом, мы видим, что японское национальное самосознание ещё со времен эпохи Токугава начало испытывать на себе ряд изменений. Изначально его основы использовали

для объяснения легитимности власти сёгуната и роли клана Токугава в исторический процесс. Но с появлением угрозы в виде превращения в колонию японцы начинают действовать. Именно под давлением извне начинают активно формироваться базовые понятия о единстве и уникальности японской нации, её отличиях от других держав и роли избранной страны.

Литература

1. Верисоцкая Е.В. Эволюция либеральных взглядов в японском обществе в 1870-1880 гг.: Препринт. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 71 с.
2. Воробьева О. В., Вуколова И.И. Реставрация Мэйдзи и историческое образование в Японии // Преподаватель XXI век. 2020. № 4/2. С. 277–289.
3. Калашникова Е.Б., Обухова Е.А. Реставрация Мэйдзи: сущность и итоги // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 4(20). С. 379–381.
4. Кобец В.М. Проблема «Япония — Запад» в мировоззрении японского просветителя Фукудзава Юкити (XIX в.) // Народы Азии и Африки. 1976. № 5. С. 66–76.
5. Козлов Л.Е. Дипломатический статус Королевства Чосон в условиях соперничества Китая, Японии и России на Корейском полуострове (конец XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 83–89.
6. Конрад Н.И. Первый этап японской буржуазной литературы // Проблемы литературы Востока. 1932. Т.1. С. 5–84.

7. Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 350–366.
8. Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новое литературное обозрение. URL: <https://polit.ru/article/2010/03/02/japan/>
9. Молодяков В.Э. Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 2(18). С. 147–164.
10. Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. Японское общество: книга перемен. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1996. 256 с.
11. Накорчевский А.А. Синто. 2-е изд. СПб.: Азбука-классика: Петерб. востоковедение, 2003. 443 с.
12. Носов М. Г. США и Япония на пути к равноправию (1868-1895 гг.) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 7(499). С. 77 – 93.
13. Полохало Ю. Н. Революция Мэйдзи и реформы управления в Японии // Управленческое консультирование. 2006. № 4 (24). С. 195 – 205.
14. Пуляев А.В. Япония на рельсах модернизации: опыт реформирования армии и образования во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). Самара : ООО «Издательство АС-ГАРД», 2017. С. 24-26.
15. Сенаторов А. Рец.: Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 185–186.
16. Словарь терминов и понятий по обществознанию / авт.-сост. А. М. Лопухов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2013. 510 с.
17. Толстогузов А.А. Японская историческая наука: очерки истории: проблемы изучения средних веков и феодализма. М. : Вост. лит., РАН, 2005. 565 с.

References

1. Verisotskaya Ye.V. (1990). Evolyutsiya liberal'nykh vzglyadov v yaponskom obshchestve v 1870-1880 gg. [The evolution of liberal views in Japanese society in 1870-1880]: Preprint. Vladivostok: DVO AN SSSR.
2. Vorob'yeva O.V., Vukolova I.I. (2020). Restavratsiya Meydзи i istoricheskoye obrazovaniye v Yaponii [Meiji Restoration and History of Education in Japan]. In: Prepodavatel' XXI vek. № 4/2. Pp. 277–289.
3. Kalashnikova Ye.B., Obukhova Ye.A. (2018). Restavratsiya Meydзи: sushchnost' i itogi [Meiji restoration: essence and results]. In: Alleya Nauki. Vol. 4. Iss. 4(20). Pp. 379–381.
4. Kobets V.M. (1976). Problema «Yaponiya — Zapad» v mirovozzrenii yaponskogo prosvetitel'ya Fukudzava Yukiti (XIX v.) [The problem of „Japan – West“ in the worldview of the Japanese educator Fukuzawa Yukichi (XIX century)]. Narody Azii i Afriki. № 5. Pp. 66–76.
5. Kozlov L.Ye. (2020) Diplomaticeskiiy status Korolevstva Choson v usloviyakh sopernich-

- estva Kitaya, Yaponii i Rossii na Koreyskom poluostrove (konets XIX v.) [The diplomatic status of the Kingdom of Joseon in the context of the rivalry between China, Japan and Russia on the Korean Peninsula (late 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye. Vol. 34. Pp. 83–89.*
6. Konrad N.I. (1932). *Pervyy etap yaponskoy burzhuaznoy literatury* [The first stage of Japanese bourgeois literature]. *Problemy literatury Vostoka. Vol.1. Pp. 5–84.*
 7. Meshcheryakov A.N. (2018). *Reformy perioda Meydzi: chelovecheskoye izmereniye* [Reforms of the Meiji period: the human dimension]. *Yezhegodnik Yaponiya. № 47. Pp. 350–366.*
 8. Meshcheryakov A.N. (2010). *Otkrytiye Yaponii i reforma yaponskogo tela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Discovery of Japan and the reform of the Japanese body (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novoye literaturnoye obozreniye.* URL: <https://polit.ru/article/2010/03/02/japan/>
 9. Molodyakov V.E. (2014). *Meydzi isin: yaponskaya konservativnaya revolyutsiya* [Meiji Isin: Japanese Conservative Revolution]. *Vo prosy natsionalizma. № 2(18). Pp. 147–164.*
 10. Molodyakova E.V., Markar'yan S.B. (1996). *Yaponskoye obshchestvo: kniga peremen* [Japanese Society: A Book of Change]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN Publ.
 11. Nakorchevskiy A.A. (2003). *Sinto* [Shinto]. Second. Ed. Saint-Petersburg: Azbukaklassika: Peterb. vostokovedeniye.
 12. Nosov M. G. (2011) *SSHA i Yaponiya na puti k ravnopraviyu (1868-1895 gg.)* [USA and Japan on the way to equality (1868-1895)]. // *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture. № 7(499). Pp. 77–93.*
 13. Polokhalo Yu.N. (2006). *Revolyuetsiya Meydzi i reformy upravleniya v Yaponii* [Meiji Revolution and Management Reforms in Japan]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. № 4 (24). Pp. 195–205.*
 14. Pulyayev A.V. (2017). *Yaponiya na rel'sakh modernizatsii: opyt reformirovaniya armii i obrazovaniya vo vtoroy polovine XIX veka* [Japan on the rails of modernization: the experience of reforming the army and education in the second half of the 19th century] // *Istoricheskiye issledovaniya. Samara : Izdatel'stvo ASGARD. Pp. 24–26.*
 15. Senatorov A. (2007) *Rev. on book: Meshcheryakov A.N. Imperator Meydzi i yego Yaponiya. Problemy Dal'nego Vostoka. № 2. Pp. 185–186.*
 16. Lopukhov A.M. (2013). *Slovar' terminov i ponyatiy po obshchestvoznaniyu* [Dictionary of terms and concepts in social science]. Seventh ed. Moscow: Ayris-press.
 17. Tolstoguzov A.A. (2005). *Yaponskaya istoricheskaya nauka: ocherki istorii: problemy izucheniya srednikh vekov i feodalizma* [Japanese Historical Science: Essays on History: Problems of Studying the Middle Ages and Feudalism]. Moscow: Vostochnaya literatura publ.

Информация об авторах

Профессор, доктор исторических наук

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

dmitrymartynov80@mail.ru

Доцент, кандидат исторических наук

Мартынова Юлия Александровна

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

Филиппенко Дарья Александровна

кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

Information about the Authors

Professor, Dr. Sc. **Dmitry E. Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, Cand. Sci.

Yulia A. Martynova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Darya A. Filippenko

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

Features of the creation of a unified anti-Japanese front in China in 1937

Особенности создания единого антияпонского фронта в Китае в 1937 г.

Федотова Дарья Анатольевна,

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-470-476

АННОТАЦИЯ

Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью рассмотрения ключевых событий, происходивших в Китае во время гражданской войны 1927-1937 гг. Рассмотрены попытки правительства Чан Кайши прекратить деятельность Коммунистической партии, а также изучена проблема создания единого антияпонского фронта, на процесс которого напрямую повлиял фактор японской агрессии.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, Гоминьдан, Народно-освободительная армия, советские районы, Красная Армия Китая, гражданская война, единый антияпонский фронт.

Для цитирования: Федотова Д. А. Особенности создания единого антияпонского фронта в Китае в 1937 г. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(3): 470-476.

В период гражданской войны 1927-1937 гг. в Китае проходили сложные процессы, которые были связаны с формированием и установлением политического режима. Как известно, на политической арене Китая в то время находились две мощнейшие партии — Коммунистическая партия Китая и революционная партия

ABSTRACT

The relevance of the chosen topic is due to the significance of considering the key events that took place in China during the civil war of 1927-1937. The attempts of the Chiang Kai-shek government to stop the activities of the Communist Party are considered, and the problem of creating a unified anti-Japanese front, the process of which was directly influenced by the factor of Japanese aggression, is also studied.

Keywords: Communist Party of China, Kuomintang, People's Liberation Army, Soviet regions, Red Army of China, civil war, united anti-Japanese front.

For citation: Fedotova D.A. Features of the creation of a unified anti-Japanese front in China in 1937. Modern Oriental Studies. 2021; 3(3): 470-476.

Гоминьдан. Обе партии хотели заполучить гегемонию и установить в стране свои порядки: КПК — установить власть трудящихся и провести аграрную реформу, Гоминьдан же стремился образовать республику с однопартийной системой, при этом вытеснив коммунистов.

Острые противоречия двух партий привели к гражданской войне 1927-1937 гг., которая расколола страну на две части. Значительным фактором в этом процессе стал II съезд КПК, состоявшийся в 1928 г. в поселке Первомайское Наро-Фоминского района Московской области, на котором было принято решение о необходимости свержения власти Гоминьдана. Для лидера Гоминьдана Чан Кайши это стало весомой причиной, чтобы прекратить все дипломатические отношения с Советским Союзом.

С 1928 г. в Китае стало расти коммунистическое партизанское движение, создавались так называемые «советские районы», находившиеся под контролем КПК, поднимались крестьянские и рабочие восстания и выступления [6, с. 37]. Эти факторы стали причиной тревоги Чан Кайши, который уже к 1931 г. предпринял решительные действия против существования КПК и образования советских районов. В то же время силы компартии Китая постепенно укреплялись. В ноябре 1931 года на территории одного из советских районов китайские коммунисты провозгласили создание советского правительства, под контролем которого находилось около 60 млн. человек, ряды Красной Армии Китая стремительно пополнялись, и в том же году ее численность достигла 150 тысяч человек [8, с. 270]. Численность же Национально-революционной армии Гоминьдана была в разы больше, однако это не мешало коммунистам довольно долго и успешно отражать карательные походы Чан Кайши против советских районов.

Очередную попытку Гоминьдана ликвидировать советские районы затрудняли японские войска, которые летом 1931 начали атаковать север Китая, из-за чего Чан Кайши отдал

приказ перекинуть войска на борьбу с агрессивной японцев. Осенью этого же года его армии пришлось отступить, был отдан приказ более не оказывать сопротивления японским войскам. Это, в свою очередь, сильно отразилось на авторитете Чан Кайши и Гоминьдана, так как основная часть населения Китая была против капитуляции. Компартия же поддерживала настроения населения и выступала за всеобщую мобилизацию против японских войск. Чан Кайши в это время продолжал настаивать на ведении активных действий против Красной Армии Китая. Многие солдаты НРА, которые были недовольны политикой Чан Кайши, бежали на сторону коммунистов.

Летом 1932 года Чан Кайши предпринял 4-ый карательный поход, который так же оказался неудачным. Однако, в это время Гоминьдан заручился огромной поддержкой со стороны Германии, которая помогала Чан Кайши с обучением солдат и поставкой вооружения. Вследствие повышения боеспособности армии и увеличения ее численности, в сентябре 1933 г. состоялся 5-ый поход НРА, который ознаменовался отступлением коммунистов из Центрального советского района и началом Великого похода китайских коммунистов. Целью последнего являлась передислокация Красной армии в северные провинции Китая. Во время этого похода коммунисты понесли огромные потери, причинами которых являлись как бои между КАК и НРА, так и тяжелые природные и климатические условия.

Также другой важной частью противостояния Гоминьдана и Компартии Китая являлась социально-политическая борьба. Чан Кайши, стремившийся подавить недовольства населения, часто прибегал к расстрелам участников

демонстраций, которые проводились в поддержку Компартии и начала борьбы с агрессивной Японией. Однако иных мер, к примеру, социальных реформ, в которых нуждалось население, Гоминьданом применено не было, в отличие от КПК, которая проводила успешную социально-экономическую политику. Все эти факторы помогли коммунистам получить большую поддержку народа [11, с. 341]. Таким образом, попытки Чан Кайши «задушить» движение коммунистов в основном заканчивались неудачами, хоть Красная армия Китая и терпела огромные человеческие потери.

На процесс гражданской войны в Китае сильно повлиял внешний фактор, а именно агрессия Японии. В такой обстановке и КПК, и Гоминьдан были вынуждены действовать на два фронта: против друг друга и против Японии. Тем не менее, Компартия Китая выступала за прекращение гражданской войны и объединение всех сил народа для борьбы. Эти требования отразились в декларации от 1 августа 1935 г., в которой коммунисты призвали китайский народ к созданию единого антияпонского фронта. Данный призыв прошелся волной по всему Китаю с большим успехом: идею КПК поддержала большая масса населения. Кроме того, авторитет коммунистов, в то время возглавляемых Мао Цзэдуном, резко возрос. Это случилось по причине завершения Великого похода. Героическая гибель тысяч солдат, их подвиги вызывали у населения восхищение, тем самым создавая основу для усиления патриотических настроений. Так или иначе, большая часть населения Китая обратила свои симпатии в сторону КПК. Если же говорить о Чан Кайши, к 1935 году доверие к нему значительно уменьшилось, причинами чего являлись

неэффективная экономическая политика Гоминьдана, резкий рост цен, а также строгая дисциплина и нежелание Чан Кайши противостоять захватническим действиям Японии.

Тем временем Китай продолжал находиться в критической обстановке: гражданская война внутри страны, агрессия Японии извне. С точки зрения коммунистов, на данном этапе было необходимо создание единого антияпонского фронта, с чем они обратились и к Чан Кайши.

Руководитель Гоминьдана, ища поддержки у западных держав, вновь, спустя почти десять лет после контрреволюции, обратился к Советскому Союзу, на что тот ответил согласием возобновить отношения. Москва признавала, что для Китая на данном этапе необходимо прекратить гражданскую войну и консолидировать все силы, включая силы Гоминьдана и Компартии. Через члена КПК Ван Мина, работающего в это время в Коминтерне в Москве, китайские коммунисты получали рекомендации объединиться с Гоминьданом.

Уже 25 августа 1936 года Компартия Китая решила отправить Гоминьдану письмо, в котором обозначилось намерение создать единый антияпонский фронт. Две, недавно воевавшие между собой стороны, готовы были пойти на компромисс ради общей цели. Однако уже в декабре 1936 г. перспектива образования единого фронта оказалась под угрозой.

В это же время стали возникать разногласия в самой партии Гоминьдан: некоторые принимали тот факт, что Япония представляет большую опасность для Китая, поэтому следует объединить все силы, другие же были резко

против подобных планов. Раскол среди представителей партии привел к следующим событиям.

Событие 12 декабря 1936 года вошли в историю Китая как «Сианьский инцидент». Многие, кто изучали это событие, утверждают, что именно оно стало определяющим фактором дальнейшей судьбы Китая. Главными фигурами в данном инциденте являлись Чан Кайши, Чжан Сюэлян, один из маршалов Гоминьдана, и представитель КПК Чжоу Энлай. Чан Кайши, прибывший с визитом в город Сиань, был взят под арест Чжан Сюэляном, который критиковал руководителя Гоминьдана за нежелание напрямую идти на переговоры с Компартией.

С точки зрения Чжан Сюэляна, желание Чан Кайши уничтожить коммунистов, в то время как страна терпела проявление внешней агрессии со стороны Японии, было неразумным. Однако сам генералиссимус так не считал, готовясь к шестому походу против Красной армии Китая. После того, как Чан Кайши отдал приказ привести в боевую готовность некоторые части НРА против коммунистов, он почти сразу же был арестован и взят под стражу. Чжан Сюэлян, по-прежнему являясь членом Гоминьдана, потребовал от своего начальника прекращения гражданской войны и объединения сил. По его словам, идеологические разногласия внутри страны можно и даже нужно решать после защиты своих границ и отпора главного врага — Японии. С точки зрения Чжан Сюэляна, такая мера была вынужденной, так как решительность Чан Кайши и его убеждение в верности своих действий могли привести к необратимым для страны последствиям. Помимо агрессии против коммунистов, Чан Кайши также отдавал приказы на расстрел демонстраций, которые проводились под лозунгами

спасения родины против захватнической политики Японии.

Так или иначе, генералиссимус был взят под стражу. Одним из основных требований к нему являлось согласие на консолидацию всех антияпонских сил, включая Компартию Китая. Результатом стал приказ Чан Кайши приостановить шестой карательный поход против Красной армии. Другими же требованиями являлись: правительство Китая должно стать многопартийным, все политические заключенные должны быть освобождены, народу необходимо предоставить демократические свободы и право участвовать в патриотических движениях.

К концу декабря 1936 г. руководитель Гоминьдана был освобожден, однако переговоры продолжались. Следует упомянуть, что в этих процессах особую роль играл Советский Союз, изначально выступивший с критикой ареста Чан Кайши, ведь его арест мог привести к новой вспышке гражданской войны, вооруженным конфликтам и новыми потерями в и так ослабленном Китае.

Спустя некоторое время Чан Кайши соглашается встретиться с представителем КПК Чжоу Энлаем. Этого человека можно охарактеризовать как талантливый дипломат, который даже спустя годы после гражданской войны в Китае активно принимал участие в налаживании отношений между Китаем и странами Запада, Советским Союзом и Японией. В случае переговоров с Чан Кайши, Чжоу Энлай добился соглашения образовать единый антияпонский фронт и прекратить военные действия против коммунистов [7, с. 313]. После этих событий Чан Кайши в своем дневнике отмечал: «Сейчас трудно предсказать успех в противостоянии

Японии, однако единство народа, несомненно, укрепляется» [12].

На момент начала 1937 г. соглашения между Гоминьданом и КПК носили формальный характер, к лету этого же года было принято неофициальное решение о прекращении гражданской войны [3, с. 156-159]. По стране прошла волна антияпонских настроений, студенты со всего Китая начинали военное обучение, создавались добровольческие армии и иные организации, в которых, фактически, объединялись различные слои населения Китая [9, с. 322].

Что же касается преобразования войск, стороны решили влить войска Красной армии в состав Национально-революционной армии. Однако, несмотря на это, локальные столкновения между частями Красной армии и НРА продолжились вплоть до окончания Второй мировой войны.

Нельзя не упомянуть роль СССР и Коминтерна в процессе образования единого антияпонского фронта. В целях поддержания и так хрупкого союза Москва приняла решения помочь единому фронту вооружением [3, с. 72]. Одновременно Советский Союз преследовал и собственные интересы, главным из которых было противостояние Японии и поиск новых союзников. Так или иначе, подобное взаимодействие было полезным и для СССР, и для Китая. Чан Кайши же по-прежнему продолжал вести переговоры с Советским Союзом и рассчитывал на его поддержку, как политическую, так и военную.

Как известно, после поражения революции 1925-1927 гг. и, вместе с этим, фактического поражения коммунистов, большинство советников, направленных из СССР в Китай, были воз-

вращены на родину. В конце 1920-х гг. влияние Советского Союза и его вмешательство во внутренние дела Китая были сведены к минимуму. Усугубил ситуацию вооруженный конфликт на КВЖД 1929 года, в ходе которого власти Манчжурии предприняли попытку взять контроль над железной дорогой, проводили многочисленные аресты советских граждан. Конфликт разрешился переговорами и подписанием Хабаровского протокола, который обеспечил восстановление прав Советского Союза на владение Китайско-Восточной железной дорогой.

Тем не менее, протокол не разрешал всех противоречий между СССР и Национальным правительством Чан Кайши. Коминтерн по-прежнему отмечал важность ликвидации Гоминьдана и установления власти Компартии Китая. Как упоминалось ранее, в данные установки внес свои коррективы фактор японской агрессии. В сентябре 1931 года в Манчжурию, также граничащую с СССР, вторглись японские войска. С данного момента в интересах Советского Союза была уже не ликвидация Гоминьдана, а союз с ним Компартии Китая.

Подводя итог, нужно сказать, что время с 1927 по 1937 гг. для Китая охарактеризовалось стремительно меняющимися событиями как во внешнеполитической, так и во внутриполитической сферах. За десять лет гражданской войны сопротивление Компартии Китая и партии Гоминьдан фактически привели страну в состояние хаоса, погибло большое количество людей. Особенно противоречивым оказалось время Сианьского кризиса, так как от решения нескольких людей зависела судьба всего Китая: либо происходит объединение всех антияпонских сил, либо вспыхивание гражданской войны с еще большей силой. Однако чаша

весов все же перевесила в сторону объединения всех сил ради общей цели — «борьбы против агрессора», т.е. Японии, и защиты суверенитета государства [2, с. 210]. Так или иначе, создание единого антияпонского фронта формально-юридически означало прекращение гражданской войны. Китай же готовился к следующему этапу своей истории — войны с Японией.

Литература

1. Борьба за единый национальный антияпонский фронт в Китае: сборник / [авт. предисл. Ван Мин]. М., 1937. — 131 с.
2. Браун О. Китайские записки (1932—1939) Пер. с немецкого В. А. Жаворонкова, А. А. Звонова, Ю. Медведевой. М.: Политиздат, 1974. — 307 с.
3. Воронцов В. Б. Судьба китайского Бонапарта. М.: Политиздат, 1989. — 336 с.
4. Калягин А. Я. По независимым дорогам. (Записки военного советника в Китае). М.: Гл. редакция вост. лит-ры, Наука, 1979. — 445 с.
5. Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949). М.: Наука, 1977. — 317 с.
6. Сапожников Б. Г. Китай в огне войны (1931-1950). М.: Наука, 1977. — 352 с.
7. Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Восточная литература, 1996. — 575 с.
8. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009. — 440 с.
9. Юрьев М. Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа 20-40-е гг. М.: Наука, 1983. — 336 с.
10. 周恩来。选集。人民出版社，1984。- 535 页
(Чжоу Эньлай. Избранные произведения. Пекин: Народное издательство, 1984. — 535 с.)
11. 中国共产党历史。中共党史。2002年北京 (История КПК. Пекин: История коммунистической партии, 2002)
12. 蒋介石日记 (1915-1949) (дневник Чан Кайши (1915-1949)) URL: file:///C:/Users/%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%B4/Downloads/%E8%92%8B%E4%BB%8B%E7%9F%B3%E6%97%A5%E8%AE%B0.pdf (дата обращения: 13.12.20)

References

1. Bor'ba za edinyj nacional'nyj antiyaponskij front v Kitae: sbornik / [avt. predisl. Van Min]. M., 1937. — 131 s.
2. Braun O. Kitajskie zapiski (1932—1939) Per. s nemeckogo V. A. Zhavoronkova, A. A. Zvonova, YU. Medvedevoj. M.: Politizdat, 1974. — 307 s.
3. Voroncov V. B. Sud'ba kitajskogo Bonaparta. M.: Politizdat, 1989. — 336 s.
4. Kalyagin A. YA. Po nezavisimym dorogam. (Zapiski voennogo sovetnika v Kitae). M.: Gl. redakciya vost. lit-ry, Nauka, 1979. — 445 s.
5. Meliksetov A. V. Social'no-ekonomicheskaya politika gomin'dana v Kitae (1927-1949). M.: Nauka, 1977. — 317 s.
6. Sapozhnikov B. G. Kitaj v ogne vojny (1931-1950). M.: Nauka, 1977. — 352 s.
7. Tihvinskij S. L. Put' Kitaya k ob"edineniyu i nezavisimosti. 1898-1949: Po materialam biografii CHzhou En"laya. M.: Vostochnaya literatura, 1996. — 575 s.

8. Czyan CHzhunchzhen (CHan Kajshi). Sovetskaya Rossiya v Kitae. Vospominaniya i razmyshleniya v 70 let. M.: Posev, 2009. – 440 s.
9. YUr'ev M. F. Vooruzhennye sily KPK v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda 20-40-eg. M.: Nauka, 1983. – 336 s.
10. 周恩来。选集。人民出版社，1984。- 535页 (CHzhou En'laj. Izbrannye proizvedeniya. Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1984. – 535 s.)
11. 中国共产党历史。中共产党史。2002年北京 (Istoriya KPK. Pekin: Istoriya kommunisticheskoy partii, 2002)
12. 蒋介石日记 (1915-1949) (dnevnik CHan Kajshi (1915-1949)) URL: file:///C:/Users/%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%B4/Downloads/%E8%92%8B%E4%BB%8B%E7%9F%B3%E6%97%A5%E8%AE%B0.pdf (data obrashcheniya: 13.12.20)

Информация об авторе

Федотова Дарья Анатольевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцин

Information about the Author

Darya A. Fedotova

Ural Federal University named after B. Yeltsin, the first President of Russia

Статья одобрена рецензентами: 1.07.2021

Статья принята к публикации: 15.07.2021

Reviewed: 1.07.2021

Accepted: 15.07.2021

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ

НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2 и т.д.

Место работы1, Место работы2 и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Для цитирования: ФИО. *Название статьи* (курсивом). Современные востоковедческие исследования. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина А.А. *Динамика экономических отношений между Россией и Японией: основные мотивы*. Современные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Keywords and phrases: word (5-7), на языке написания статьи

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. *Dynamics of economic relations between Japan and Russia: basic motives*. Modern oriental studies. 2020; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Таблица 1. Название таблицы

(дублирование на английском)

Рис. 2: Название диаграммы

(дублирование на английском)

ВЫВОДЫ

Текст

Литература

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белашапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78-86.

2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

References

Be sure to use numbered lists

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. &

Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

Information about author

Associate Professor, PhD **Alfiya Alikberova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

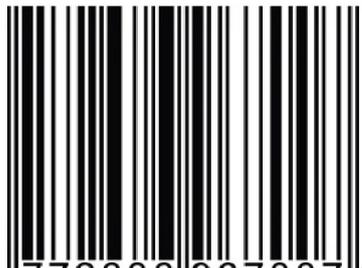
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >